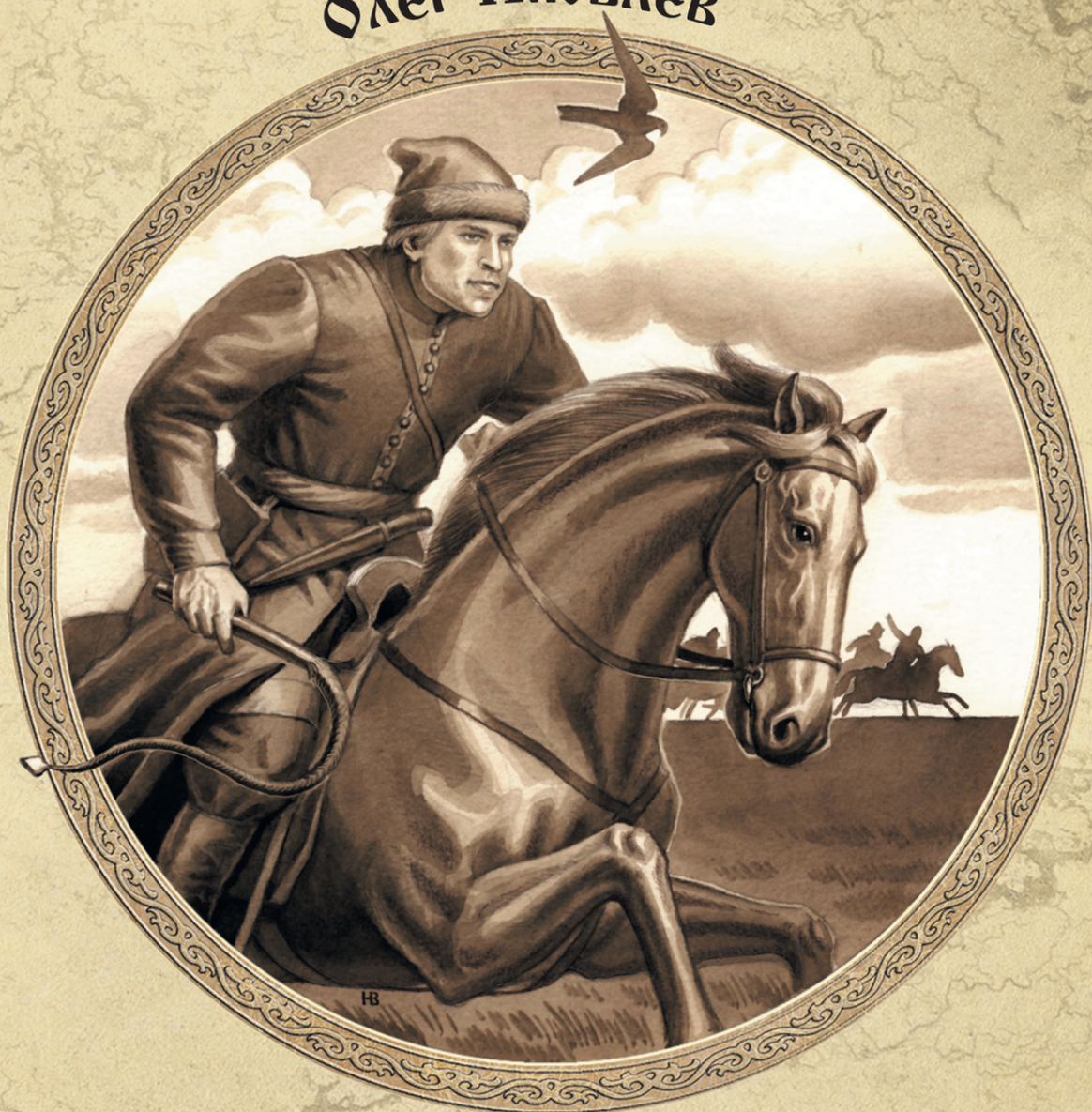

У истоков Руси

Олег Яковлев

Погоня
за ветром

У истоков Руси

Олег Яковлев

Погоня за ветром

«ВЕЧЕ»

2018

Яковлев О. И.

Погоня за ветром / О. И. Яковлев — «ВЕЧЕ», 2018 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-7847-5

XIII век. Русские земли недавно подверглись татаро-монгольскому нашествию, в городах Галичины стоят монгольские отряды, наместники-баскаки собирают ордынскую дань. В это время умирает галицкий князь Даниил, завещая княжеский престол младшему сыну Шварну в обход старшего Льва. Лев чёрно завидует брату, а главным виновником своего безвластия считает литовского князя Войшелга, который в дни, когда умирал Даниил, поддержал притязания Шварна. Сестра Войшелга, юная Альдона – жена Шварна, боится, что её слабый болезненный муж не удержится на престоле, а тут ещё судьба сводит её с молодым помощником Льва – Варлаамом. Альдона решает, что ради семьи должна подавить в себе любовь к «врагу»...

ISBN 978-5-4484-7847-5

© Яковлев О. И., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	39
Глава 10	43
Глава 11	46
Глава 12	48
Глава 13	53
Глава 14	55
Глава 15	57
Глава 16	60
Глава 17	64
Глава 18	68
Глава 19	70
Глава 20	72
Глава 21	75
Глава 22	78
Глава 23	81
Глава 24	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Олег Яковлев

Погоня за ветром

Глава 1

В лето 1264 от Рождества Христова, в знойный июльский полдень над обнесённой зубчатými каменными стенами старинной Падуей¹ повисло жаркое марево. Лёгкие призрачные облачка незаметно растворялись в мутном светло-голубом небе. Город стих, будто устав от неимоверной духоты и извечного шума торговых площадей, когда на университетский двор из прохлады залов небольшими группами высыпали облачённые в одинаковые длинные плащи школяры. Многие несли в руках навощённые дощечки и палочки-писала, они что-то негромко обсуждали, сопровождая свои слова и доводы красноречивыми жестами.

От одной из групп отделились два молодых человека, на вид лет около двадцати пяти, и неторопливо проследовали к украшенным аккуратной резьбой массивным боковым дверям. Если бы какой прохожий ненароком вслушался в беседу этой пары, то вряд ли бы что разобрал и понял: школяры, как ни странно, говорили по-русски.

Один из них, ростом повыше, темноволосый, кареглазый, с несколько полноватым лицом, обрамлённым короткой каштановой бородкой, с немного припухлыми губами под ровными и тонкими стрелками усов, обращался ко второму, коренастому белокурому красавцу с пронзительно-дерзким и вместе с тем немного насмешливым взглядом ярко-голубых глаз:

– Вот, Тихон, четвёртый год мы тут. Закончили тривиум, получили степени бакалавров искусств. И всё на княжеское серебро. Вот и думаю: как дальше быть? Не довольно ли? Сколько нам ещё в этой Падуе дармовые харчи проедать? Да и есть ли смысл? Князя Даниила² понять было можно: желал он нас с тобой определить в свиту к сыну своему, Роману. Хотел посадить Романа на австрийский престол, женил его на Гертруде, вдове герцога. Да только ничего из этой затеи у князя не выгорело. Роман бежал, в Галич воротился, а ныне, говорят, и вовсе помер. Так, может, хватит нам учиться? Как думаешь? Что нам здесь теперь делать?

– Право слово, не ведаю, друже Варлаам. – Голубоглазый красавец передёрнул плечами. – Может, у князя Даниила какая задумка об нас есть. А коли воротимся, дак разгневаем его токмо.

Варлаам наморщил чело, задумчиво провёл ладонью по слегка вьющимся волосам, сощурил глаза и искоса глянул в сторону прямоугольной крепостной башни.

– Хоть бы купчишка какой русский попался на торгу, попросили бы его весть передать, – досадливо пробормотал он. – А так, живём тут, зубрим латынь, неизвестно для чего!

– Зато сколь всего сведали, Варлаам, право слово! Об том помысли! – неожиданно пылко возразил товарищу Тихон. – Да рази ж кто с Руси когда тут был, учился!

– Это ты верно сказал. Не зря, конечно, мы с тобой тут три года на скамьях сиживали. Даст Бог, пригодимся на княжеской службе. Вот только... Далеко от нас сейчас Русь, Галич. Что там теперь, как там? Не знаем, мучаемся, тоскуем.

Школяры поднялись по широким каменным ступеням крыльца и проследовали по крутой лестнице на верхний этаж колледжа. Здесь по обе стороны узкого и длинного коридора располагались утлые комнатки, в которых жили ученики и преподаватели университета. Вскоре оба друга достигли своего скромного жилища. В высокое стрельчатое окно, выходящее во двор, падал солнечный луч. На столе были разложены книги и свитки, многие из них были в беспорядке разбросаны.

¹ Падуя – город в Северной Италии, в Средневековье славился своим университетом. (Здесь и далее – примечания автора.)

² Даниил Романович (1201–1264) – галицкий князь.

– Сколько можно тебе говорить! Складывай ты листы и книги в стопки, свитки сворачивай и не путай их друг с другом. А особо важные помещай вон в те медные вазы, – укорил товарища Варлаам. – Спору нет, ты способен и умён, но я не понимаю, как ты можешь настолько хорошо учиться, не прикладывая к тому значительных усилий. Вот, к примеру, где пропал ты давеча³ ночью? Неужели нашёл себе новую подружку?

– Да тебе-то что до сего, Варлаам, право слово? – удивился, по привычке передёрнув плечами, Тихон. – Всё едино дланью машешь, на меня гляючи. Окромя книг, будто и не видишь окрест ничтоже. А девчата здешние хороши, право слово! Страстны, пылки! И весёлые, лёгкие норовом. Эх, да что с тобою?

Видя, что Варлаам неодобрительно косится на него, Тихон смолк.

– Ну и кто теперь? Снова дочь булочника или сестра оружейника? – По припухлым устам Варлаама скользнула презрительная усмешка.

– А вот и нет! Коли хошь ведать, дак графская дочь. Вот верь не верь, а тако!

– Ого! Высоко летаешь, стало быть, соколик. Смотри, как бы с высоты-то камнем наземь не сигануть.

Тихон не успел ответить. В дверь комнатки раздался настойчивый громкий стук.

– Эй, руссы! – просунулась в дверь черноволосая голова школяра Пьетро. – Вас вызывает сам падре Доменико. Велел, чтобы вы поторопились. Наверное, где-нибудь нашкодили. Ох, и достанется вам! – Он громко рассмеялся.

Извечный наушник, Пьетро был нелюбим школярами и не один раз бывал бит за свои кляузы и доносы. Сейчас он, довольный потирая руки, с насмешкой смотрел на встревоженные лица руссов.

Едва не бегом миновав коридор, Варлаам и Тихон поднялись в покои ректора университета, падре Доменико.

Полный и статный учёный муж сидел за длинным столом, покрытым скатертью тёмно-синего бархата. По правую руку от него восседал худощавый человек в чёрной сутане и полукруглой шапочке на голове. На груди у него золотился большой наперсный крест, костлявые длинные пальцы незнакомца перебирали чётки.

– Вот, ваша эминенция⁴, эти двое и есть наши руссы, – обратился к нему падре Доменико. – Тот, что повыше ростом – Варлаам, а второй – Тихон. Подойдите ближе, – приказал он школярам. – Перед вами архиепископ, сеньор Орсини. Он желает удостоить вас беседой. Кланяйтесь же ему.

Руссы послушно склонили головы, но под благословение архиепископа не пошли и остались стоять.

В палате наступило продолжительное молчание.

Варлаам наконец решился заговорить:

– Мы, право, не знаем, отчего обратили на себя внимание столь высокопоставленной особы. Ибо мы обычные рядовые ученики здешней школы.

– Нет, молодые люди, вы не обычные ученики, – заговорил архиепископ. Голос у него был злой, пронзительный, неприятный. – Насколько мне известно, вас послал на обучение герцог Малой Руси⁵ Даниэль! Так?

– По вашим меркам, он уже не герцог, а король. Ведь папа прислал ему золотую корону, – возразил, чуть заметно ухмыльнувшись, Варлаам.

Архиепископ впери в него полный угрозы и гнева взгляд своих маленьких глаз-буравчиков, но сдержался и спокойно продолжил:

³ Давеча – недавно.

⁴ Эминенция (*лат.*) – преосвященство.

⁵ Малая Русь – Галицко-Волынское княжество.

– Вам известно, что король Даниэль, хотя он и принял корону из рук легата⁶, отказался перейти в лоно истинной Церкви. Несмотря на все наши старания, он по сей день остался упрямым, исполненным гордыни еретиком! Надеюсь, вам известно также о том, что его святейшество римский папа Урбан, наместник престола святого Петра и владыка всех благочестивых христиан, призвал к войне против монголов, литовцев и русских схизматиков⁷!

– Да, мы об этом слышали, – кивнул головой заметно насторожившийся Варлаам.

– Так вот я призываю вас принять нашу единственно правильную христианскую веру! Вы три года живёте здесь, и из великого числа учеников университета вы, насколько я знаю, одни из лучших. Так ли, падре Доменико? Каким по счёту выпускником тривиума был Варлаам?

– Четвёртым, ваша эминенция.

– А Тихон?

– Шестым.

– И это из более чем сотни школяров! Похвально, молодые люди, весьма похвально. Так направьте же отныне ваши знания, ваш ум на служение истинной Церкви. Довольно пребывать вам в схизме! Даю вам три дня, чтобы вы приняли решение. Его святейшество папа.

Молчавший доселе Тихон внезапно перебил архиепископа:

– Так ты что ж, изменниками нас считаешь?! Почему должны мы принимать вашу веру?! Руссы мы, но не венгры, не немцы. У нас, на Руси, свои обычаи, своя, православная, вера. И вера – не кафтан, кой снять можно и в другой переоблачиться.

Архиепископ не выдержал и, разозлившись, закричал:

– Нечестивцы! Схизматики! Змеи! Упрямые заблудшие души! Да я вас в темницу брошу, я вас – на костёр! Вы смеете презреть волю самого папы! Это он, он повелевает вам креститься!

– Не распалайте себя гневом, святой отец, – громким решительным голосом прервал его Варлаам. – Мы ведь как думаем? Вот примем мы католичество, воротимся в Галич, и как встретит нас князь Даниил? Хлебом-солью? Нет, он нас в поруб⁸ как отметчиков⁹ посадит, под запоры крепкие, и будем мы там сидеть без толку, пока не окончим жизни свои. Ну, и какой в этом смысл? А вот если останемся мы православными, совсем иной приём на Руси нас ожидает. Тогда сможем мы как-то на князя повлиять. Тихонько, подспудно будем склонять его к союзу с папою. Вы ведь больше хотите, верно, чтоб он католиком стал, а не мы. Ибо где князь, там и держава. Мы же – всего лишь княжеские слуги.

Архиепископ, щуря маленькие глазки, багровел от ярости.

– Схизматики! – заорал он. – Да будьте вы прокляты, прокляты! Гореть вам в аду! Если не примете истинной веры, так и знайте: доберусь я до вас! Жалкие безумцы! Еретики! Да я вас – на костёр!

Вскочив со скамьи, он стремглав выбежал из палаты. Из коридора донеслась его громкая брань.

– Ступайте! Оставьте меня одного! – приказал школярам насупившийся падре Доменико. Школяры послушно вернулись к себе в покой.

– Ну и болван же этот архиепископ! Ну и пень! – с презрением промолвил Варлаам. – Сдаётся мне, он ничего не понял из того, что я говорил. Такие, как он, упрямые и тупые, как ослы. Вот велел ему папа, и теперь он исполняет его волю, не разбирая, для чего.

– А ты, друже, что, воистину стал бы князя к латинству склонять? – хитровато прищурившись, спросил его Тихон.

– Да нет, конечно. Это я так говорил, чтоб от него отделаться.

⁶ Легат – посланник римского папы.

⁷ Схизматики (то есть раскольники) – так католики называли православных.

⁸ Поруб – яма с укрепленными срубом стенами, тюрьма.

⁹ Отметчик, отметник (*др. – рус.*) – предатель.

– Тогда, выходит, право слово, не столь уж и туп бискуп¹⁰ сей. Не поверил он тебе, вот и раскричался.

Друзья посмотрели друг на друга и невольно рассмеялись.

– Вот что, Тихон, – оборвал нежданное веселье Варлаам. – Думаю, надо нам отсюда ноги уносить, и чем скорей, тем лучше.

– Покуда мы здесь, в университете, нам ничто не грозит. Падре Доменико не позволит...

– Падре Доменико и рад бы, но не сможет уберечь нас от костра. Надо бежать, друг. Вот что. Пойдём-ка перетолкуем с ним.

Школяры поднялись обратно в палату ректора.

– Падре Доменико! Позвольте. – Уловив короткий кивок седовласого наставника, Варлаам подошёл к столу и сказал: – Я знаю, вы были добры к нам с Тихоном. И я прошу вас оказать нам услугу, быть может, последнюю. Дайте нам добрых лошадей, чтоб доскакать до Венеции. Мы должны бежать. Мы знаем, что нас ждёт при отказе стать католиками.

Падре Доменико горестно вздохнул и закачал головой.

– Мне будет так жаль расстаться с вами, дети мои возлюбленные! Но ты прав, Варлаам. Вам следует уехать из Падуи и возвратиться к себе на родину. Я дам вам письмо к одному своему старинному приятелю, Джузеппе Коломбини. Он капитан торгового судна и возит товары из Венеции в Задар¹¹. Доберётесь до Кроации, там вас не тронут. Бан¹² и король Бела¹³ пребывают в мире и дружбе с князем Даниилом.

– Мы благодарны вам, падре, за помощь, – опутив голову, проникновенно вымолвил Варлаам.

– Нам так жаль покидать школу! – воскликнул Тихон.

По щеке его скатилась слеза. Глядя на него, прослезился и падре Доменико.

Порывисто вскочив, он заключил обоих школяров в объятия.

– Помните, помните, как вам было здесь хорошо, возлюбленные дети! – шептал он, всхлипывая. – И да пребудет с вами Бог! Помните, что и вы, и мы – христиане!

...Вечером Тихон и Варлаам, сменив плащи школяров на жупаны тонкого сукна, навьючив свой скудный скарб на легконогих саврасых жеребцов, выехали из университетских ворот.

– Надо спешить. Скоро сумерки, стража закроет все городские ворота, – говорил Варлаам.

– Успеем, – беспечно отмахнулся Тихон. – Мне, друже, надобно тут... – Он замялся. – Дельце одно спроворить. Дак ты езжай, я тя догоню.

– Какое ещё дельце? – подозрительно покосился на товарища Варлаам. – С девкой свидеться! – Догадался он и сплюнул от негодования. – Ну, нашёл тоже час!

– Да я вборзе.

– Поедем вместе. Не бросать же тебя тут одного. Где она живёт, твоя разлюбезная?

– Возле Палаццо делла Раджоне.

– Близкий свет! Ну что ж, скачем.

Друзья поторопили жеребцов.

Возле одного из высоких каменных домов, примыкающих к площади Трав, Тихон остановился, спешился и прислушался.

В вечерний час тишина и покой царили вокруг величественных зданий с мраморными портиками¹⁴. Лёгкий ветерок обдувал разгорячённые скачкой лица. Где-то вдали раздавалась

¹⁰ Бискуп (*др. – рус.*) – епископ.

¹¹ Задар – портовый город в Хорватии, которую в то время называли Кроацией.

¹² Бан (должность) – наместник венгерского короля, в частности, в Хорватии.

¹³ Бела IV (1206–1270) – венгерский король.

¹⁴ Портик – архитектурно оформленная выступающая часть здания с колоннами или арками.

негромкая песня лютниста. Тихон бросил в решётчатое забранное зелёным богемским¹⁵ стеклом оконце камешек. Тотчас в окне вспыхнул неяркий свет, проскользнула чья-то лёгкая тень, затем послышался тихий стук шагов по лестнице.

– Сеньорита Беата! – громко шепнул Тихон. – Это я, ваш друг. Мы уговорились о встрече.

Тонкая фигура в длинном плаще приблизилась к стоявшим в глубокой нише у фасада школярам.

Девушка сбросила с головы капюшон. Иссиня-чёрный каскад волос рассыпался, струясь, по её плечам.

– А это кто с тобой? – вопросительно воззрилась юная красавица на Варлаама.

– То друг мой. Беата, дева моя красная! Я пришёл... Мы должны расстаться. Нам надо бежать из города.

– Бежать? Как жаль, мой возлюбленный! Но давай не будем терять времени. – Бойкая девица ухватила Тихона за рукав плаща и потянула его к входу в какой-то тёмный подвал, находящийся сбоку от ниши.

– Тихон, друже! – окликнул его по-русски Варлаам. – Ради всех святых, помни, что нам надо спешить! Орсини мог проведать о нашем отъезде и послать погоню!

Оставшись один, он застыл в нетерпеливом ожидании. Длани тряслись от волнения. Стараясь успокоиться, Варлаам плотно сжимал уста. Чёрт бы побрал этого глупого мальчишку! Какие там могут быть девки, если их могут схватить и бросить в темницу!

Топот копыт нарушил мысли Варлаама. Вздрогнув, он порывисто метнулся к двери подвала.

– Тихон, скорей!

В неярком свете лампы увидев товарища, он силой потащил его к выходу, решительным жестом отодвинув в сторону цепляющуюся за одежду Тихона девушку.

Школяры стремглав выскочили за решётчатую ограду дома, отвязали от изгороди и взобрались на своих коней и поспешили к городским воротам. Прохладный вечерний ветер свистел в ушах и задувал в распалённые лица. Сходу проскочив ворота, прогремывав по мосту через вонючий ров, беглецы окунулись в сумеречную напоённую жужжанием насекомых мглу. Где-то вдали они слышали громкие крики.

«Видно, в самом деле этот проклятый архиепископ погоню снарядил», – пронеслось в голове у Варлаама. Ударив хворостиной, он поторопил жеребца.

...Утром они, переведя коней на рысь, проскакали вдоль поросшего пшеницей поля, затем свернули на дорогу, ведущую через буйно зеленеющий дубово-буковый перелесок, и вскоре выехали к берегу узенькой, журчащей по камням речушки. У реки росли величественные толстоствольные тополя, рядом с ними склоняли к воде густые ветви плакучие ивы.

Варлаам непрестанно оглядывался назад. Всё было тихо, никаких преследователей, только пастух выводил на зелёный лужок у опушки стадо коров.

– Зря ты меня торопил, друже, право слово, – недовольно ворчал Тихон. – С Беатою толком и проститься не дал.

– Да забудь ты об этой бабёнке, Тихон! Одна у нас теперь забота – как бы домой, на Русь, поскорее вернуться. А ты заладил: Беата да Беата! Ну, посидит она, погорюет, потоскует по тебе, а потом замуж отдадут, и не вспомнит о тебе больше. Мы ж с тобой учили: аберрация близости. То есть время, срок. Когда случилась какая беда или, наоборот, радость недавно, то кажется она важной, главной, а проходит лето, другое – и смиряется, утихает душа, и уже думаешь, а стоило так страдать или радоваться? Хронос, время. Оно сглаживает страсти, утишает гнев, усмиряет веселье. Так устроен мир.

– Тебе б в попы идти, – усмехнулся Тихон.

¹⁵ Богемия – латинское название Чехии.

– В попы? Нет, друже, не пойду. Голоса у меня нет. Да и не умею проповеди честь. Не в том стезю свою вижу.

– А в чём?

– Службу князю править буду. Может, послом куда поеду или в хронисты пойду – тоже дело нужное. Там поглядим.

– Вот и я думаю на службу при княжом дворе наняться. Чай, пригожусь, право слово. Не каждый гридень¹⁶ аль отрок¹⁷ у князя Данилы в Падуе учился.

За разговорами друзья достигли стен портовой материковой части Венеции. Варлаам достал из сумы грамоту и прочитал фамилию капитана и название улицы.

– Это где-то здесь, в порту. Спросим. Наверное, многие знают Джузеппе Коломбини. Так и падре советовал. А коней продадим, как только с ним уговоримся.

Он поехал по вымощенной булыжником мостовой, увлекая за собой всё ещё печально вздыхающего по красавице Беате товарища.

¹⁶ Гридни – категория младших дружинников в Древней Руси. Часто выполняли функции телохранителей при князе.

¹⁷ Отрок – здесь: категория младших дружинников. Отроки использовались в качестве гонцов, посыльных и др. Считались выше гридней.

Глава 2

На холмах Подолии и Волыни желтела трава, воздух был свеж, прозрачен, как случается в начале осени, когда яркие праздничные краски лета ещё не поблекли, не потускнели, но дыхание холода уже чувствуется везде и во всём, невольно навевая в душу некую подспудную, не до конца постигнутую силою разума грусть. В грусти этой, как и в шелестящих сохнувшей листвою дубах, буках, грабах была некая особая прелесть, и было даже немного приятно думать о прошедшем лете, воспоминания о нём вызывали не горестные вздохи, а лёгкую улыбку.

Варлаам и Тихон, переведя на шаг купленных в Угрии¹⁸ соловых¹⁹ фарей²⁰, отпустили поводья и молча любовались окрестностями. Наконец-то, думалось, после долгого странствования они опять очутились дома, где и люди ближе и приятней, и сама природа словно бы радуется возвращению блудных своих детей.

На обоих путниках были лёгкие дорожные вотола²¹ из грубого сукна, ноги облегали тёмно-зелёного цвета порты и короткие сапоги-поршни²² без каблуков, мягкие и удобные при ходьбе. Войлочные шапки покрывали головы, время от времени они смахивали с чела пот – было ещё жарко, хоть и наступила осень.

Позади остались долины Дуная и Тисы, венгерская пушта с её пылью и песком, увалы лесистых Карпат, склоны Розточе с бьющими у подножий целебными источниками. Вокруг простирались холмистые поля с вкраплениями лесов и перелесков, шлях то взвивался ввысь, то подходил к берегу очередной узенькой сереброструйной речки, то устремлялся в глубь леса. Дорога была знакомой; казалось, ничего не изменилось за те три года, что бывшие школяры провели в Падуе.

– Может, поторопим фарей, – нарушил молчание Варлаам. – Скоро Владимир.

– Что ж, давай чуток борзее поскачем, – с готовностью поддержал его Тихон.

Кони понеслись лёгкой рысью, перелетая с холма на холм. Варлаам вгляделся вперёд: вот-вот вдали, у окоёма²³, промелькнут крепостные стены Владимира-Волынского. Вон уже, кажется, и земляной вал, который они облазили ещё малыми детьми вдоль и поперёк, вон ров, дальше должен быть мост через болотистую речку Смочь. Но что это?! Где же крепость?! Где стены, ворота, сторожевые башни, стрельницы?!

Над валом виднелись лишь кучи мусора и обгорелые брёвна.

– Видно, беда стряслась! – Варлаам встревоженно переглянулся с Тихоном. – Скачем галопом!

Они пронеслись через Смочь, вспенив мутную воду, выскочили к месту, где раньше были ворота, и оказались на некогда оживлённых городских улицах. Станным выглядело то, что все дома и церкви Владимира стояли целые и невредимые, не было только стен и ворот. На месте города простиралось большое открытое со всех сторон село. Одиноко, как-то сиротливо возвышался по соседству с боярскими теремами белокаменный собор Успения Богородицы с высокими полукруглыми апсидами²⁴ и стрелой устремлённой в лазоревое небо колокольной.

¹⁸ Угрия – Венгрия. Угры – венгры.

¹⁹ Соловый – желтоватый, со светлым хвостом и гривой.

²⁰ Фарь – верховой конь.

²¹ Вотол – верхняя дорожная одежда, грубая, из валяного сукна. Встречались и дорогие, княжеские вотола, сажёные жемчугами.

²² Поршни – род «гнутой» обуви, то есть с минимальным количеством швов.

²³ Окоём – горизонт.

²⁴ Апсида – в церковной архитектуре – выступ полукруглой или прямоугольной формы, имеющий собственное перекрытие.

– Я к своим! После увидимся! – бросил Варлаам через плечо товарищу и круто поворотил фая.

Промчавшись по пыльной улице к крутому спуску с холма, он остановился у ворот приземистого небогатого дома, сложенного из буковых брёвен, и громко настойчиво постучал.

Уже через несколько мгновений Варлаам оказался в объятиях матери. Полная, черноглазая, в тёмной свите²⁵ и белом повойнике²⁶ на седых волосах, всполошно взмахивая руками, старая Марья быстро, бойким черниговским говорком, рассказывала:

– Ох, сынок, а у нас-ти, у нас чего было! Татарове опять приходили, сыроядцы негодные! Стены-ти вот градские порушили, изверги! Главный-ти вот у их нынче уж не Куремса, того наши князья одолели, а некий Бурундай²⁷. Видали мы его – старый, лицо жёлтое, борода козлиная, а зенки-ти как сверкают – жуть! Ну да что об нас! Отец вон в огороде, тотчас покличу. Ты-ти как тамо, сынку?! Гляжу, одёжка не худая! Как оно тамо, во фрягах-ти²⁸?! Ой, побегу, холопку²⁹ кликну, пушай на стол накрывает!

Привлечённый шумом, у огородной калитки возник отец Варлаама, Низиня – худой костистый старичок невысокого роста, с седой размётанной по ветру бородой. Обняв и расцеловав сына, он тихо прослезился.

Отец Варлаама был выходцем из Бакоты, с низовьев Днестра, потому и прозвали его во Владимире Низиней. В юные годы пришёл он на службу в молодшую дружину ко князю Даниилу и брату его Васильку, был гриднем, отроком, воевал с ляхами, венграми, татарами, а нынче, на старости лет, возвёл дом на склоне холма и тут жил со своей супругой, уроженкой Чернигова. Княжью службу он теперь правил редко, лишь иногда посылал к нему князь Василько Романович за каким-нибудь советом. Детей у них с Марией было трое: старшая дочь Пелагея вышла замуж за богатого купца из Дрогичина, а младший брат Варлаама умер от лихорадки пять лет тому. Со времени отъезда Варлаама в Падую жили старики одиноко и не слишком богато, хотя имели двух холопов – конюха-литвина и девку-челядинку.

Сидя за трапезой в горнице, Низиня рассказывал супившемуся сыну:

– Темника³⁰ татарского, Куремсу, побили мы, отогнали рати его от градов наших. Бежал Куремса в Сарай, к хану своему, а тот, сказывают, разгневался и повелел придушить его прямо на торгу тетивой от лука. И прикончил Куремсу сего простой овчар, что для татарина – превеликий позор, паче самой смерти. Но недолго радовали мы. На второе лето послал заместо Куремсы новый хан татарский, Берке, другого темника, Бурундая. Бурундай ентот – умный, хитрый, опытный, не то что Куремса был. Ещё в Батыевом походе он передовым отрядом у их начальствовал. Ну, в обчем, перемог³¹ Бурундай наших князей. Велел сказать: ежели, мол, хотите жить со мной в мире, размечите города ваши. Князь Даниил к тому времени в угры бежал, брату же его, князю Васильку, и сыну старшому, Льву, пришлось повеленье татарское исполнять. Разрушили укрепления в Луцке, Данилове, Львове, стены в Кременце и Стожке также с землёю сровняли. Вслед за тем добрался безбожный Бурундай и до нас. Иоанн, епископ Холмской, в стан его ездил, да темник упрямо своё гнул. А Кром Владимирский, сам знашь, Варлаам, крепкий был вельми, не могли его пороками разрушить. И велел тогда Бурун-

²⁵ Свита – длинная верхняя одежда в Киевской Руси.

²⁶ Повойник – платок замужней женщины.

²⁷ Бурундай – монгольский полководец, во время Батыева нашествия на Русь в 1237–1241 годах командовал авангардом, позднее воевал с галицким князем Даниилом Романовичем.

²⁸ Фряг, фряз (*др. – рус.*) – итальянец.

²⁹ Холоп – категория населения в Киевской Руси. Обельные (полные) холопы – рабы, основным источником их происхождения был плен. Необельные холопы, или закупы, – феодально зависимые крестьяне, попавшие в кабалу за долги и юридически могущие освободиться от зависимости, выплатив купу, то есть долг.

³⁰ Темник – у монголов глава тумена, отряда в 10 тысяч воинов.

³¹ Перемочь – победить.

дай сжечь его. Тако и сотворили. А сделавши лихое, подступили татарове к Холму. И коли б не князь Василько, дак и Холм бы порушили.

– Как же это князь Василько отвёл от Холма беду? – спросил Варлаам.

– А вот как, сынку. Подъехал Василько с троими мурзами татарскими и с толмачом ко стенам холмским, склонить чтоб горожан к сдаче. Жители бо³² Холма оборужились, самострелов у их великое было множество, и на заборол³³ вышли все, от мала до велика. Набрал князь Василько в руку камешков, стал бросать их и кричать воеводам холмским: «Эй ты, холоп Константин, и ты, холоп Лука Иванович! Сей город – брата моего и мой! Сдавайтесь!» Но камешек брошенный был для воевод знак условный. Уразумели они, что не велит им князь врата открывать, и стояли они крепко на забороле, а Василька обругали последними словесами. Ну, а татары седмицу под стенами копошились, да потом отступили, мир створили. После ходили Василько и Лев Данилович с Бурундаем вместе³⁴ Литву и ляхов воевать, а потом воротился Бурундай в ставку свою, на Днепр. В волостях наших волынских и галицких топерича баскаки татарские сидят – сборщики дани. Забирают людей русских – кого в войско, кого в неволю, с каждого дома берут меха, скотину. В обчем, лихонько.

– А князь Даниил?

– Воротился в Холм, да, говорят, занемог с той поры. Всё на папу, на угров с немцами надеялся, помощи искал, да какая от латинян помощь! Лучше б, верно, с татарами мирился.

– А кто сейчас в Орде царствует?

– Берке-хан, брат Батыев. И, сказывает, в бесерменскую³⁵ веру он перешёл. И многие мурзы и нойоны³⁶ им недовольны, и Бурундай в их числе.

– Да, там ведь, средь ордынцев, много христиан. Хоть и толка монофизитского³⁷, или несториане³⁸, а всё равно во Христа веруют, – задумчиво обронил Варлаам.

– Ты, сынку, отдохни тут малость да езжай-ка давай, верно, с Тихоном вместе, в Холм, предстань пред князьки очи, – стал советовать отец. – Так, мол, отмолви, и так. Обучились, дале невмочь было, притеснять начали. Поступите на службу, а тамо видно будет.

– А вы с матерью как? Тоже вам уехать отсюда надо. Если вороги лихие нагрянут, как обороняться, где хорониться?

– Нет, сынку. Куда нам! Старые, кому мы нужны. Да и дом тут свой, хозяйство. Не бросать же всё. А стены, глядишь, лето-другое минует, отстроят. Смилостивится, чай, Бурундай.

Варлаам тянул из глиняной кружки светлое пшеничное пиво, смотрел на морщинистое узкое отцово лицо, хмурил чело и думал, что всё отныне в его жизни и в жизни родных и близких ему людей будет совсем не так, как раньше. Тяжкая, трудная грядёт на Волыни пора.

Утром явился к нему Тихон, рассказал про свою мать, живущую в предместье у брата-гончара.

– Моим, Варлаам, тож хлебнуть пришлось. Зима голодная была, у брата корова подохла, да жена болела долго, и до сей поры болезная ходит, кашляет. А мать ничего, справная. Молодец она у мя! Никакая хвороба не берёт!

³² Бо (*др. – рус.*) – ибо, так как.

³³ Заборол – площадка наверху крепостной стены, где находились во время осады защитники крепости.

³⁴ Вместе (*др. – рус.*) – вместе.

³⁵ Бесерменская (*ст. – русск.*) – басурманская. Здесь: мусульманская.

³⁶ Нойон – монгольский вельможа.

³⁷ Монофизитство – ересь в христианстве. Соединение двух начал в Христе монофизиты рассматривали как поглощение человеческого начала божественным.

³⁸ Несторианство – ересь в христианстве. Несториане утверждали, что Иисус был рождён человеком и лишь впоследствии воспринял божественную природу. В Средние века несторианство было широко распространено на Востоке, в частности, среди монголов.

После полудня приятели наскоро собрались и поспешили в Холм. Долго ещё по пути они оборачивались и с тревогой и печалью смотрели на казавшийся им голым, раздетым без укреплений меж крутых холмов Владимир. Серебрилась окружённая болотами извилистая Луга, птицы спешили навстречу им в тёплые края, шумели листвой деревья, и стучала в волнении в голове у Варлаама мысль: «Как нам теперь? Что будет?»

Он успокоился и сосредоточился на другом, лишь когда показались впереди мощные укрепления города Холма – столицы князя Даниила.

Глава 3

Лет тридцать назад в местах этих, богатых живностью, князь Даниил учинил ловы, выслеживал в лесочках диких кабанов, гонялся за зайцами и лисицами, стрелял из лука диких уток. И высмотрел единожды поутру князь красивую, густо поросшую лесом гору с крутыми, обрывистыми склонами, обведённую вокруг широким полем. Узенькая речка Угор струйкой бежала у её подножия, проваливаясь на дно глубокого оврага, дальше на полночь блестела в солнечном свете топкая низина болота, а за ней, возле самого окоёма, различим был в ясную погоду Буг, по которому в мирное время плыли вереницами торговые суда.

На горе велел князь Даниил заложить малый градец и дал имя ему – Холм. Здесь, вдали от шумного, наполненного боярскими склоками и заговорами Галича, окружённый верными дружинниками, и поселился Даниил вместе со своей семьёй, отсюда рассылал он повеления волостелям и воеводам, здесь принимал иноземных посланников. Множество люду стекалось в Холм, селилось вокруг крепостных стен. Приходили и от немцев, и от ляхов, и из Литвы, и от татар бежали, и от княжеских усобиц из разных уголков Русской земли. Сёдельники, тульники³⁹, кузнецы по железу, по меди и по серебру умельцы ставили дворы свои на склонах сей красивой горы, обживали берега реки, окрестные овраги и даже на болоте возводили дома на сваях. Рос, украшался, хорошел Холм, с годами превратился он в один из самых больших и славных градов Червонной Руси⁴⁰.

Князь Даниил посвятил Холм преподобному Иоанну Златоусту и воздвиг в честь него соборную церковь с четырьмя сводами по каждому углу. Своды эти опирались на изваянные неким искусником каменные челоуеъи головы. Три окна в храме украсили «стёклами римскими». В алтаре церкви соорудили два огромных цельнокаменных столпа, и на них держался свод, украшенный золотыми звёздами на лазури. Внутренний помост был отлит из меди и чистого олова, блестящего, «яко зеркало». Двери алтаря вытесаны были из камня, галицкого белого и зелёного холмского, неким «хитрецом Авдеем». На передних дверях «бе изделан» лик Спаса, а на полуночных дверях – святой Иоанн Златоуст. Иконы, привезённые из Киева, украсили дорогим камнем, златом и бисером. Икону святой Богородицы преподнесла в дар сей церкви сестра князя, Феодора, настоятельница женского монастыря во Вручии, многие колокола тоже привезены были из Киева, хотя некоторые из них лили уже на месте, в Холме.

Посреди города вознеслась к небесам огромная башня-вежа, основание её, высотой в пятнадцать локтей, изготовили из камня, верх же – из тёсаного дерева. Башня была побелена и, по словам летописца, она «светилась на все стороны». В башне были устроены окна и площадки, с которых можно было стрелять из луков и самострелов.

Неподалёку от башни раскинулся княжеский «сад красен», а рядом с ним построили по Даниилову повеленью церковь Святого Безмездника с четырьмя мощными столпами из тёсаного камня, поддерживающими купол.

За городом, на расстоянии поприща⁴¹ от крепостных стен, воздвигли каменный столп высотой в десять локтей, на котором был изваян каменный орёл – родовой княжеский герб.

В лето 1259 случился в Холме великий пожар, в церкви Иоанна в пламени погибли многие иконы, и «медь от огня ползуща, яко смола». После пагубы сей князь Даниил обновил церковь и возвёл в любимом своём граде новый храм, во имя Пресвятой Богородицы. Из земли угров для этой церкви привезли огромную чашу багряного мрамора, обвитую змеиными главами. Чашу поставили перед церковными воротами и сделали из неё крестильницу.

³⁹ Тульник – изготовитель колчанов. Тул – колчан для стрел.

⁴⁰ Червонная Русь – Галиция.

⁴¹ Поприще – древнерусская мера длины, то же, что верста.

Княжеский дворец, тоже частью сотворённый из камня, но частью – из дубовых и буквых брёвен, величественно выступал из зелени сада. По краям его возвышались теремные башни, круглые, с коническими позлащенными верхами, на которых развевались стяги с золотым львом на небесно-голубом фоне. К главному крыльцу вела дорожка из зелёного камня, само крыльцо было мраморное, ступени его покрывали багряные ковровые дорожки.

Но в роскошном нарядном дворце царила напряжённая тишина. Князь Даниил лежал в тяжкой хворобе, и у постели его собирались родичи и бояре. Слабела крепкая десница⁴² могучего витязя и правителя, в горестный век нескончаемых бедствий сумевшего создать на Галичине и Волыни, в окружении развалин, посреди войн и иноземных нашествий, цветущую державу.

Неслышно скользили по застеленному цветастыми коврами хорезмийской⁴³ и персидской работы полу челядинцы; боясь нарушить тяжёлую тишину, в угрюмом молчании застыли у дверей покоев стражи – рынды⁴⁴ с бердышами⁴⁵ в руках; степенные бояре, шурша парчой и алабастром, тихо, стараясь не шуметь, ходили по просторным горницам.

В узком, длинном покое в муравленной⁴⁶ изразцовой печи играли языки пламени. Князь Даниил лежал на лавке, накрытый собольим одеялом. Серебрились волосы на его голове, густая сеть морщин покрывала измождённое болезнями и заботами лицо, карие глаза, обведённые сероватыми старческими кольцами, смотрели печально и слабо. И не верилось, что вот этот угасающий старец – и есть тот самый знаменитый на весь мир властитель, с которым считались монгольские ханы, заигрывали австрийский герцог, венгерский король и даже сам римский папа. Увы, всему на грешной земле приходит свой срок.

У изголовья тяжко больного князя стояли, понутив головы, сыновья – Лев, Мстислав и Шварн, здесь же был младший брат его, Василько, князь Владимира-Волынского, с сыном, Иоанном-Владимиром, по другую сторону от ложа находились супруга и снохи, все в строгих тёмных одеяниях, в убрусах⁴⁷ на головах.

Боярин Лука Иванкович, разворачивая с хрустом тяжёлый свиток пергамента, читал завешание.

Сыновья, бросая короткие взгляды на Луку, слушали. Златобородый Василько Романович, супя широкие светлые брови, искоса следил за племянниками.

Вот Даниилов первенец, Лев – высокий, немного сутулый, широкий в плечах, с тёмными, глубоко посаженными глазами, всегда молчаливый, погружённый в себя. Уже и не юноша, но муж, – как-никак стукнуло ему аж сорок три года, – не раз ходивший на рати. Старики говорили, вельми похож он на своего деда, Романа Великого, но было в нём что-то и от матери, первой жены Даниила, наполовину половчанки – какая-то кошачья порывистость, страстность, порою вспыхивающая из-под личины наигранного хладнокровия.

Средний сын Даниила, златокудрый синеглазый Мстислав, был прямодушен, наивен, храбр. Извечный весельчак, насмешник – с ним всегда и всем было легко и просто. Этот не умел скрывать своих помыслов, не таил ни на кого зла, а просто жил и радовался тому, что живёт. Из Мстислава будет добрый ратник и воевода, но державным властителем быть такому не дано.

⁴² Десница (*др. – рус.*) – правая рука.

⁴³ Хорезм – историческая область и древнее государство в Средней Азии, в низовьях р. Амударья.

⁴⁴ Рында – здесь: княжеский оруженосец-телохранитель.

⁴⁵ Бердыш – широкий длинный топор с лезвием в виде полумесяца на длинном древке.

⁴⁶ Муравленный – покрытый рисунками в виде трав.

⁴⁷ Убрус – женский головной платок.

Младший, Шварн, или Сваромир, сын Даниила от второго его брака с литвинкой, совсем ещё юноша около девятнадцати годов, болезненный и хилый, был паче прочих любим отцом. Так всегда: сильные любят слабых, защищают, оберегают их.

Отблески пламени падали на бледное лицо Шварна с тонкими бескровными устами, он беззвучно шептал молитву, сложив на груди руки, пепельного цвета волосы его редкими прядями падали на чело, глаза были печальны, порою в них вспыхивали искорки страха. Рядом с высокими братьями он казался особенно маленьким и каким-то даже жалким.

«Сыну моему Шварну, – чёл гнусавым бесстрастным голосом Лука. – Жалую Галич, Холм и Дрогичин...».

Лев резко вскинул голову, грозно прищурился, злобно покосился в сторону мачехи.

Княгиня Юрата ответила ему холодной усмешкой.

«Сыну моему Льву, – продолжал боярин, – даю в удел Перемышль и Львов...»

Лев стиснул длани в кулаки. По лицу его растёкся багряный румянец гнева. С трудом сдержавшись, чтобы не прервать чтение, он застыл на месте и отвёл взор в сторону. Изю всех сил старался он выглядеть равнодушным и не показывать своего озлобления.

«Вот как, стало быть, отче, – пронеслось у него в голове. – Наследником своим мальчишку содеял. Что ж ты наделал, отче?! Почто губишь самим собою созданное?! Смешно ведь, смешно! Кто сего Шварна слушать будет?! Ты погляди, погляди! Да он в боярской узде шею себе свернёт! А всё она сие устроила, стерва!» – обругал он в мыслях Юрату.

После того как князь Даниил бежал от Бурундая в Венгрию, между ним и старшим сыном состоялся долгий нелюбезный разговор. Лев обвинял отца в слабодушии, в том, что зря столько лет искал он себе друзей на Западе, что пустое это было дело – надеяться на помощь папы в войне с монголами. Даниил и Лев тогда крепко повздорили, и теперь стало ясно, что княгиня Юрата искусно воспользовалась их ссорой.

«Выходит, слепа она, любовь родительская. Державу свою готов отец в жертву принести. Нешто не понимает, что убивает все начинанья свои?!»

Отбросив на время беспокойные мысли, Лев неохотно вслушался в слова Луки:

«Сыну Мстиславу даю Луцк. Брату своему Васильку завещаю Владимир...».

Дальше шло перечисление сёл, которые Даниил передавал своей княгине и снохам, а также дарил монастырям и церквям. Лев почти не слушал, он то бросал недобрый взгляд на золотистую бороду дяди Василька, то на перепуганного, нахохлившегося Шварна («Тоже мне, князь!»), то на самодовольное, густо набеленное, миловидное лицо мачехи («Муж на смертном одре, а она довольнѣхонька!»).

Наконец, Лука замолчал.

– А теперь покиньте меня, – глухо прохрипел Даниил. – Останься ты один, брат мой Василько.

Сыновья и снохи, тихо шурша одеждой, вышли из палаты. Юная жена Мстислава, дочь половецкого хана Тегана, не выдержав, вдруг расплакалась. Княгиня Добрава Юрьевна, супруга Василька, полная, статная жёнка лет пятидесяти, положила унизанную перстнями с самоцветами руку ей на плечо и стала шёпотом успокаивать.

– Чего ты, донюшка... – донеслись до ушей Льва её ласковые слова.

Князя с княгинями расположились в горнице. Шварн, медленно вышагивая вдоль стены, пробормотал:

– Чего-то долго они там, со стрьем⁴⁸.

– А ты поди, постучись, – огрызнулся Лев. – Как-никак, старший топерица меж нами.

Шварн сильно смутился и, густо покраснев, отошёл к слюдяному окну.

⁴⁸ Стрый – дядя со стороны отца.

«Что, не по тебе шапка? На чело давит?» – со злостью подумал Лев. В палате воцарилось молчание. Пятеро княгинь в чёрных платьях в ряд сели на скамьи напротив Льва с Мстиславом.

Возле Юраты расположилась юная жена Шварна, княгиня Альдона, тоже литвинка, дочь покойного князя Миндовга⁴⁹. Лев невольно засмотрелся на писаную красавицу. У Альдоны были большие лучистые глаза, а уста такие, что придворный гусляр назвал их «сладкими, стойно⁵⁰ мёд».

«Ну да на что она мне, девчонка сопливая!» – одёрнул себя Лев, глядя, как Альдона всхлипнула и поспешила вытереть платочком свой прелестный римский носик.

«Тоже мне, великая княгиня Галицкая и Холмская выискалась!» – Он вдруг тихо засмеялся, чем вызвал удивлённые и возмущённые взгляды княгинь.

Особенно вознегодовала жена Льва, Констанция, дочь венгерского короля Белы. Худая, костистая, с пепельного цвета волосами, в которых пробивалась уже первая седина, она недовольно зашевелила ноздрями своего острого длинного носа и гневно осведомилась у мужа:

– Чему ты смеёшься? Твой отец умирает!

Лев опасливо завертел головой, уловил злую насмешку в глазах Юраты и, ничего не ответив, молча махнул рукой.

В горнице снова воцарилось тягостное молчание. Вдруг Шварн, стоявший у окна, возгласил:

– Всадники скачут! Альдона, там твой брат, Войшелг! Вон я вижу его чёрную рясу!

Бирич⁵¹ у крыльца воскликнул:

– Великий князь Литвы Войшелг!

Шварн, словно мальчик, выбежал из горницы. Ничего в этом юнце не было от великого князя, будто какой простодушный отрок спешил навстречу товарищу своих детских игр и беззаботно радовался, вмиг отбросив прочь все свои горести и печали. Красавица Альдона, мгновенно оживившись, пошла за ним следом. На лице Юраты появилось выражение досады.

– Да, непристойно, – сощурившись, с издёвкой качнул головой Лев. – Рази тако великий князь себя держать должен? Ты бы, матушка, поучила его малость розгами.

Юрата недовольно прикусила губу, боярин Лука, не выдержав, фыркнул, Добрава Юрьевна осуждающе сдвинула брови.

Вскоре на пороге палаты появился князь Войшелг, сын Миндовга. Поверх дощатой брони⁵² на нём была чёрная монашеская ряса. Отбросив назад куколь⁵³, литвин по очереди поздоровался и облобызался с князьями.

Было что-то твёрдое, решительное и в то же время смиренное в чертах этого человека лет тридцати, с густо поросшим светлой бородой сухощавым лицом и свинцово блестящими глазами, такое, что люди, слышавшие о прежних и нынешних его делах, ни на миг бы не усомнились: всё сказанное про него – правда.

Лет десять тому назад князь Миндовг дал в удел сыну захваченную им Чёрную Русь⁵⁴ – городки Новогрудок и Слоним. В городках этих Войшелг принялся свирепствовать, как дикий зверь. Самый вид крови веселил его и забавлял, он наслаждался убийствами и муками жертв. Но вдруг нежданно сделался кровавый язычник добрым христианином, покаялся в грехах, постригся в монахи и пришёл во Владимир, к отшельнику Григорию Мудрому. В молитвах и странствиях по святым местам проводил время Войшелг до тех пор, пока год назад не сведал

⁴⁹ Миндовг (ум. в 1263 г.) – великий князь Литвы.

⁵⁰ Стойно – словно, будто.

⁵¹ Бирич – глашатай.

⁵² Дощатая броня – вид защитного вооружения, панцирь из гладких металлических пластин.

⁵³ Куколь – монашеский капюшон.

⁵⁴ Чёрная Русь – название земель в верхнем течении Немана с городами Гродно, Волковыск, Новогрудок и др.

он об убийстве в Литве своего отца Миндовга. Тогда, отринув на время монашескую жизнь, поклялся он отомстить убийцам. С мечом в деснице явился Войшелг на родину, и там, единодушно признанный великим князем, истребил великое множество людей, называя их предателями. Карал и виновных, и невинных, не разбирая, где правда и где ложь. Всегда и везде ходил он в чёрной рясе поверх доспехов или мирской одежды, за что прозвали его «волком в шкуре агнца».

Вот такой человек стоял теперь перед Львом, он говорил, что прослышал о тяжелой болезни своего «второго отца» и приехал свидеться с ним, может статься, в последний раз на этом свете. Лев не верил ни одному слову Войшелга, за внезапным приездом его видел он происки честолюбивой мачехи.

«Хочет подкрепить стол⁵⁵ мальчишки сим зверем!» – думал Лев, расточая гостю ничего не значащие хвалебные слова.

И всё-таки была какая-то другая, тёмная, мыслишка, теснилась она где-то глубоко в голове, не хотел покуда Лев делиться ею не только с кем другим, но и с самим собою.

Явился мрачный Василько Романович, по дворцу забегала челядь, послали за епископом Иоанном.

«Кончается отец». – В суматохе Лев выскользнул из горницы и спустился на нижнее жило⁵⁶. Остоялся немного в холодных сенях, успокоился, вздохнул сокрушённо об отце.

Собираясь вернуться обратно, он направил стопы к лестнице и тут едва не столкнулся с двумя людьми в необычных для такого скорбного часа нарядных кафтанах.

– Эй, вы кто таковы?

– Отроки мы. Посылал нас князь Даниил три года тому в Падую, в университет, – ответил высокий темноволосый молодец. – Вижу, не ко времени мы тут.

Он собрался выйти, увлекая за собой товарища.

– Погодите-ка. – Крепкая память сослужила Льву добрую службу. – Узнал я вас. Ты – Варлаам Низинич, а ты, кажись, Тихон. Тако? – Узрев согласные кивки отроков, он заключил: – Вот что. Отец мой при смерти лежит. Мне отныне служить как, согласны ли?

Он подспудно чувствовал, что эти двое в грядущем не раз пригодятся ему в трудных, запутанных делах.

Варлаам уже готов был тотчас согласиться, но Тихон вдруг попросил:

– Дай нам, княже, немного тут освоиться! А то ить⁵⁷ яко из огня да в полымя мы, право слово.

– Что ж, разумею, – кивнул Лев. – Токмо вот что. Здесь, в тереме, безлепо⁵⁸ не торчите. Ступайте-ка отсель покуда. Возле собора, на Горе, отыщите хоромы боярина Маркольта, немца. Скажете: князь Лев послал. Вот у него и укройтесь до той поры, пока я вас к себе не позову. А сюда очей чтоб не казали! – предупредил он напоследок, погрозив отрокам перстом.

Дождавшись, когда Варлаам и Тихон скроются за дверь, он тихо пробормотал:

– Вот с ентого и начнём.

⁵⁵ Стол – здесь: княжеский престол.

⁵⁶ Жило – этаж, ярус.

⁵⁷ Ить (др. – рус.) – ведь.

⁵⁸ Безлепо – нелепо, глупо.

Глава 4

Хоромы боярина Маркольта располагались на полуденном склоне Горы, над довольно крутым, обрывистым местом, густо поросшим дикой малиной. Осиновый забор, сильно накренившийся под тяжестью деревьев и кустарников, ограждал обширный двор от соседних строений – мазанок боярской челяди и крытых соломой утлых ремесленных избёнок. С другой стороны двор Маркольта примыкал к широкому шляху, за которым виден был собор Святого Иоанна Златоуста, выделявшийся на общем фоне своей праздничной бьющей в глаза красотой.

Боярский дом был сложен из серого камня, что отражало вкусы хозяина-немца. Ступени крыльца окаймляли мощные каменные ограждения, камень был здесь повсюду, и даже сам сад с вишнями, яблонями и толстоствольными дубами казался заключённым в тяжкие серокаменные доспехи.

Боярин Маркольт, низкорослый, вислоусый пожилой немчин с седыми волосами, остриженными в кружок, встретил Варлаама и Тихона посреди огромной каменной залы со сводчатым потолком. Сидя за столом, он медленно, жадными большими глотками поглощал из оловянной кружки светлый пшеничный ол⁵⁹.

– Кто фы такоффы? – спросил он, сверля непрошенных гостей колючим неодобрительным взглядом.

– Нас к тебе, боярин, послал князь Лев, – отвечал Варлаам. – Прямо от него и идём.

– О, принц Лео! – Маркольт удивился и насторожился. – Кнас Лео. – Повторил он, побарабанив перстами по столу. – И что он коффорил?

– Сказывал, можно будто у тя укрыться до поры до времени, – сказал Тихон.

Немец подозрительно сощурился, хмыкнул, ещё раз оглядел пристально нарядные кафтаны отроков, протянул:

– Та-ак, сначит. – И тут же спросил обеспокоенно: – Фы феть ненатолко? Ненатолко?

«Скуп. Даже сесть не предложил! Развелось вас тут таких, по доброте и милости князя Даниила!» – подумал с неодобрением Варлаам.

Сняв с пояса кошель, он вынул из него три серебряные монеты и протянул их Маркольту.

– Вели, боярин, накормить нас да покой какие определи. Мы у тебя, мыслью, надолго не задержимся. Но в накладе не останешься. Заплатим.

Варлаам со скрытым отвращением смотрел, как продолговатое лицо немчина просияло, он попробовал монеты на зуб, затем поднёс их к горящей свече и долго пристально рассматривал.

– Топро, – наконец изрёк он, хитро улыбнувшись. – Остафайтесь. Принц Лео – мой польшой трук!

...Вскоре уже недавние школяры, сытно отобедав горячими щами и начинённой овсяной кашей свиной, расположились наверху в светлой комнатёнке с забраным слюдой окном, выходящим на шлях. Это место боярского дома как бы выступало наружу и нависало над забором. Из окна было хорошо видно всё, что творилось на улице. А там, разгоняя кур и гусей, скакали взад-вперёд литовские ратники в кольчатых доспехах, у многих за спинами колыхалось что-то наподобие крыльев.

– Что их тут столько, право слово? – удивлённо спросил товарища Тихон.

– Не к добру это, друже. Помнишь, когда мы во дворец въезжали, литвин там, Войшелг, возле крыльца распоряжался.

– Дак и что? Войшелг сей – кум князя Льва. А сестра еговая – за князем Шварном.

⁵⁹ Ол – пиво.

– Неспроста, думаю, они тут отираются. – Варлаам задумчиво вздохнул. – Вот что, Тихон. На княжий двор нам покуда соваться не следует, а вот проведать, что да как, не мешало бы. Потому давай-ка переоденемся да на торг сходим. Всё там узнаем.

Переоблачившись в долгие серые свиты из валяного сукна, нахлобучив на головы грубые войлочные шапки, друзья оглядели один другого и, удовлетворённо заметив:

– И впрямь стойно крестьяне, – поспешили за ворота.

Торжище располагалось на подоле⁶⁰, у подножия горы, недалеко от берега речушки. Широкою пыльную площадь окаймляли с одной стороны утлые мазанки и землянки городской бедноты, огороженные кое-где плетнём или просто густым кустарником, а с другой – крутой овраг, по склонам которого тянулись более богатые хаты гончаров и кожемяк. Пахло дымом, кожей, коровьим кизяком.

Друзья остановились возле прилавков торговцев щепетинным⁶¹ товаром. По соседству молодая краснощёкая бабёнка в цветастом платке с оранжевыми жар-птицами бойко торговала розовыми шиферными пряслицами.

Тихон уже готов был подскокить к ней, но Варлаам цепко ухватил его за широкий рукав свиты.

– Не время. После, – зло одёрнул Низинич товарища и повернулся к торговцу пуговицами и застёжками:

– Скажи, мил человек, что такое в Холме стряслось? Суета, шум какой-то, вершники⁶² иноземные по улицам разъезжают.

Маленький длиннобородый купчик поманил Варлаама перстом и, когда тот склонился к нему, вполголоса оживлённо заговорил:

– Князь Данило при смерти лежит. Нынче, бают, завещанье еговое огласили. Даёт младшему сынку своему, Шварну, Холм с Галичем и Дрогичин впридачу. В обчем, старшего сына, Льва, обидели крепко. И бают, то мать Шварнова, княгиня Юрата, постаралась. А чтоб князь Лев чего ненароком не выкинул, в помощь себе литвинов позвала. Вот сии литвины ноне град-то да терем княжой и стерегут, яко псы цепные. И вот шо скажу те, человеце добрый. Коль ты не здешний, дак ступал бы отсель вборзе. Как бы лихо не створилось тута. Еже⁶³, не дай Господь, помрёт князь Данило, благодетель наш, дак передерутся сыны его промеж собою, яко волки. Одна у нас надёжа – на князя Василька. Уж он, мудрый, мыслим, от при племяшей своих удержит. Да токмо как знать...

Пока Варлаам выслушивал негромкую речь купца, Тихон протиснулся-таки к краснощёкой молодежи и вопрошал её. Варлаам, хмуро обернувшись, увидел, что жёнка громко хохочет, запрокинув голову, а Тихон что-то говорит ей, оживлённо перебирая перстами.

«Вот беспутный парень!» – Варлаам усмехнулся и подошёл к ним.

– Се – товарищ мой, Варлаам, Низинич. Тож из Володимира.

Молодица, лукаво подбоченясь, спрашивала:

– Чегой-то одежонка у вас худая. Не может того бысть, что отроки вы княжьи.

«Уже всё выболтал, дурья башка!» – ругнулся в мыслях Варлаам, но через силу улыбнулся и ответил: – Поиздержались мы малость, девица. Издалече едем.

Молодица снова звонко расхохоталась.

– Вот что, добры молодцы, – сквозь смех выговорила она. – Живу я одна, на подоле, у речки, на самом на отшибе. Ввечеру приходите, ждать вас буду. Хоть и небогата, да спроворю

⁶⁰ Подол (или посад) – торгово-ремесленный район в древнерусских городах, как правило, слабо укрепленный или совсем незащищенный.

⁶¹ Щепетинный товар – то же, что галантерейный.

⁶² Вершник – всадник, верховой.

⁶³ Еже (др. – рус.) – если.

угощение кой-какое. А дом мой коль не сыщете, дак спросите, где Матрёна, вдова купецкая, живёт. Всяк мя тут знает.

Варлаам сухо поблагодарил женщину и снова сердито рванул Тихона за рукав. Они быстро прошли через ряды, в которых торговали конями, и свернули на одну из идущих от торжища кривых улочек. Мимо потянулись полуземлянки бедноты, некоторые, более просторные, окружали заборы. В скором времени друзья оказались на окраине посада, возле обрывающейся над рекой Угор кручи.

– Вот, верно, и дом Матрёнин, – указал Тихон.

– Что ж делать будем, друг? Что думаешь? Воротимся к Маркольту, или как? – спрашивал, в задумчивости поглаживая бородку, Варлаам.

– Ты как хошь, а я к немчину ентому боле ни ногой! – Тихон замахал руками. – Здеся вот, у Матрёны, покуда и поселюсь. Бабонька хоть куда, сразу видать.

– Беату, выходит, позабыл?

– Да что ты, Варлаам! – досадливо обронил Тихон. – Что попрекаешь мя всё! Ну, была Беата, дак где она ноне?

– Я тебя не упрекаю, но совет даю: остепенись, друже. Сам видишь, что вокруг происходит. Осторожнее быть надо. А ты всё этой Матрёне про нас выболтал. А если она сейчас вот возьмёт да и расскажет о нас княгине Юрате или литвинам тем? Отираются, мол, на торгу какие-то людишки подозрительные. И как придём мы к ней в дом, так нас с тобою под белы ручки и в поруб отведут. А потом поминай как звали.

– А ты, стало быть, всякого подозреваешь?! – Тихон внезапно вспылел. – Да ты глядел хоть на её, на Матрёну сию?! Сразу ж видать, право слово: простая она жёнка, до хитростей больших далека.

– В том-то, может, и беда, что далека. Возьмёт да случайно сболтнёт о нас, а потом пойдёт-поедет. Нет, Тихон, ты гуляй, с кем хочешь, я тебе не судья, но головы не теряй. Нельзя нам.

Друзья помолчали. Поршни их месили грязный песок, они спустились к реке, затем поднялись обратно на взлобок и оказались возле ворот купецкого дома. По описаниям Матрёны, это как раз и было её жилище.

– А неплохо, видно, твоя подружка устроилась, – присвистнул Варлаам, озирая крепкие дубовые врата, высокое крыльцо и большие окна с искусной резьбой на украшенных киноварью⁶⁴ наличниках. Края кровли и столпы крыльца тоже были богато изузорены и подведены краской.

Варлаам и Тихон остановились возле ворот, не зная, что делать дальше.

– Ну и как теперь, ждать здесь её будем, что ли? – насмешливо спросил товарища Низинич. – До сумерек ещё часа два, – добавил он, глянув ввысь, на обложенное густыми кучевыми облаками небо.

С реки задул сильный ветер, неся с собой прохладу осеннего ненастья и навевая в душу грусть. Друзья, запомнив место, пошли дальше по кривой улочке посада, снова оказались возле реки, залюбовались розовым закатом. Было легко и свободно дышать, а налёт грусти тоже был не тягостным, а каким-то приятным. И не верилось, что где-то в эти часы идут войны, полыхают пожары, что кто-то страдает, умирает, печалуется. Жёлтые листья падали с шелестом на землю, и в их шуршании тоже была какая-то наводящая грусть прелесть, такая, которую трудно передать словами. Но вот позади остался поросший лесом пригорок, и взорам друзей открылось необъятное поле, ветер стал сильнее, отрывистой, он засвистел в ушах, как выпущенная из татарского лука стрела, и место приятной печали заняла тревога, некое ожидание неизвестности, неясность грядущего, друзья обеспокоенно переглянулись и, не сговариваясь, молча повернули обратно к посаду.

⁶⁴ Киноварь – краска из одноимённого минерала, красного цвета.

Варлааму совсем не хотелось идти к Матрёне, но Тихон настоял и едва не силой потащил его к знакомому уже крутому крыльцу. Весёлая молодница, лукаво подбоченясь, встречала их в просторных сенях.

– А, знакомцы давешние! Что ж, входите. Гостям завсегда рада. Палашка! – окликнула она горничную. – Пирог готовь да кашу, да щи. Извиняйте, отроки княжьи, уж чем богаты, тем и рады. В теремах не сиживали, яства изысканные не едали. Мы уж по-простому, по-домашнему. Без хитростей заморских.

Есть совсем не хотелось, но, чтоб не огорчать радушную хозяйку, Варлаам с поклоном и словами благодарности сел за стол рядом с Тихоном.

– Говоришь, одна живёшь тут, женщина добрая. Но, гляжу, дом у тебя добротный, и одета ты справно. Верно, пряслицами торгуешь, от этого и доход хороший имеешь? – спросил он, отведав вкусных щей.

– Дом сей от мужика достался. Сам-то он с товаром ушёл в Угры да тамо и сгинул. Огневица скрутила в пуште ихней. – Матрёна вмиг погрузилась и тяжело вздохнула. – Вот и живу вдовицей. Три года уж. Сперва белугою выла, нареветься не могла, ну а потом, що ж деять, мало-помалу стала мужние дела проворить. Да токмо пряслица – что, от их навар невелик. Частью на мужнино наследство живу. Ну, еще брат помогает. Всякую рухлядишку⁶⁵ с им вместе продаём на торгу, лавка у нас на двоих тамо. Ну, промысел кой-какой давеча наладили, скору⁶⁶ из Берестья⁶⁷ возим, ткани многоценные из немцев, сим также торгуем. Да ты ешь, ешь, добр молодец.

На некоторое время в горнице воцарилось молчание, а затем Тихон неожиданно спросил:

– А ты, Матрёна, о князе Даниле чегой-то нибудь слыхала? Бают, хвор он.

– Слыхивала, как же. Да токмо, мыслю, вам, отрокам княжим, поболее мово о сём ведомо. Аль не так? Аль и не отроки вы вовсе? – Она хитровато уставилась на гостей.

– Тут вот какое вышло дело, хозяйюшка, – начал степенно, не торопясь, Варлаам. – Три года назад отправил нас с Тихоном князь Даниил в Падую, в университет, наукам различным обучаться. А воротились мы только что вот. Приходим в княжеский терем, а там нам и говорят: князь Даниил на смертном одре. Велели нам укрыться пока у боярина Маркольта, немца. Вот мы там поселились и ждём, не знаем, что дальше. Как нам быть?

Он передёрнул плечами.

– У Маркольта? – переспросила молодница и отчаянно всплеснула руками. – Да кто ж вам такое насоветовал?! Скряга, каких свет не видывал, Маркольт сей! Да и окромя того... Помните, верно, как на Чудском озере покойный князь Александр лыцарей ливонских посёк. Дак вот, слыхала я, Маркольт-то среди тех немцев ливонских был. И не лыцарем даже, а пешцем простым. Кажись, кнехтами⁶⁸ они у их прозываются. Еле спасся он тогда, выплыл на берег из-подо льда, а после сюда вот, в Холм-то, и подался. И бабьим своим худым умом смекаю, зря князь Данило таким, как он, потекает. Обжился тут немчин, разбогател, оженился на одной вдовушке боярской. Обольстил её словесами красными да вежеством своим бесстыжим. А потом боярыня та померла внезапно. Люди сказывали, яд он ей в яства подкладывал, такой, что медленно человека убивает. Тако вот сохла, сохла вдовушка сия и чрез год-то и почила. Ещё баили⁶⁹, уж не ведаю, правда аль нет, будто б Маркольт сей – полюбовник княгини Львовой, Констанции.

– Дак ить князь Лев нас к ему и послал, – недоумённо пробормотал Тихон.

⁶⁵ Рухлядь – вещи, не обязательно старые.

⁶⁶ Скура – шкура, мех.

⁶⁷ Берестье – ныне г. Брест в Белоруссии.

⁶⁸ Кнехт (нем.) – пехотинец.

⁶⁹ Баить – говорить.

Варлаам ожёг его неодобрительным взглядом (нечего, мол, болтать лишнего!) и поспешил перевести разговор на другое:

– За те три года, что мы на Руси не были, вижу, многое здесь переменялось. Бурундай похозяинничал на Волыни и в Галичине, городки разметал, данью города и сёла обложил. Не удалось князю Даниилу с мунгалами совладать.

– Да уж, отроче. – Матрёна, сев напротив Тихона, подпёрла кулачком румяную щёку. – Седьмицу цельную стоял Бурундай возле Холма. Ужо как свистели и кричали они под стенами – жуть! Дом ентот разорили, пожгли, пришлось его чинить, подновлять!

Говорила молодица с Варлаамом, а смотрела на Тихона, ясные, лучистые глаза её светились лукавинкой, улыбалась она и, казалось Низиничу, ждёт не дожётся, как бы поскорей остаться с Тихоном вдвоём.

Варлаам, усмехнувшись в усы, сказал:

– Что же, добрая женщина. Благодарю тебя за хлеб-соль, но пора мне. Смеркается за окном.

– Да куда ж ты?! – востропнула Матрёна. – На ночь-то глядя!

– Как куда?! – удивился Варлаам. – К Маркольту. Там мне быть велено.

– Да ну его ко всем чертям, Маркольта сего! Право слово, друже! Оставайся тут, у Матрёны. Она тебе в сенях постелит, – стал упрашивать товарища Тихон.

– Нет, Тихон, нет. – Низинич отрицательно замотал головой. – Ты оставайся, а я пойду.

Он поклонился хозяйке и поспешил на двор.

В небе сияла яркая луна. В её свете Варлаам, сжимая в деснице крыж висевшей на поясе сабли, быстро пересёк торговую площадь и поспешил по увозу на гору. Бесперывно тревожно озираясь по сторонам, он вскоре достиг хором Маркольта. Во дворе за забором стоял шум, сверкали огни факелов. Варлаам остановился у ворот, прижался спиной к тыну и прислушался.

– Коффорили, принц Лео им так фелел, – узнал он знакомый голос скупердяя-немца.

– И где ж они, люди сии?! А ну, отвечай, не ври! – раздался другой голос, недовольный и грубый.

– Не снаю, Крикорий Фасильч!

– Так, может, те пятки погреть огнём, чтоб вспомнил враз?

– Нет, нет, фоефота! Я – не снаю! Ушли они. Наферное, что-то сапотосрили!

– А как их звать?

– Отин – Фарлаам, а трукой... – Немчин замылся. – Тыхон, кажется. Ну та, Тыхон.

– Вот что, немчура поганая! Оставляю я у ты шестерых воев. Еже те двое вернутся, тотчас их похватают – и в поруб. А ты воев моих покуда схорони. И помни: княгиня Юрата твоих заслуг не забудет. Но еже... Еже ко Льву передашься, гляди у мя! Я ты из-под земли вытащу, змий!

Тяжёлые сапоги с боднями⁷⁰ прогромыхали по ступеням крыльца. Варлаам, ни жив ни мёртв, застыл, прислонившись к тыну, и смотрел, как большой отряд оружных ратников выехал из ворот и медленно, шагом засеменил вдоль увоза в сторону княжеского дворца. Подождав ещё некоторое время, он опрометью бросился вниз к подолу. Возле торжища перевёл дух, огляделся, размашисто положил крест.

«Придётся у Матрёны схорониться. Чай, не выдаст баба. А как дальше, видно будет», – стучала у него в голове единственная верная мысль.

При виде знакомого дома на взлобке он снова прибавил шаг.

⁷⁰ Бодни – шпоры.

Глава 5

Над городом плыл тяжёлый колокольный перезвон. Стаи ворон и голубей закружились над колокольнями, взлетали выше, словно и не птицы то были, а души усопших прощались с земной жизнью, скрываясь в неведомой заоблачной выси.

В церквах служили заупокойные молитвы, весь Холм замер, застыл, поражённый горестным известием о кончине своего благодетеля и основателя. И только в княжеском дворце кипела своя, тайная и явная, ни на мгновение не останавливающаяся жизнь.

Дружинники Войшелга ещё с вечера, как стало ясно, что князь Даниил кончается, тихо обезоружили бояр и дружинников Льва и Мстислава. Не тронули лишь волюнтян князя Василька – даже дикие язычники, литвины, уважали этого честного, прямодушного старика.

В тереме распоряжался боярин Григорий Васильевич, спешно вызванный княгиней Юратой из дальней Бакоты. Повсюду в переходах застыли вооружённые до зубов сторонники Шварна и его матери – звероподобные литовские ратники.

В домовой княжеской церкви седой как лунь холмский епископ Иоанн, держа в руках золотой крест, обращался к стоявшим перед ним сыновьям умершего.

– Поклянитесь, чада мои возлюбленные, что свято исполнять будете волю почившего родителя своего, что жить станете в мире, но не во вражде и не погубите в греховном ослеплении своём славу земли Галицкой и Холмской, кою оберегал от всякого врага отец ваш! – звенел с амвона торжественный голос святителя.

Лев злобно поглядывал на мачеху, которая, вся в чёрном, стояла вполборота к нему и, время от времени опуская голову, быстро, как-то суматошно крестилась.

«Она енту клятву придумала, курва, ведьма, чаровница лесная! – думал он с ненавистью. – Ага, и Войшелг тут!»

Вид литовского князя, облачённого всё в ту же рясу, под которой, показалось, сверкнули железные вериги, поверг Льва в едва сдерживаемую ярость.

«Вот он – виновник бесчестья моего нынешнего! Понаставил всюду своих литвинов, обложил меня, яко волка затравленного! Ох, отомщу тебе, враг! Коли жив буду, клянусь, клянусь! Не будет тебе покоя, зверюга! Выльется на рамена⁷¹ твой гнев праведный! И не жди пощады и снисхождения! Не укроет тебя иноческая ряса! Только, Господи, позволь мне, позволь! Не ради себя – ради земли, ради памяти отцовой и дедовой!»

Бессильно сжимая руки в кулаки, стиснув зубы, Лев молчал. Он почти не слушал слов епископа, только вскользь глянул на то, как Шварн целует крест и даёт роту⁷² не обижать братьев, как улыбается одними уголками сухих губ Юрата, как одобрительно перешёптываются бояре, среди которых выделяется высокий густобородый великан Григорий Васильевич.

«Вот на кого, стало быть, опираешься, княгиня Юрата! На давнего нашего врага, что в Подолии и в Горбах за Перемышлем супротив отцовой воли волости своим ближникам раздавал!» – Лев взглянул на боярина с брезгливым презрением.

Крест замелькал совсем близко от него, да так неожиданно, что Лев вздрогнул и попятился.

– Поклянись, княже, – настойчиво потребовал Иоанн.

Лев тихо отмолвил:

– Клянусь в том, что не пойду на брата своего, князя Шварна, ратью, союз имея с уграми и ляхами.

Он уже раньше продумал, что скажет и на чём будет целовать крест.

⁷¹ Рамена – плечи.

⁷² Рота – клятва.

Прикоснувшись устами к холодному золоту, он тотчас отступил назад. Ненароком глаза его встретились с бледно-серыми очами Юраты. Мачеха недоверчиво, с подозрительностью смотрела на него исподлобья, свинцовый, холодный взгляд её словно говорил: «Ни единому слову твоему не верую. Ворог ты сыну моему».

Не выдержав ледяного блеска Юратиных глаз, Лев отвёл взор. Взглянул, уже с насмешкой, на суровое лицо Войшелга. Литвин молился, встав на колени перед канунником с распятием.

Круто повернувшись, Лев вышел в притвор и стал торопливо подниматься по винтовой лестнице на хоры. Навстречу ему спускался сверху князь Василько.

– Сей же час я сему Войшелгу всё скажу! – громко возгласил он, вихрем пронесаясь мимо племянника.

Лев, встав возле массивного восьмигранного столпа на хорах, с любопытством вслушался в происходящее внизу.

– Тако скажу те, княже Войшелг! Не твоя здесь земля, не твоя вотчина, чтоб распорядиться в ней, яко дома у ся! – гремел под сводами церкви гневный голос Василька. – Ратников своих почто по граду расставил?! По какому такому праву людей Льва и Мстислава похватал и из Холма выслал?! Почто сие действие с клятвою учинил тут, во храме?!

Лев выглянул из-за столпа и увидел, как Войшелг, зардевшись от стыда, всё так же стоя на коленях, обнимает Василька за ноги. Плечи литвина вздрагивали от рыданий.

«Святоша!» – Лев зло скрипнул зубами.

– Сказывал, я те в отца место! – продолжал бушевать разгневанный князь Василько. – Дак вот мой те совет отеческий: убери воев литовских со стен и с улиц! Не пятнай память брата моего покойного! И лиха некоторому из сынов его и бояр не смей чинить! Здесь тебе не Литва, не Неман!

По рядам бояр прошёл громкий ропот. Григорий Васильевич, чуя недоброе, поспешил поскорей улизнуть из церкви, за ним последовали многие другие. Княгиня Юрата тоже пошла к себе, Лев видел, как она поднималась, высоко неся гордую голову и подбирая полы долгого чёрного платья, по лестнице напротив.

«А вовремя стрый вмешался, – грустно усмехнулся Лев. – Топерича, после похорон да девятого дня, можно будет хоть спокойно в Перемышль отъехать».

В Перемышль. Да что он, в конце концов, мальчишка?! Сорок три года минуло. Ему б вослед отцу всей землёю Галицкою володеть! Уж он бы, Лев, сумел довершить всё родителем замысленное! И татар бы этих во главе с Бурундаем отогнал прочь, и грады бы поставил вместо снесённых, и баскаков бы в шею. Всех бы, весь мир заставил с собою считаться! А так... Ходить в подручных у безусого юнца и ядовитой гадюки! Нет, долго такое продолжаться не может. Ещё предстоит глядеть, как на чело Шварна водрузят корону, ту самую, которую отцу прислал римский папа! Щенок в короне! Это ли не глупая сказка! Это ли не несчастье! Во всём виноват проклятый святоша Войшелг! О, он, Лев, найдёт на него управу!

Идя по переходам дворца, через прохладные сени, Лев понемногу успокаивался, ярость и злоба его уступили место холодным размышлениям. И уже не уязвлённый в самое сердце человек, но державный муж шёл твёрдым шагом по долгому, освещённому факелами на стенах коридору.

«Чтобы сбросить татар, нужен союз с Литвою. Полагаться на ляхов и угров нечего, равно как и на папу. Папа бо – наш враг. А вот литвины могли бы помочь. У покойного Миндовга была крепкая держава. И если б этот «мститель» её не развалил, таковою б и поныне оставалась. Что ж, надо искать в Литве друзей, сторонников, людей, на которых можно было б положиться. Но сперва – как избавиться от Войшелга?! Тоже мне кум!»

Лев вспомнил, что Войшелг был крёстным отцом его рождённого два лета назад сына Юрия, единственного их с Констанцией ребёнка, и невольно усмехнулся.

Словно из стены, выплыл сбоку немец Маркольт. Трясаясь то ли от страха, то ли от холода, он поспешно пробормотал:

– У меня есть что тебе сказать, ксепотин!

– Говори, только скорее. И тихо, не шуми. Здесь за каждым углом может хорониться соглядатай.

– Сфетлый принц, мне уталось уснуть... Тфой прат и его пояре сопираются ф похот на Польшу. Поярин Крикорий Фасилиефич упештал на софете принца Шфарна, что этот похот принесёт ему польшую фыготу. Фтофстфующая королефа Юрата пыла сокласна с поярином Крикорием.

– А верна ли твоя весть? Не врешь? – Лев, внезапно оживившийся, подозрительно покопился на немчина, всё тело которого била мелкая дрожь. – Гляди у меня, еже что не так.

– Я сам слышал, сфетлый принц. Мошешь ферить мне, как сепе! – воскликнул Маркольт.

– Ну что ж. – Лев зло усмехнулся. – Значит, на Польшу. Не терпится княгине Юрате и боярину Григорию. Ступай. – Он жестом руки как будто бы отодвинул немца от себя.

Маркольт послушно метнулся в темноту. Князь внезапно окликнул его:

– Постой. Подойди-ка. – Он задумчиво сдвинул брови. – Посылал я к тебе двоих отроков, Варлаама и Тихона. У тебя они, или Шварновы люди забрали?

– Ушли они. Кута, не снаю, сфетлый принц. Фитно, нетопрое почуяли. А фечером поярин Крикорий с орушными лютыми прихотил, фопрошал про них. Шесть фоиноф ф моём томе остафил.

– Вот как. – Лев ещё сильнее нахмурился. – Ты, Маркольт, вели слугам своим их поискать. Может, хоронятся где-то в городе отроки сии. Надобны они мне вельми. Еже сыщешь, тотчас меня оповестишь. А покуда... – Князь достал из бархатного кошелья два золотых венецских дуката и сунул их во влажную цепкую руку немчина. – Это тебе за весть. Ступай.

Маркольт исчез так же внезапно, как и появился, только пылающий на стене факел слегка колыхнулся под порывом воздуха.

«Словно в стену вошёл», – подумал Лев и снова зло усмехнулся.

Глава 6

Без малого две седмицы скрывались Тихон и Варлаам у купечкой вдовы Матрёны. Весёлая молодница ежедень приносила им с торго свежие новости. Так отроки узнали о кончине князя Даниила, о похоронах и клятве Льва, о гневной речи Василька в домово́й церкви и слёзах Войшелга.

Матрёна щедро кормила и поила молодцев, а вечерами, подперев рукой румяную щёку, слушала их рассказы о Падуе и университете. Вчерашние школяры с улыбками вспоминали недавнее прошлое, с уст их сходили учёные слова навроде «тривиум»⁷³ или «квадривиум»⁷⁴, что вызывало у вдовы удивление и смех. Женолюбивый Тихон искал случая соблазнить Матрёну, но вдовица, ловко уворачиваясь от его объятий в темноте переходов, только хохотала и грозила ему кулачком. Молодому шалопаю оставалось грустно вздыхать и делить с Варлаамом уютную комнатёнку на верхнем жиле дома.

Дни тянулись медленно, скучно, однообразно. Просиживая в бездействии в доме, отроки вели меж собой унылые разговоры, которые всякий раз сводились к одному вопросу: что им делать дальше? Как быть?

– Надо подать князю Льву весть о себе. Так, чтобы ни литвины, ни люди Шварна ни о чём не прознали, – говорил Варлаам, но, когда товарищ спрашивал, как же это сделать, лишь пожимал плечами и вздыхал.

И снова на выручку им пришла Матрёна.

Единожды за ужином, выслушав сетования молодцев, она неожиданно предложила:

– Экая беда у вас – князя увидати! Да коль хошь, заутре ж я вас к ему отведу!

– Да как же ты?! – удивился Тихон.

Матрёна в ответ презрительно фыркнула:

– Я ж частенько с братом вместях рухлядишку всякую в терем княжой таскаю. Брат-от в немцы ездит, привозит оттуда сукна анбургские⁷⁵ да лунские⁷⁶. А сукна сии княгини покупать любят, особо Констанция, Львова жена. Вот и пойдём с тобою, Варлаам, поутру в терем, скажу я, будто ты гость торговый из Берестья. Ну, а дале сам смекай.

Тихон и Варлаам вопросительно переглянулись.

– А пожалуй, права ты, добрая женщина, – согласился после недолгого раздумья Варлаам. – Как думаешь, Тихон?

– Да я что, право слово. Я, сам знашь, с тобою завсегда заедино, – не замедлил поддержать его оживившийся товарищ. – Верно. Доколе тута нам задаром чужой хлеб есть?

На том и порешили.

...Телега медленно взобралась по увозу на гору, въехала в огромные провозные ворота княжеских хором и остановилась посреди окружённого высоченным тыном из острых плотно подогнанных друг к другу дубовых кольев двора. Здесь во множестве стояли запряжённые гужевыми широкогрудыми лошадьми и волами наполненные различным скарбом повозки. По соседству с Варлаамом грузный мужик в посконной⁷⁷ сряде⁷⁸ выгружал с воза тюки с мукой, в другом месте челядинцы носили в кадях солёные огурцы и капусту, неподалёку строгие ключ-

⁷³ Тривиум – цикл обучения в средневековых университетах. Включал грамматику, риторику и диалектику.

⁷⁴ Квадривиум – 2-й цикл обучения в средневековых университетах, включал в себя астрономию, музыку, геометрию и арифметику.

⁷⁵ Анбургские – гамбургские.

⁷⁶ Лунские – английские.

⁷⁷ Посконный – домотканый.

⁷⁸ Сряда – одежда.

ники открывали замок на амбаре. И всюду видны были оружные люди, пешие и конные. Шум стоял на дворе, откуда-то сверху раздавался властный голос княгини Юраты. Вот она вышла на крыльцо, спустилась по ступеням на морморяную⁷⁹ дорожку, крикнула дворскому⁸⁰:

– Яблоки вон туда, в бретьяницу⁸¹! А ол сюда, в погреб! Живей, раззявы!

Гневная, раскрасневшаяся на ветру, с распущенными волосами цвета соломы, тяжёлая, грузная, в меховом кожане⁸² коричневого цвета, она напоминала Варлааму медведицу. А ведь не так давно была тонка станом, миловидна, держалась скромно. Вот что делает с людьми власть! А может, она такая и была, да только притворялась голубкой нежной? Отрок качнул головой в ответ на свои мысли.

Вдоволь накричавшись, Юрата медленно поползла, задевая лапами кожане за ступени, обратно на крыльцо. Матрёна поспешила окликнуть её:

– Матушка-княгинюшка! Мы тут вам рухлядишку кой-какую привезли. Из стран полунощных. Брат и ентот вот купчишка из Берестья ходили. – Она указала на Варлаама. – Дозволь, принесём, поглядишь.

– Добро! – резко и, как показалось Варлааму, даже зло выпалила в ответ Юрата. – Пропустить сих двоих! – крикнула она рослым рындам с бердышами на плечах.

Вскоре Варлаам, сгибаясь под тяжестью сукон, уже шёл по переходам дворца. Матрёна семенила впереди, указывая путь. Они поднялись по двум винтовым лестницам, свернули влево и оказались в просторной палате, посреди которой стояли огромные столы, расположенные в виде буквы «Г».

Едва успели Варлаам с Матрёной разложить на столах лунские и фландрские дорогие ткани, как из боковых дверей одна за другой выплыли княгини. Следом за Юратой появилась Добрава Юрьевна, затем жёны Льва и Мстислава.

– Та, что слева, Констанция, – шепнула Варлааму Матрёна.

Все княгини были, как приличествовало, в тёмных платьях и убрусах.

– Что Альдона? – озабоченно нахмурилась Юрата.

– Не захотела идти, – ответила ей Констанция. – Твой сын, князь Шварн, недомогает, пьёт отвары. Она не отходит от его ложа.

Последней в палате показалась юная Ольга, невестка Василька, жена его сына, Владимира. Увидев разложенные на столах великолепные ткани, она ахнула от восторга.

Юрата смерила её недовольным взглядом. Дочь брянского князя Романа, Ольга, была пока что чужой среди сонма иноземок, одна Добрава Юрьевна, как говорили, души не чаяла в невестке.

Княгини стали перебирать, ощупывать ткани и вещи. Жене Мстислава понравился рытый⁸³ тёмно-синий бархат, Юрата выбрала для себя лиловое лунское сукно, Добрава Юрьевна залюбовалась узорчатыми цветастыми тканями и далматиком⁸⁴ изумрудного цвета.

Женщины старались не шуметь, говорили вполголоса, держались степенно, спокойно, Варлаам смотрел в их густо покрытые белилами лица и замечал, что Добрава и Констанция, очевидно, недолюбливают Юрату, а та, в свою очередь, не скрывает своей неприязни к жёнам обоих Даниловичей.

– А это сукно изготавливают во Фландрии, в городе Брюгге, – говорила княгиня Констанция, ощупывая плотную ткань.

⁷⁹ Морморяный – мраморный.

⁸⁰ Дворский – управитель, вёл хозяйство князя или боярина.

⁸¹ Бретьяница – амбар, кладовая.

⁸² Кожане – здесь: опашень на меху, шуба, тулуп.

⁸³ Рытый бархат – бархат с тиснёным узором.

⁸⁴ Далматик – род мантии или накидки длиною в пол-икры, с широкими рукавами.

– Доброе сукно, – подтвердила Добрава.
– А вот енто откель – из Анбурга? – спрашивала с любопытством курносенькая Ольга.
– Нет, светлая княгиня, – поправляла Матрёна. – Сие сукно из града Ипра, тож во Фландрии. А енти вот меха и кожи – с Готланда.

– Где такой? – осведомилась Констанция. – Князь Лев когда-то говорил, но я забыла.
– Готланд – остров. В Варяжском море⁸⁵, – пояснил с видом знатока Варлаам.

Констанция одобрительно кивнула ему, а Добрава Юрьевна, зевнув и перекрестив рот, спросила:

– Верно, хладно вельми тамо, в Готланде сем?

– Да, там сильные ветра, частые морские шторма, а вода даже в летнее время хладная, – стал рассказывать Варлаам, вспоминая всё, что знал о Готланде. – На острове этом – большой торговый город Висбю, туда свейские⁸⁶ и германские купцы свозят товары. Лунское сукно, меха, ворвань⁸⁷.

– Я покупаю вот этот далматик, – заявила Юрата, беря в руки лёгкое изумрудное платье.

– А я скоро. Пойдёт мне на шапку, – сказала жена Мстислава.

Констанция примерила, надев на голову, бухарский плат, зелёный с синими и жёлтыми узорами.

– Какой красивый! – ахнула Добрава Юрьевна. – Ими тоже торгуют на Готланде? – спросила она.

– Да, княгиня, эти платы привозят арабские и персидские купцы. Но на Готланде торгуют не токмо ими. Есть ещё меха. – Матрёна принялась доставать из мешка собольи и куныи шкурки, княгини окружили её, и Варлаам, улучив мгновение, тихо сказал Констанции:

– Княгиня, я должен увидеть князя Льва.

Понятливая венгерка быстро сообразила, что за «купец» перед ней. Наигранно улыбнувшись, она медленно сняла плат с головы, свернула его, передала Варлааму и сказала:

– Я сейчас же пойду к князю Льву, пусть он заплатит за эту прелесть столько, сколько ты просишь. Следуй за мной.

Констанция увлекла Варлаама в боковую дверь, за которой потянулся долгий и узкий переход, затем они прошли через гульбище⁸⁸ с толстыми дубовыми столпами и очутились возле охраняемого двумя гриднями покоя. Велев одному из стражей сообщить о своём приходе, княгиня вскоре впорхнула в небольшую камору, посреди которой, протянув ноги к печи, с мрачным видом сидел на низком кленовом стульчике князь Лев.

Варлаам, не зная, куда сунуть ненужный уже плат, неловко поклонился ему в пояс. Констанция забрала у него плат, снова набросила его на голову и, капризно скривив губы, сказала мужу:

– Хочу купить. Такая красота. Хвалисская⁸⁹ зендьянь⁹⁰. Можно носить и зимой, в морозы, и на праздник надеть. Заплати купцу.

– Хорошо. – Лев, ухмыльнувшись, брезгливо отстранил её, но, узнав Варлаама, сразу оживился:

– Низинич! Слава Христу, цел и невредим! – Он вскочил со стульца и заходил по покою, размахивая руками. – Вот, отныне пред тобой – князь Перемышльский! Завещал отец Галич и Холм с Дрогичином Шварну, словно и не я старший сын у него. Словно и не я супротив

⁸⁵ Варяжское море – Балтийское море.

⁸⁶ Свейские – шведские.

⁸⁷ Ворвань – китовый или рыбий жир.

⁸⁸ Гульбище – открытая галерея со столпами и колоннами в княжеских или боярских хоромах; балкон, терраса для прогулок и пиров.

⁸⁹ Хвалисская – хорезмская, прикаспийская.

⁹⁰ Зендьянь – пёстрая хлопчатобумажная среднеазиатская материя.

Куремсы ратоборствовал, и на Австрию с ним хаживал, и под Ярославом угорского круля отбивал! И литву не я усмирял за набеги! Дак нет, отдать Галич юнцу безусому – глупее и измыслить трудно было! А всё она, мачеха!

Констанция при упоминании битвы под Ярославом, когда был разбит руссами её отец, король Бела, обиженно повела носом, как делала всегда, когда бывала недовольна.

– Ты-то как, Варлаам? Маркольт баил: сбежали вы с Тихоном от него. Где укрываетесь ныне? Не отыскали вас литвины? А боярин Григорий, лиха никоего вам не причинил? – забросал князь Лев молодца вопросами.

Варлаам коротко и точно отвечал, замечая, что лицо Льва понемногу проясняется, мрачная злость его уступает место спокойной задумчивости.

– Так как же, служить мне согласны? – спросил князь. – Я вас в обиду не дам. И в накладе не останетесь. Токмо ведайте: дел у вас обоих отныне будет невпроворот.

– Мы согласны, княже, – твёрдо промолвил Варлаам.

Лев остановился у слюдяного окна, забарабанил пальцами по раме, сказал, полуобернувшись:

– Вот как содеем, хлопче. Нынче же отъезжай в Перемышль, жди меня там. Скоро, опосля сороковин, приеду. А Тихон пускай у купчихи покуда остаётся, Маркольт будет чрез него вести передавать.

– А Маркольту веришь ли ты, княже? – спросил Варлаам. Он понимал: они с Тихоном втягиваются в сложную, запутанную игру страстей, тайную и явную, и выигрыш в ней – золотая корона Галича, – или достанется Льву, или... Об этом самом «или» Варлаам запретил себе думать. И ещё была такая мысль: он – служивый человек, его дело – исполнять княжьи порученья и не забивать себе голову тем, что последует за очередным событием.

– Маркольту? – переспросил Лев. – Маркольт не предаст. А коли супротив меня что содеет, откроются кой-какие его делишки. Несдобровать ему тогда. Он это знает, потому за меня и держится. Так вот. Ну, ступай. И поспешай в Перемышль.

Как только Варлаам скрылся за дверью, княгиня Констанция, удобно расположившаяся в мягком кресле в глубине покоя, спросила:

– Что ты говорил ему про Маркольта? Что вообще за человек этот Низинич?

– Отрок отцовый. Учился в Падуе, недавно воротился, – неохотно пояснил ей Лев, устраиваясь обратно на стульчик.

– А плат?

– Сама заплати за него этой Матрёне. Думаю, уразумела сразу, что Варлаам – никакой не купец.

Князь Лев вздохнул и потянулся, хрустя суставами.

– Такие вот мне и надобны. Хитрые, умные, готовые любое трудное дело толково исполнить. А эти ещё и там, на Западе, побывали, жизнь ту изнутри знают.

– Ты и меня до сих пор иноземкой считаешь, – обиженно скривив уста, промолвила княгиня.

– А ты таковая и есть. Одеваешься до сей поры, яко иноземка, даже кокошник не носишь. Ходишь на молитву в костёл, исповедуешься у латинского патера. Не вышиваешь, как иные жёнки, зато держишься в седле не хуже любого удальца, любишь ловитвы, конные ристания, веселье. И батюшку своего каждое лето навещать ездешь. Рази не так?

– Ты не посмеешь заставить меня изменить веру и запретить посещать отца! – вспыхнула Констанция.

Лев недовольно поморщился.

– Вот что, – перевёл он разговор на другое, – сходи к Альдоне, узнай, чем болен Шварн. Скорее всего, огненное жженье, ничего опасного. Не дал Господь здоровья братцу. Ну да все мы под Богом ходим! – Князь перекрестился, посмотрев на иконы на ставнике⁹¹.

Проводив шуршащую тяжёлым платьем Констанцию хмурым взглядом, он тихо пробормотал:

– Стало быть, на ляхов собралась, Юрата. Ну что ж. Вот тут-то Тихон с Варлаамом мне и подмогнут.

По устам его скользнула, тотчас утонув в густой бороде, хитроватая улыбка.

⁹¹ Ставник – столик или шкафчик для помещения образов.

Глава 7

Юная Альдона, княгиня Галицкая и Холмская, сидела у ложа больного супруга. Шварн постанывал, беспокойно метался по подушке, бледное лицо его искажала боль. Альдона положила ему на живот свою прохладную ладонь, озабоченно спросила:

– Где? Здесь болит?

Чувствуя под рукой тёплое вздрагивающее в такт дыханию мужнино тело, она нежно гладила его и вымученно улыбалась.

– Вроде полегчало, – прошептал Шварн.

– Пройдёт всё, ладо, – принялась успокаивать его жена. – День-другой полежишь, схлынет боль твоя. С таким такое бывает. То днесь⁹² на пиру излиха вина ты хлебнул. Не нать было.

Шварн, смотря на неё, слыша ласковый шелест слов, чувствовал, как отпускает, стихает жгучая доселе боль в животе, а по телу, словно поддавшись прикосновению мягкой женской руки, растекается приятная расслабляющая нега.

Он перестал метаться, закрыл глаза, затих.

Альдона любовно провела ладонью по его прямым пепельным волосам, поправила одеяло из беличьих шкурок, замерла, прислушиваясь к ровному его дыханию.

Шварн заснул, Альдона с материнской заботливостью глянула на его полураскрытый рот, качнула с сокрушением головой в убресе.

Ей нравилось ухаживать за вечно хворым юным князем, нравилось поддерживать всегда слабого, неуверенного в себе Шварна, оберегать, охранять его от бед, в этом видела она свой крест, своё назначение. Она старалась быть сильной, какой и должна была быть дочь Миндовга, великого князя Литвы, грозы ливонских рыцарей, татар и русских. Но вместе с тем где-то в глубинах души молодая женщина чувствовала: нужен ей иной человек, ни в чём не похожий на Шварна, такой, который сумел бы стать для неё надёжной, твёрдой опорой на извилистых дорогах бытия и на которого бы она могла положиться во всяком многотрудном деле. Но такого не находила она ни среди бояр, грубых и алчных, каждый из коих тянул в свою сторону, заботясь лишь о собственных прибытках, ни среди отроков и гридней, исполнительных, послушных, но и только. Один брат, Войшелг, как-то поддерживал и оберегал её, старался помочь, но Войшелг – монах, он лишь на время вернулся в мир, чтобы отомстить за убийство отца. Кроме того, брат был порывист, жесток, способен на необдуманные поступки, в которых потом раскаивался и плакал, стойно младенец. В нём просыпались порою решимость, твёрдость, но порывы её быстро таяли, уступая место слезам и молитвам. Непоследовательность Войшелга сильно огорчала Альдону, хотя он и относился к ней всегда ровно и по-отечески ласково. Нет, ей нужен был другой, совсем другой, неведомый куда человек. Кто он? И кем мог быть? Или он – плод её больного воображения?

Потупив очи, Альдона вздохнула. Встав со скамьи, она бесшумно выскользнула из покоя, осторожно закрыв за собой дверь.

В горнице дворца её ожидал Войшелг. Он нетерпеливо расхаживал вдоль столов, и в такт его движениям колыхались в воздухе длинные полы чёрной рясы. Светлая борода литвина была растрёпана, жёсткие волосы торчали в разные стороны, походил он на монаха, только что вышедшего из затвора, да монахом, собственно, и был.

– Ну что? Как он? – набросился Войшелг с вопросами на вошедшую Альдону.

– Заснул. Утих. Полегчало, – шёпотом ответила молодая княгиня.

Внезапно, не выдержав, она уронила голову брату на грудь и разрыдалась.

⁹² Днесь (др. – рус.) – сегодня, ныне.

– Мне страшно, – всхлипывая, призналась она.

– Что?! Кто тебя напугал, сестрёнка?! Ну-ка, ответь мне! Кто?! Какой боярин?! Дак я его тотчас на дыбу! А может, Лев? Я вижу, он зол за то, что не получил Галич. Дозволь, я схожу к нему, всё выскажу. Пусть он убирается в Перемышль и не смеет строить здесь свои козни!

Отстранив сестру, Войшелг собрался выйти. Альдона остановила его, судорожно ухватив за рукав рясы.

– Нет, нет, брат! Не надо! Я не боюсь Льва! Не то! Совсем не то!

– Ты же у меня смелая, сестрёнка! Помнишь охоту под Слонимом? Не испугалась ты ни дикого вепря, ни медведя. – По измождённому постами худому лицу Войшелга проскользнула лёгкая улыбка. – Что же тебя пугает? Что гнетёт?

– Сама не знаю, брат. Мой страх непонятен мне самой. Я боюсь... За Шварна, за нас за всех. Это как страх перед судьбою, перед неведомым. А что бояре, что Лев? Их я научилась не бояться!

Альдона смутилась, снова вздохнула и наконец, решившись, высказала брату всё, что было у неё в мыслях:

– Шварн – он слабый человек, слабый властитель. А мне... Мне хотелось бы, чтобы рядом был иной... Чтоб был для меня поддержкой здесь, на столе Галича и Холма. Ведь я женщина, я многого не сумею. Ты?... Но у тебя иной крест, иная стезя, брате.

– Разумею тебя, сестрёнка, – хмуря чело, мрачно изрёк Войшелг. Пригладив взъерошенную бороду, он задумчиво промолвил:

– Да ты не страшись никого. Научись быть мудрой, сдержанной в словах, не гневись излиха. И помни: всё в руке Господа нашего, Иисуса Христа.

Слова брата не успокоили молодую княгиню, но словно бы оттолкнули от неё на время тревожные мысли. Только что бередившие душу, они мало-помалу отхлынули, уступив место глубокой задумчивости.

Альдона прошла на гульбище, встала возле щедро изукрашенных столпов, положила руки на перила, выглянула в сад. Осень царила за стенами дворца, жёлтая листва кружилась в напоённом влагой воздухе, обильно устилая мраморные парадные дорожки и тропинки меж деревьями. Дубы, липы, грабы стояли обнажённые, неприветливые, пустынно было в саду. Неподаляку, возле крыльца высокий темноволосый человек укладывал на большую телегу рухлядь, рядом с ним суетилась молодая женщина. Кажется, Альдона её знала – это купеческая вдова с Подола.

Вот мужчина выпрямился, обернулся, глаза его упали на застывшую на гульбище княгиню; обомлевший от неожиданности, он смотрел на неё неотрывно, как на сказочное видение, и Альдона, вдруг нахмурившись, словно вспоминая что-то, тоже взирала на него, будто завожжённая, со смешанным чувством удивления и любопытства.

Почему так взволновал её этот неизвестный человек? Кто он? Наверное, судя по одежке, прислужник купчихи, какой-нибудь приказчик или челядинец. Но смотрит не раболепно, а как будто дерзко даже.

Сзади подошла Добрава Юрьевна, положила руку на плечо Альдоны. Молодая княгиня, оторвав наконец взгляд от незнакомца, спросила с наигранным равнодушием:

– Кто это вон там, на дворе? Возле повозки?

– Купец один, из Берестья. Сукна привозил различные, показывал нам.

– Купец? Не похож он чегой-то на купца. – Альдона с сомнением качнула головой, замечая краем глаза, как высокий человек взбирается на телегу, ударяет хворостиной вола и как возок медленно, лениво раскачиваясь из стороны в сторону, вываливается за ворота.

Тем временем Добрава Юрьевна принялась оживлённо рассказывать ей про меха, кожи и ткани. Альдона, глуповато улыбаясь, рассеянно слушала её. Она сразу и не увидела, как появились на гульбище Ольга и Констанция. Становилось шумно, княгини наперебой расхваливали

свои покупки, по очереди примеряли купленную Ольгой шапку куньего меха, затем бухарский плат Констанции. Сославшись на усталость, Альдона вскоре покинула своих довольных родственников.

«Но отчего я столь волнуюсь? Какой взгляд у этого купца! Какие странные у него глаза – тёмные, большие, умные! Чародей он, что ли?»

Идя по тёмному переходу, она вдруг углядела впереди орлиный профиль князя Льва и круто остановилась, вздрогнув от неожиданности.

При тусклом свете факела на стене Лев беседовал с кем-то невидимым за столпом, а когда заметил Альдону, сделал предостерегающий знак и повернулся к ней.

– А, любезная княгиня! – На тонких, как у змеи, устах его заиграла ласковая улыбка. – Как мой брат? Боли в животе? Огненное жженье? Спит? Енто добро. Знахари бают: крепкий сон исцеляет, очищает тело от хворости, а душу от дурных мыслей. Ты чла, княгиня, лечебник княжны Евпраксии Мстиславны, нашей двоюродной прабабки? Нет? Прочти непременно. Моя покойная матушка часто отыскивала в нём полезные советы.

Альдона промолчала, слегка склонив голову. Лев также ответил ей поклоном головы и метнулся по переходу на гульбище, откуда раздавались громкие голоса княгинь, прерываемые звонким смехом Ольги.

Альдона заторопилась к Шварну. Ей внезапно подумалось, что она обязана, должна быть сейчас с ним рядом, чтобы защищать и оберегать его. От чего? От кого? Да хотя бы от этого Льва, за ласковыми словами которого таятся зависть, злоба, ненависть.

По переходу неслышно проскользила чья-то тень. Альдона испуганно вскрикнула. Большой чёрный кот с тихим урчанием перебежал ей дорогу и нырнул в щель за столпами.

Всполошно перекрестившись, молодая княгиня бегом помчалась в покои мужа.

Глава 8

По скользкому, обильно вымытому осенними ливнями шляху Варлаам спешил в Перемышль. Вот миновал он уже отроги Розточе, перед глазами его расстилалась равнина с полугими холмиками, возле которых скромно лепились маленькие деревеньки и хутора. Он замечал утлые хаты и мазанки, крытые соломой, видел всюду убогость, нищету, скорбно тупился и поджимал уста, беспокойно размышляя и вспоминая прошлое. Варлаам был ребёнком, когда вихрем промчалась по Воляни и Галичине Батыева рать, оставляя за собой одни руины, пепел на месте жилищ да полуобгоревшие трупы убитых людей – простых пахарей, ремесленников, воинов. Потом князь Даниил стал заново отстраивать города. Подымались из развалин разрушенные сёла, жизнь мало-помалу налаживалась, и казалось, Галицко-Волинская земля возрождается, становится ещё краше, ярче, величавее, чем прежде. Но теперь холодом веяло на Варлаама, словно возвращалось то, прежнее, давнее, всплывали в памяти незабываемые картины страшных разгромов и смертей. Всюду, где он проезжал, видел он следы разорения, слышал жалобы на бесчинства бояр и татарских баскаков, на Бурундая, дочиста ограбившего и пожёгшего дома и амбары. И с горечью и болью душевной сознавал он, ощущал каждой частичкой тела своего, что бессилён помочь хоть чем-нибудь страждущим, мучающимся людям. Было тягостно, обидно, он старался побыстрее проехать мимо очередной деревни и всё торопил, нещадно стегая нагайкой, борзого скакуна.

По пути Варлаам то и дело вспоминал о юной красавице, которую узрел на гульбище княжеских хором в Холме. Словно сказочное видение, выплыла она откуда-то из тьмы перехода и стояла, опираясь руками о перила, меж столпами. И смотрела она на него как-то странно, завораживающе большими серыми своими очами. Лицо её со слегка впалыми ланитами и высоким челом, с вьющимися белокурыми локонами, пробивающимися из-под узорчатого платка на голове, было прекрасно, Варлаам зачарованно качал головой, вспоминая разлёт соболиных бровей и алые уста. Кто она? Наверное, молодая жена какого-нибудь ближнего боярина. Или близкая родственница одной из княгинь.

«Глупо это! – одёргивал себя Варлаам. – Кто я? Простой отрок, а она, судя по одежке, из знатных. Так, поглядела, верно, да и позабыла тотчас. Хотя взгляд такой грустный. И чарующий».

Чужало сердце молодца: не в последний раз видел он эту красавицу-жёнку.

Меж тем дождь всё усиливался, капли его проникали за шиворот, неприятно обжигая холодом, струи скатывались по усам и бороде, комья грязи летели из-под копыт.

В Перемышль Варлаам въехал на третий день пути. Небо понемногу прояснело, сквозь пелену серых туч проглянули голубые осколки неба, слабый солнечный луч упал на заборол городской стены. Варлаам остановил коня и стал осматривать крепость.

До Перемышля Бурундай не добрался, а может, и с умыслом не пошёл сюда, желая сохранить этот город как защиту от нападений венгров и поляков. Стены крепости были сложены из крепкого дуба и достигали в высоту шести-семи сажен. Над ними возвышался заборол, снаружи огороженный тыном из длинных, плотно пригнанных друг к другу жердей. Во многих местах чернели отверстия для стрел. Тын примыкал к прямоугольным зубчатым башням с оконцами, были башенки и поменьше, увенчанные двускатными крышами, окрашенными в зелёный цвет. Наверху кипела работа, слышен был стук топора и жужжание пилы.

Въехав в обитые медными листами ворота, которые с внешней стороны ограждала опускающаяся сверху металлическая решётка с острыми концами, Варлаам оказался на крепостном дворе. В некотором отдалении от стены располагалось небольшое торжище, по правую руку от него находился княжеский дворец, выложенный из дерева, с каменной башней посередине.

Из-за крыши с золочёными краями выглядывал купол церкви, неподалёку от него виднелась дубовая башня-повалуша с узкими стрельчатыми забранными решёткой окнами.

Мимо Варлаама просеменил на низкорослых мохноногих лошадях небольшой татарский отряд. Его обдало терпким запахом конского пота и мочи. Досадливо сплюнув, Варлаам отвернулся и отъехал посторонь. Громко переговариваясь и смеясь, татары проскакали мимо торжища и свернули на одну из кривых улочек, ведущую к противоположным, западным, воротам крепости и дальше вдоль Подола к берегу Сана.

«Вот так. Хозяева земли». – Варлаам горестно вздохнул.

...Дружинник в шишаке⁹³ долго рассматривал грамоту князя Льва, затем задрал вверх голову и прокричал:

– Мирослав! Сойди-ка!

Человек лет тридцати, сероглазый, с длинными прямыми светло-русыми волосами, облачённый в лёгкий жупан поверх белой с алой вышивкой сорочки, легко сбежал по крутой винтовой лестнице с заборола.

– Прочти-ка. – Дружинник протянул ему грамоту и указал на Варлаама: – Ентот вот привёз.

Повертев грамоту в руках и прочитав её, Мирослав обратился к Варлааму:

– Ты, молодец, кто таков будешь? Князь Лев велит принять тебя с честью.

– Варлаам я, Низинич. Взял меня князь Лев на службу.

– Понятно. А я вот Мирослав, сын тысяцкого⁹⁴ здешнего. Может, слышал? Род наш – один из самых древних на Руси. Пращур мой, Мирослав Нажир, ещё у Мономаха в первом ряду на совете сиживал. От него и повелось: каждого старшего сына в нашем роду Мирославом нарекают. Дед мой покойный воем, воспитателем у князя Данилы был, а отец вот ныне – тысяцкий. Ране он и под Ярославом, и супротив Куремсы ратоборствовал. А ты сам откуда будешь?

– Из Бакоты отец мой. Сейчас во Владимире обретається. А сам я давеча от фрягов воротился.

– Ого! И что ж ты там делал?

– Учился там, в Падуе, по княжому повелению. Воротился, а тут как раз и прознал: князь Даниил на смертном одре возлежит. Вот и пошёл ко князю Льву в отроки.

– Вот как. Ну, что ж. Пойдём, отроче, к нам в хоромы. Тамо и обскажешь, что ныне в Холме деется.

Обогнув бревенчатую ограду княжеского дворца, они проследовали к воротам большого, сложенного из толстого бруса дома с двускатной крышей и крутым крыльцом. Два оружных ратника несли возле ворот охрану.

Мимо Варлаама с Мирославом с гиканьем пронёсся вдоль шляха татарский отряд.

– Тот, передний, в округлой шапке, баскак Милей, – хмурясь, зло бросил Варлааму через плечо Мирослав. – В Бакоте твоей доселе свирепствовал, топерича тут, у нас.

Расположившись в горнице, Мирослав со своим отцом – тысяцким, седеньким низкорослым старичком, сначала сытно накормили гостя, а затем подступили к нему с вопросами. Варлаам поведал обо всём, что творится в Холме.

– Хоть и грех о покойниках худое молвить, а неразумно князь Данила поступил, – промолвил молодой Мирослав, выслушав его рассказ. – Зря он Шварну стол галицкий завещал. Такого князя, как Шварн, ни бояре, ни князя слушать не будут. И татары с ним не посчитаются николи. Тот же Милей лихоимствовать почнёт безнаказанно. Доныне-то он с опаскою, сторожко делишки свои проворит, боится, помнит, как князь Данила с Бакоты его погнал.

⁹³ Шишак – остроконечный шлем полусферической формы.

⁹⁴ Тысяцкий – в Древней Руси должностное лицо в городской администрации. В обязанности тысяцкого входило формирование городского ополчения во время войны.

– Не тебе, птенец, князь Данилу судить! – сердито оборвал Мирослава отец. – У Шварна родичи в Литве, князь Войшелг. Вот он-то ему подмогой и будет. А у Льва у нашего такой опоры и подмоги нетути.

– Зато, отче, Лев – не юнец какой. На бояр крамольных, таких как Григорий Василич, он управу сыщет, а там, может, и с татарами как-нибудь поладит.

Тысяцкий недовольно засопел и досадливо махнул рукой, тем самым прекращая спор. Резко вскочив с лавки, он поспешил к двери, проворчав по дороге:

– Со Львом вашим каши не сваришь. Ведаю я, каков он.

Мирослав, поглядев ему вслед, промолвил:

– Там видно будет, как и что. Стало быть, отроче, князь Лев вскорости в Перемышль пожалует?

– Да вроде так. – Варлаам кивнул.

– И ты, выходит, также тут останешься. У тебя как – жена, чады?

– Да нет, откуда ж. Во фрягах не до того было.

– И невесты у тя несть?

– Нет покуда.

– Счастливый ты. – Мирослав тяжело вздохнул. – А то у меня вот... Была невеста, боярского роду. Дак, ты представь, пошла за Милея! Нет, ты подумай только! За Милея! За баскака вонючего! Тьфу! Ежели бы... Ежели бы отказала мне, дак ладно. А то... Сговорились, всё честь по чести, а она... За мунгала. – Голос Мирослава дрогнул, он закрыл руками лицо и сокрушённо затряс светло-русой головой. – Позор, одно слово. Польстилась на богатство, на рухлядь! А была моя Пелагеюшка, стойно пава! Ходила, так словно по воздуху плыла. И лицом красна, и умом сверстна. А вот так вышло. Топерича чад Милеевых нянчит.

Мирослав налил Варлааму и себе из ендовы⁹⁵ хмельного мёду, поднял чару и возгласил:

– Ну, за то, чтоб у тя так не вышло!

Почему-то Варлаам снова вспомнил молодую жёнку на гульбище.

⁹⁵ Ендова – широкая низкая большая чаша. Применялась на дружинных пирах.

Глава 9

Поздней осенью, после сороковин по отцу, в Перемышль примчался во главе малой дружины весь забрызганный дорожной грязью мрачный Лев. К тому времени Мирослав окончил работы на крепостном забороле. Варлаам поселился в доме тысяцкого и днями вместе со своим новым приятелем пропадал на стенах. Он рассказывал Мирославу, как устроены каменные гнёзда феодалов в итальянских городах, говорил о потернах и барбаканах, о каменных округлых башнях.

– И у нас такое есть, – отвечал ему Мирослав. – И потайные ходы, и дверцы сокрытые в стене, такие же, как потерны твои, и пред воротами укрепления, что барбакан ихний. Только не любят у нас камень. Баят, холоден он.

– Зато не горит. Да и... Одно дело – дом, другое – крепость. Просто мало у нас на Руси камня, а древа – сколь угодно. И труден камень для обработки. Вот и редки потому у нас строения каменные. Больше храмы да княжьи дворцы, чем стены городские, – говорил Варлаам.

...Лев вызвал его к себе на второй день по приезде.

Ступая по каменным плитам дворцовых переходов, Варлаам думал, что отныне надолго, а может, и навсегда связал он свою жизнь с этим честолюбивым, вечно хмурым человеком.

Князь сидел на широком дубовом стольце, подлокотники которого украшали резные волчьи головы с разверстыми пастями.

Поглаживая эти головы ладонями, Лев говорил:

– Первое важное дело доверяю тебе, Варлаам. Поедешь в Краков, к свояку моему, князю Болеславу. Скажешь ему и палатину⁹⁶: брат мой Шварн порушил договор в Тарнуве, какой заключил с Болеславом мой покойный отец. Собирается он идти на Польшу войною. Пусть будет польский князь наготове, не даст застать себя врасплох. По сведениям моим, чрез две седмицы намерены Шварн и его бояре в поход выступить. И, Варлаам, непременно добейся встречи с палатином. Своjak мой – дурак, не при княгине Констанции это сказано будет. Ибо княгине он по нраву. А палатин у Болеслава – умный. Всё содеет как надо. Ещё скажешь ему: мол, князь Лев сам против брата выступить не может, а вот предупредить вас – предупредил. Грамоты никакой тебе не дам, передашь всё на словах. Думаю, уразумел, почему так. Ну, с Богом, ступай. Выезжай тотчас, не мешкай. Ступай на конюшню, вели, чтоб скакуна тебе дали там порезвее. Поторопись. И помни: содеешь дело как надо – недолго будешь в отроках ходить. И ещё: никому, ни единой душе о поручении моём не сказывай.

Низко поклонившись князю, Варлаам едва не бегом ринулся на конюшню.

«Это хорошо, что он мне доверяет. Уж я постараюсь. Ежели сдержит своё обещанье, боярином стану, как Мирослав. А там...»

Он снова внезапно вспомнил красивую жёнку на гульбище холмского дворца.

В Краков Варлаам мчался галопом, с поводным конём. Добрых жеребцов дал ему старший конюх Льва. Первый – серый в яблоках тонконогий аргамак⁹⁷, второй – быстрый вороной актаз⁹⁸ с густой спадающей вниз гривой. Боясь утомить коней, Варлаам часто пересаживался с одного на другого.

Дорога шла по равнине, окаймлённой с южной, левой по ходу стороны отрогами Бескид. Горы, покрытые хвойным тёмно-зелёным лесом, проплывали где-то вдали под облаками, Варлаам изредка бросал на них взгляд, но времени, чтоб полюбоваться красотами осенней природы, у него не было – в горячке он гнал и гнал коней вдоль размытого дождями шляха.

⁹⁶ Палатин – глава совета при короле в Венгрии и в Польше.

⁹⁷ Аргамак – старинное название породистых верховых лошадей.

⁹⁸ Актаз – порода коня; в Средние века известны актазы, разводимые в Болгарии Волжско-Камской.

Выглянуло слабое солнце, прорезав серую пелену туч, на душе стало как будто теплее и легче, Варлаам принялся прикидывать, далеко ли ещё до Кракова. Немного успокоившись, вытерев с чела обильный пот, он перевёл скакунов на рысь.

Вскоре впереди показались строения Тарнува. Не желая попадаться на глаза, Варлаам свернул со шляха и через густой перелесок выехал к берегу Дунайца. Река была узенькая, извилистая, до противоположного берега было рукой подать, но Варлаам, не зная брода, решил не рисковать и поехал вдоль берега, в сторону города. На его счастье, спустя примерно полчаса он наткнулся на стоянку рыбаков, которые за звонкие пенязи щедро накормили его свежей ухой и перевезли через Дунаец. Хотя уже смеркалось, Варлаам решил не задерживаться и продолжил свой путь.

Наутро он, уже не прячась, переехал по мосту через Вислу и оказался возле крепостных укреплений Кракова. Здесь, как и в Перемышле, шло строительство, клали новые стены, опоясывающие торгово-ремесленный район города – Старе-Място, возводили мощные каменные башни, ставили ворота. Зодчие-фряги в коротких плащах и узких штанах отдавали громкие приказы, везде царил шум, суета, каменная пыль струилась в воздухе.

Мимо большого выложенного из красного кирпича собора Святого Анджея и центральной городской площади, на которой выделялись крытые лавки суконщиков, Варлаам направился к Вавельскому холму, где размещался внутренний город с домами знати и королевским дворцом. Вообще, Краков казался Варлааму чем-то средним между Падуей и вольнскими градами. В Старе-Мясте было много деревянных домов и даже мазанок, крытых соломой, но вместе с тем встречались обширные каменные строения богатых купцов и ремесленников. Было много кузниц, скудельниц, по широким прямым улицам разъезжало немало верховых. Доносились речь и немецкая, и славянская, и угорская. У лавок суконщиков вовсе было столпотворение, а такого богатого выбора разнообразных тканей прежде Варлаам не встречал нигде. Фландрские и лунские сукна соседствовали с восточной зендяню, рядом с отрезами драгоценной арабской фофудии⁹⁹ лежали византийские паволоки¹⁰⁰, даже заметил Варлаам у одного купца зелёный аксамит¹⁰¹ с медальонами – великая редкость по нынешним временам. Здесь же торговали и щепетинным товаром – всяческими пуговицами, скрепками, гребнями, запонами.

Выбравшись из толпы, Варлаам въехал на Вавель. Остановив коней возле врат каменного королевского замка, он обратился к стражу в булатной кольчуге, в шеломе¹⁰² с бармицей¹⁰³ и с копьём в деснице:

– Вели передать: гонец ко князю Болеславу. От свояка его, князя Льва.

...Гулко отдавались шаги на каменных плитах пола и на ступенях лестниц. Мрак и сырость окружили Варлаама. Через анфиладу тёмных залов он проследовал за начальником стражи – боярином в дощатом панцире и высоком коническом шлеме на голове, в главную палату дворца.

Ярко горели свечи. На небольшом возвышении посреди палаты стоял трон, на нём восседал одутловатый светловолосый человек лет около тридцати пяти. На голове его сверкала золотом зубчатая корона.

«Се и есть Болеслав», – понял Варлаам, прикладывая руку к груди и отвечивая ему поясной поклон.

⁹⁹ Фофудия – дорогая узорчатая восточная ткань.

¹⁰⁰ Паволок – здесь: дорогая шелковая или хлопковая ткань, одноцветная, узорчатая или расшитая золотом.

¹⁰¹ Аксамит (или гексамит) – дорогая византийская узорная ткань сложного плетения с золотой нитью, род бархата, обычно синего или фиолетового цвета, с круглыми медальонами, изображающими львов и грифонов.

¹⁰² Шелом (*др. – рус.*) – шлем.

¹⁰³ Бармица – кольчужная сетка, защищающая затылок и шею воина.

На Болеславе была красная мантия, отороченная горностаем. Варлаам заметил невзначай, что левая щека князя слегка подёргивается. Время от времени он подносил к лицу десницу и оглаживал свои тонкие рыжеватые усы.

По левую руку от трона стоял высокий боярин в лилового цвета долгом платне, перетянутом поясом с раздвоенными концами. Бросалась в глаза его узкая чёрная борода, обрамляющая немного скуластое овальное лицо.

– Князь Лев шлёт тебе тревожную весть, княже польский Болеслав, – начал Варлаам, выпрямившись в полный рост. – Младший брат его, князь Холмский и Галицкий Шварн, презрел договор, заключённый в Тарнуве меж тобою, княже, и покойным князем Даниилом. Идёт он на тебя ратью. Не позднее чем через две седмицы выступит он на Краков.

Варлааму самому понравилось, как складно и вместе с тем немного высокопарно, уверенно и чётко изложил он свою мысль. Замолчав, он даже слегка улыбнулся.

Внезапно Болеслав, доселе спокойно слушавший его речь, с силой ударил кулаком по подлокотнику трона и заорал, словно его кто укусил:

– Что?! Рушить клятву?! Презирать договор?! Как он смеет?! Клятвопреступник! В геенне! В геенне огненной гореть ему! Проклятый схизматик! Голову! Голову ему с плеч!

Лицо князя исказила судорога, он хрипел, брызгая в бешенстве слюной, и вертелся на троне, как уж. Варлаам застыл в полупоклоне, растерявшись, не зная, что ему теперь делать.

Выручил высокий боярин. Заслонив собой бесновавшегося князя, он подошёл к Варлааму и спокойно промолвил:

– Мы благодарим князя Льва, нашего друга и родича, за его предупреждение. Дозволь, мы оставим эту палату.

Он взял Варлаама за локоть и вывел его в боковую дверь. Вослед им неслись дикие крики Болеслава.

Навстречу спешил седой старичок в суконном домотканом платье.

– А, пан лекарь! – обрадовался его появлению высокий. – Вы как раз вовремя! Князю опять плохо, с ним истерика. Получил недобрую весть и сильно разволновался. Прошу вас, поспешите и поскорее успокойте его.

– Да, да, пан палатин! Я бегу, уже бегу! – Старичок проворно юркнул в палату.

«Стало быть, се и есть палатин. Что ж, удача меня покуда не обходит», – подумал с тайным облегчением Варлаам, следуя за высоким вверх по крутой лестнице.

Поднявшись на верхний ярус дворца, они очутились в небольшой комнатке с узким стрельчатым окном, из которого был виден далеко внизу берег Вислы с широкой крутой излучкой.

– Как зовут тебя, посланник? – спросил палатин, смерив Варлаама с ног до головы взглядом своих чёрных изучающих глаз.

Варлаам ответил.

– Молод ты, – по устам палатина скользнула снисходительная усмешка. – Не следовало сразу говорить нашему князю о такой большой неприятности. Ибо князь Болеслав не выносит никакой несправедливости, он – истинный христианин. Любое предательство ранит его тонкую, чувствительную душу, как острый нож. Теперь он будет скорбеть о душе князя Шварна, презревшего отеческие заветы, будет долго лить слёзы. А меж тем, – палатин вздохнул, – нам надо спешить собирать войско. Кстати, а князь Лев? Он выступит против Шварна?

– Достопочтимый палатин, князь Лев покуда не в силах оказать вам достойной помощи. У него слишком мало ратников. А у князя Шварна сильные союзники.

– Ты говоришь о Войшелге Литовском? – хитровато прищурившись, спросил палатин.

– Да, о нём.

Палатин промолчал, побарабанив пальцами по столу.

– Ну что же. Хоть так, – процедил он и, подняв глаза на Варлаама, сказал:

– Коней твоих накормят овсом, самого тоже голодным не оставят. Ступай.

Резким жестом руки палатин указал на дверь.

Внизу, в гриднице¹⁰⁴ к Варлааму подошёл княжеский слуга и протянул ему три шкурки горносталя.

– Князь Болеслав дарит князю Льву, – коротко объявил он.

Варлаам поспешил спрятать подарки в дорожную суму.

¹⁰⁴ Гридница – помещение в княжеском дворце, где жили гридни (младшие дружинники князя). В гриднице часто устраивались пиры, проходили торжественные приёмы.

Глава 10

Наутро, отоспавшись на полатах в гриднице, Варлаам стал готовиться в обратный путь. Прежде чем выехать из города, он направил стопы на центральную площадь в Старе-Мясте в надежде купить себе на память что-нибудь ценное. Благо в калите у него были пенязи и даже пара дукаатов.

Возле лавок суконников, как и намедни, было не протолкнуться, и Варлаам пошёл к рядам торговцев щепетинным товаром. Пробираясь сквозь толпу, он внезапно почувствовал, как кто-то слегка толкает и тянет его за широкий рукав дорожной свиты.

– Эй, школяр! Что, проходишь мимо и не узнаёшь былых друзей? – раздался под ухом знакомый голос.

Варлаам порывисто обернулся.

Низкорослый молодой человек с шапкой густых, сильно вьющихся чёрных волос, облачённый в порванный на локтях поношенный кафтан и узкие туви, улыбался ему во весь свой непомерно большой рот.

– Господи, Витело из Силезии! Вот уж кого не ждал увидеть! – воскликнул Варлаам, узнав одного из своих университетских приятелей. – Какими ж судьбами ты здесь?!

– Долго рассказывать, друг. Вот что. Я вижу, ты неплохо одет. Если у тебя в калите водятся звонкие пенязи, то давай-ка пойдём в корчму. Есть тут одна добрая поблизости. Там и потолкуем.

Ловко орудуя локтями, Витело провёл Варлаама через толпу, а затем увлёк его в неширокий переулочек, в котором располагались лавки мянел. В конце переулочка и находилась просторная корчма. На двери её висел круглый щит с изображением развёрстой львиной пасти. Вскоре бывшие школяры уже сидели посреди горницы за большим, грубо сколоченным столом и налегали на копчёную колбасу с капустой, запивая её пшеничным пивом из больших оловянных кружек.

– Гляжу, ты, Витело, поиздержался. Кафтанчик на тебе худоват, на ногах тоже постолы¹⁰⁵ рваные. Какая беда стряслась? – спросил Варлаам, дождавшись, когда его жадно набросившийся на еду спутник утолит первый голод.

– Да вот, друг, пришлось мне из Падуи домой воротиться. Денег больше дядька не стал давать. А как вернулся во Вроцлав, прогнал он меня взащей. Мол, не желаю отныне этого дармоеда содержать. С той поры вот здесь, в Кракове, и отираюсь. Нанялся к одному пану писарем. Ну, а пан, известное дело, скуп, каждый грош считает. Вот и свожу кое-как концы с концами. А ты как? А Тихон, дружок твой, где теперь обретается?

– Да мы вот с Тихоном тоже университет покинули. На службе княжой нынче. По князьему поручению я здесь.

– Ага, вон вы как, – протянул Витело, с наслаждением уплетая очередной кусок колбасы. – А я на службу не хочу. Лучше в монахи подамся. А что? Жизнь сытная, спокойная, не то что в миру. То рати, то голод, дрожишь вечно над каждым пенязем. Только не решил вот пока, куда ж лучше податься – к францисканцам или к доминиканцам.

– А твои учёные занятия? Ты жаждешь их продолжать? – спросил его Варлаам. – Но, верно, чтобы поступить в монастырь, нужен вклад?

– Конечно, нужен. – Витело вздохнул и с шумом отпил из кружки большой глоток. – Но я тшу себя надеждой подзаработать на переводах с греческого у одного местного аббата. Вот зиму как-нибудь проживу, а там, думаю, улажу свои дела.

¹⁰⁵ Постолы – род «гнутой» обуви, то есть с минимальным количеством швов.

– Всё читаешь Платона? – любопытствовал Варлаам. – Помнится, в университете тебя было не оторвать от «Тимея».

– Из-за этого мне и пришлось оставить Падую. Проклятый архиепископ донёс моему дядьке, что я, мол, еретик, отклоняющийся от канонов Святой церкви. Ну, дядька осерчал, а дальше... Остальное я тебе сказал. Но я не жалею. Теперь у меня намного больше свободного времени. Всё размышляю о Платоне и о его триаде. Понимаешь, Варлаам, вот есть три ипостаси: единое, ум, иначе – нус, и душа. Единое есть ипостась высшая, то есть, иными словами, это верхняя ступень мировой иерархии. – Опорожнив очередную кружку, Витело потребовал от корчмаря следующую.

Зеленоватые водянистые глаза его замутились. Подняв вверх перст, он громким голосом продолжил:

– Вот. Единое – это непознаваемая субстанция, тогда как вторая ступень иерархии Платона – ум, или нус, – познаваема. Но, понимаешь, Варлаам, между ними в учении Платона есть разрыв, пустота. И вот её призваны заполнить числа.

– Числа? – переспросил Варлаам. – Это уже мысли Пифагора. На твоём месте я бы не забивал себе голову языческими авторами.

– А хочешь знать, что есть числа?! – почти не слушая его, продолжал витийствовать Витело. – Числа – это первое докачественное расчленение единого. Ум же я представляю себе как переводчик.

– А это уже из Аристотеля, – заметил Варлаам. – Путаница у тебя в мыслях, друг мой.

– Нет никакой путаницы. Эти мысли – всего лишь желание углубить учение Христа, но никакая не ересь.

– Но ведь и твоё «единое», и нус, и «мировая душа», о которой толковали языческие мудрецы, всё это есть Бог. А Бог – он един, и нельзя разделять и расчленять его на всякие там части и ступени. – Варлаам с жаром заспорил с товарищем: – Бог – и есть «Мировой Разум» древних. Платон и Аристотель подспудно пришли к этому.

– Но я и не отвергаю твои мысли. Моя логика вовсе не противоречит христианству, – Витело пожал плечами. – По сути, я всего лишь повторяю доводы Ансельма Кентерберийского¹⁰⁶. Впрочем, меня сейчас больше занимает геометрия и физиология. Но хватит, надоело. Не хочу напиваться. – Он решительно отодвинул в сторону пиво. – Лучше расскажи о себе, Варлаам. Ты, наверное, был в княжеском дворце?

– Да, был. – Варлаам выразительно приложил палец к устам и перешёл на шёпот. – Принёс вашему Болеславу весть о том, что князь Шварн собирается на него напасть.

Витело присвистнул от изумления.

– Вот так новость, – пробормотал он, почесав затылок. – Что ж, спасибо, упредил. Укроюсь-ка я до лучших времён у монахов. А то, не приведи Господь, загребут в войско. В прошлый раз, когда напали немцы, был набор из горожан. Пришлось стоять, как истукану, на городской стене с копьём в деснице. А я, сам знаешь, непригоден к ратным делам. Ну, а как воспринял твою весть наш князь?

– Сильно разволновался, стал кричать, как безумный. Хорошо, палатин увёл меня из горницы.

– Да, Болеслав – он такой. Ты знаешь, что он дал обет не вступать в отношения со своей женой и, говорят, свято блюдёт его. Поэтому его и прозвали Целомудренным. А когда человек не удовлетворяет свою плоть, он становится излиха раздражительным и совершает необдуманные поступки.

– Тогда я не понимаю тебя, Витело. – Варлаам развёл руками. – Раз ты собираешься в монахи, стало быть, тоже дашь обет безбрачия.

¹⁰⁶ Ансельм Кентерберийский (1033–1109) – английский церковный деятель, теолог и философ.

– Это другое дело. Меня отвлекут от греховных дел и помыслов занятия наукой. К тому же моё будущее монашество – всего лишь вынужденная мера. Иначе я не смогу в полной мере заняться наукой.

Приятели умолкли. Варлаам, подойдя к корчмарю, заплатил за еду и питьё.

– Пойдём. Мне надо торопиться в обратный путь, – объявил он.

– Что ж, Бог тебе в помощь. Думаю, мы ещё увидимся.

Они вышли из корчмы и обменялись коротким рукопожатием.

– Если лихо тебе придётся, друже Витело, ступай ко мне в Перемышль. Чем смогу, помогу.

Простившись с товарищем, Варлаам поспешил на конюшню.

В полдень он уже мчался по безлюдному осеннему шляху на восход. В воздухе кружили первые снежинки – вестники скорой зимы.

Глава 11

Князь Лев, забравшись под жаркое беличье одеяло, старательно изображал из себя больного. Только прискакавший давеча из Холма Тихон да Мирослав знали истинную причину княжеской «хворобы». С унылым видом уставившись в бревенчатый потолок покоя, Лев слушал, как монашек Лелесова монастыря вполголоса читает молитву:

– Владыко Вседержителю, Святый Царю, наказуй и не умерщвляй, утверждаяй низпадающия и возводяй низверженныя, телесные человеков скорби исправляй, молимся Тебе, Боже наш, раба Твоего Льва немощствующа посети милостию Твоею, прости ему всякое согрешение вольное и невольное...

В муравленой, выложенной изумрудными изразцами печи пылал огонь. Вздвигающиеся языки пламени лизали берёзовые поленья. Лев с тяжким вздохом заворочался, повернулся на бок. Посмотрел в забранное богемским стеклом окно. Кажется, снова пошёл снег.

«Выступит Шварн или нет?» – мучил князя вопрос.

Тихон передал ему, что дядя Василько, узнав о готовящемся походе на ляхов, сильно разгневался на Шварна и отказался дать ему ратников. Брат Мстислав во всём послушен дяде и, стало быть, тоже не пойдёт. Остаётся проклятый Войшелг. Но, кажется, у него невпроворот дел в Литве. Как бы этот мальчишка Шварн не отказался от своих лихих намерений! Такой поворот событий не устраивал Льва. Хотелось ему, чтобы Шварн и его ближние бояре получили как следует по зубам. Вот тогда и поймут все люди Галицкой земли, и нарочитые в первую очередь, что ошибся князь Даниил, что не тому сыну передал он кормило правления своим обширным княжеством. Но вдруг что не так, вдруг проведуют или заподозрят приспешники Шварна и Юраты, что он предупредил ляхов? Тогда Шварн, пока более сильный, обрушится на Перемышль! Боясь такого поворота событий, Лев открыто не поддержал дядю, а прикинулся больным. Если приедут гонцы от Шварна звать его на рать, ответит он: мол, выступил бы заедин с тобою, братец, да немощи телесные одолели.

В открытую выступить на стороне Болеслава Лев также не мог, связанный крестным целованием. Прослыть клятвопреступником было бы для него ещё горше, чем получить весть о победе брата.

Устало откинув голову на подушки, Лев снова вслушался в слова молитвы.

– ...Укrotи страсть и всякую немощь таящуюся, буди врач раба Твоего Льва, воздвигни его от одра болезненнаго и от ложа озлобления цела и всесовершенна, даруй его Церкви Твоей благоугождающа и творяща волю Твою...

– Довольно. Ступай. Оставь меня, – слабым, хриплым голосом пробормотал Лев.

Монашек, земно кланяясь, исчез за дубовыми дверями. В покое воцарилось молчание, нарушаемое потрескиванием поленьев. В окно с завыванием бил свирепый ветер.

Явился Мирослав. Тряхнув рассыпавшимися по плечам волосами, он оповестил:

– Мачеха твоя приехала, княже. Хочет тя зреть.

– Вот чёрт! – в сердцах выругался Лев. – Рагана¹⁰⁷ литовская! Следить за ней прикажи, Мирослав. Очей чтоб не спукали! А покуда кличь её сюда!

По плечам и спине Льва волной пробежал озноб. Он поёжился от неудовольствия. Может, он в самом деле хвор? Князь сам начинал верить в свою болезнь.

Княгиня Юрата, вся в чёрных одеждах, высоко неся гордую голову в повойнике, села на мягкую, обитую бархатом лавку у ног пасынка. Лев из-под полуоткрытых век устало смотрел на её густо набеленное лицо. В уголках чувственного рта Юраты читалась лёгкая усмешка.

¹⁰⁷ Рагана – ведьма в литовской и латышской мифологии.

«Не верит, курва! – пронеслось в голове у Льва. – Ну и пускай! Лишь бы Шварн сунулся в Польшу».

– Вот, матушка, расхворался, – пожаловался он. – Огневица скрутила. Как встанешь, так голову кружит. Вчерась у бабки-знахарки отвара испросил, пробрало всего потом.

– Непохож ты что-то на хворого, «сыннок», – с издёвкой в голосе заметила Юрата. – У кого огневица бывает, тот либо в жару, либо бледен излиха.

– Почто не веруешь мне, княгиня? – с наигранным изумлением молвил Лев. – Али корысть мне какая обманывать?

– Есть корысть! – гневно вздёрнув голову, прикрикнула на него Юрата. – Мыслью, с врагами нашими ты сносишься, супротив брата своего, Шварна, кову измышляешь!

– Да ты чего? Какие ковы? Что плетёшь такое? – слабым, хриплым голосом устало пробормотал Лев.

Он беспокойно заметался по подушке.

– Роту ведь дал я там, в соборе. Помнишь, верно, матушка. Как же могу я роту преступить?

– Лукав ты вельми, Лев! – продолжала гнуть своё Юрата. – А ведомо ли тебе, что сын мой Шварн собрался ратью на Болеслава Польского?

– В первый раз слышу такое, – соврал Лев. – До ратей ли мне нынче, матушка-а! – На глазах его появились слёзы. – Видишь, лежу в немощи великой. Молю Господа о выздоровлении.

– Врёшь! Всё врёшь! – не сдержавшись, выпалила в негодовании вдовая княгиня.

Вскочив с лавки, она заходила по палате.

Лев лениво смотрел на её пылающее злостью лицо. Да, красива эта литовская рагана и не так стара ещё. Знал покойный отец толк в жёнах. Уж куда покраще будет Юрата княгини Констанции. Надоела ему желчная угринка, вечно всем недовольная, надоели её измены, о которых лукавым шепотком поведывал тайный соглядатай-евнух. Вот раздеть бы эту Юрату, повалить на ложе... Нет, он не должен думать о таком! Что за греховные мысли!

– Ежели не можешь сам помочь брату справиться с ляхами, дай ратников! – прервал беспокойные думы Льва раздражённый голос мачехи.

– Каких ратников? – По устам Льва скользнула слабая усмешка. – Где ж я их возьму?

– Стало быть, не дашь?!

– Да мало их у меня. Сама ведаешь. Сравни: я, князёк какой-то там мелкий, и Шварн – господарь Галицкий. У него одних гридней в Холме более, чем у меня людей в крепостях, вместе взятых. А если татары вдруг нападут, чем я их встречу? Держу невеликие отряды оружные в Ярославле, в Санокке, во Львове да здесь, в Перемышле, малая дружина. Более нет у меня никого. Извини, матушка, нищ, слаб.

– Ишь, заприбеднялся! – Юрата внезапно разразилась презрительным хохотом. – Ну, крючоктвор! Вот что тебе скажу, лисья твоя душа! Ежели только прознаю, что зло замышляешь ты супротив Шварна – берегись! Сживу я тебя со свету, враг! А с ляхами и без тебя управимся!

Стиснув в кулаки свои пухлые, большие руки, она едва не бегом выскочила из покоя.

Лев встал и набожно перекрестился.

– Изыди, нечистая сила! – Он трижды плюнул через левое плечо в сторону дверей.

«Рагана – она рагана и есть! – подумал он. – Ну да теперь лишь бы Шварн крылышки обжёт».

Мало-помалу успокоившись, он повалился обратно на постель. Доселе хмурое, чело его разгладилось, на устах проступила лёгкая улыбка.

Глава 12

На крыльце хором тысяцкого Мирослава Варлаама встретил, широко распахнув объятия, Тихон.

– Здорово, друже! – радостно воскликнул Варлаам, обнимая товарища за плечи. – Давно в Перемышле?

– Да третий день. Как сведал, что мечники князя Шварна кольчуги примеряют да мечи точат, так и ринул сюда.

Они прошли в горницу.

– А хозяйева где? – спросил Варлаам, озираясь по сторонам.

– Тысяцкий ополченье собирает, на всяк случай. А младший, Мирослав, на стенах градских дозор расставляет.

Друзья сели за стол.

– Чегой-то ты не такой, друже, – внимательно всматриваясь в лицо Тихона, в котором заметно было беспокойство, сказал Низинич. – Какая тоска-кручина тебя точит? Отмолви-ка.

– Да вот, – Тихон безнадежно махнул дланью. – Всё сия Матрёна из головы нейдёт. Вот ты помысли, Варлаам, право слово, сколь дней я у её прожил, а хоть бы разок, хоть бы на ночку одну отдалась. Подступил к ей единожды, молвил напрямик, дак она в ответ: «Вот коли под венец со мною пойдёшь, тогда и дам». Строгого норова баба, одно слово.

– А этакой простушкой казалась, – усмехнулся Низинич. – Да, воистину, чужая душа – потёмки. И ты, значит, из-за неё такой беспокойный тут сидишь, по лавке ёрзаешь?

Тихон угрюмо кивнул.

– А может, бросить тебе её надо? Ну её к чёрту! Другую для плотских своих утех поищи. Жёнок ведь на Руси хватает.

– Да как можешь ты, Варлаам, безлепицу этакую баить, право слово? – воскликнул вмиг вспыхнувший Тихон. – Да таковых, как она, сыщешь где разве?! Аль не зрел её, не помнишь, кто тебе в терем княжой путь проложил?!

– Что ж, тогда женись на ней, – передёрнул плечами Варлаам, отхлебнув из чары малинового кваса.

– Да я б, может, и оженился. Да токмо... – Тихон горестно вздохнул и почесал затылок. – Кто я таков? Отрок какой-то служивый. Сам знашь, родители у меня бедны были. Хорошо ещё, князь Данила приметил, а то б и вовсе... А Матрёна жёнка гордая, и с приданым, за кого попадя не пойдет. Тако и сказала намёком. Воробей, мол, орлице не товарищ.

– А знаешь, друже, что мне князь Лев обещал? Сказал так: если, мол, толково мне службу справишь, недолго в отроках ходить будешь. Стало быть, и деньгами одарит, и село какое, может, даст. Вот и ты на это надейся, старайся. Никуда тогда твоя Матрёна не убежит.

– Тут иная ещё думка у меня есь, – подперев щеку рукой, промолвил Тихон.

– Что тебя мучит? – насупил брови Низинич. – Ты говори, не бойся. Когда выговоришься, всегда легче.

– Да не по нраву мне всё се – следим за кем-то, наушничаем. Князь Лев, князь Шварн! А что там у кого из них на уме – бог весть. Вот и не ведаю, право слово: добро ли, зло ли творим!

– Это ты зря. С князем Львом обошлись несправедливо. Вот ты был в Холме, видел князя Шварна. Ну и что: достоин он столы галицкий и холмский держать? Молчишь. Вот так-то.

Разговор товарищей оборвал показавшийся в дверях молодой Мирослав.

– А, Низинич! Здрав будь, отроче! – приветствовал он Варлаама. – Я уж прослышал, что ты из ляхов воротился. Князь-то как? Хвалил тебя небось?

– Не ругал, и на том спасибо, – рассмеялся Варлаам. – Вроде бы всё по его наказу сотворил.

...Прошла неделя, другая. Шварн во главе галицкой рати выступил в поход на ляхов, но никаких вестей о нём до Перемышля не доходило. Заметно встревоженный этой затянувшейся тишиной Лев в конце концов не выдержал. Вызвав к себе Мирослава, Тихона и Варлаама, он велел им тайком пробраться в Польшу.

– Проведайте, не сговаривается ли он супротив меня с палатином. А может, что не так створилось, может, побил Шварн ляхов? В общем, прячьтесь по лесочкам, за шляхом следите, крестьян местных вопрошайте. Ну, ступайте.

...Осень уже заканчивалась, но снег, выпавший накануне, стаял, пригревало слабое солнце. В тёплом, подбитом изнутри мехом плаще становилось жарко, Варлаам после недолгого раздумья снял его и остался в коротком зипуне¹⁰⁸, надетом поверх тонкой кольчуги. Вскоре его примеру последовал и Мирослав.

Трое вершников петляли по лесным тропинкам и постепенно взбирались на кручу, откуда хорошо просматривалась знакомая Варлааму по прошлой поездке дорога.

Ночь они провели в лесу, спали, укрывшись лапником, Варлаам до утра так и не сомкнул очей, с завистью слыша лёгкое похрапывание Тихона.

Едва занялась на востоке алая заря, Мирослав поднял товарищей и повёл их через густой перелесок к круто нависающему над шляхом скалистому утёсу.

– Топерича чур не шуметь, не болтать, – предупредил он. – Тут дозоры Шварновы хорониться могут.

По знаку Мирослава путники спешили и повели коней в поводу. Выбравшись из сосняка, они оказались на ровной каменистой площадке. Оставив на опушке коней, отроки, пригибаясь к земле, пробрались к самому краю обрыва.

– Гляди! – указал Тихон.

Среди тёмной зелени леса внизу были видны булатные шеломы воинов. Мирослав, присмотревшись, прошептал:

– Похоже, ляхи. Шеломы плосковерхие.

Слова его прервал вдруг донёсшийся с равнины протяжный гул. С севера-востока к дороге подступала большая кольчужная рать. Над головами мечников реяли хоругви¹⁰⁹ с орлом.

– Это галичане, – узнал Варлаам.

Навстречу наступающим из лесу с двух сторон выскочили польские ратники. До слуха Низинича донеслись крики, лошадиное ржание, раздался скрежет оружия.

– Сшиблись, – промолвил Мирослав.

Ляхи обходили войско галицкого князя с обеих крыльев. С кручи Варлааму и его товарищам была в утреннем свете хорошо видна вся картина разворачивающегося сражения.

Вот появился знакомый Низиничу палатин в кольчатом панцире, рядом с ним Варлаам узнал по золочёным доспехам князя Болеслава. Щиты их украшал герб Пястов¹¹⁰ – белый сокол на красном фоне. Взмахнув кольчужной перчаткой, Болеслав дал знак к атаке. Конница ляхов метнулась вдоль правого крыла и, лихо развернувшись, врезалась галичанам в тыл. В тот же миг ударили самострелы, всё перемешалось на поле брани, до слуха троих отроков доносились лишь дикие выкрики и звон оружия.

– А татары со Шварном не пошли, – удовлетворённо усмехнулся Мирослав. – Погляди, ни одного татарина нету.

– Да он их и не упредил, верно, – промолвил Варлаам. – В этом он, должно быть, прав. Ибо где татарин, там один разор. Испустишили бы и наши земли, и ляшские.

¹⁰⁸ Зипун – верхняя мужская одежда, кафтан с длинными рукавами, расклешённый снизу, без воротника.

¹⁰⁹ Хоругвь – воинское знамя.

¹¹⁰ Пясты – династия польских князей и королей (IX–XIV века).

– Не скажи, – с жаром возразил ему сын тысяцкого. – В такой сече татарские вершники незаменимы. И Бурундай не из тех, кто позволит своим лихоимствовать. У них, брат, порядок в войске. Не такой, как у нас. Дурак князь Шварн! Верней даже не он, – что с юнца взять, – а ближники еговые. Всё по старинке воюют. Тьфу!

Мирослав зло сплюнул и выругался.

Удар ляшской конницы расстроил ряды галицкой рати. Поляки теснили руссов со всех сторон, видно было, как кренился хоругвь с гордым орлом. Вокруг неё шла яростная сабельная рубка.

– Не могу глядеть боле! – признался Тихон, отползая в сторону. – Тако и хочется, право слово, саблю в десницу и сечь ляхов ентих! Ведь там, други, наши, русичи! А мы сидим тут, прячемся – да ещё и радуемся! Не, не могу!

Он вдруг выпрямился во весь рост и побежал к коню.

– Стой! Куда ты?! – Мирослав бросился за ним следом. – Я те щас выну саблю! Я те ляхов посеку! Погубить нас измыслил, дурень?

Он схватил взбирающегося в седло Тихона за плащ и свалил наземь. Завязалась драка.

Варлаам, поспевающий к ним, закричал:

– Довольно! Прекратите! Остановитесь! Негоже!

Решительно оттащив ярившегося Мирослава от Тихона, который успел уже поставить под глазом у сына тысяцкого здоровенный синяк, он зло процедил:

– Ты, Тихон, что, малец неразумный?! Что тебя в сечу тянет?! Не наше это дело – мешаться в чужие свары! Льву, не Шварну служим! Пошли обратно! Поглядим, чем дело кончится.

Он едва не силой потащил обоих к краю обрыва. Мирослав молча скрипел зубами и косился в сторону Тихона, который, стиснув в деснице рукоятку сабли, кусал в отчаянии усы.

– Да что мне там, Шварн, Лев! – вскричал он. – Наших, русичей, православных вороги иноземные рубят, вот что!

– Молчи! – оборвал его Варлаам.

На душе у него было гадко, мерзко. Он знал, понимал, что Тихон, в сущности, прав. И думалось с горечью и каким-то недоумением даже: вот он, Варлаам, сын Низини из Бакоты, тоже русич, но до нелепой выходки Тихона ничего не шевельнулось у него в душе, наоборот, он радовался умелым манёврам Болеславовых дружинников. И совсем не понимал он словно, что вот там, под скалами, в эти мгновения простые русские воины, неискушённые в державных хитростях, в кознях Льва, Юраты, галицких бояр, гибнут под саблями и стрелами.

«До чего же мы дошли, до чего пали! Радуемся гибели братьев своих! – размышлял с горечью Варлаам. – Вот потому, что каждый из нас стал как бы сам за себя, и разбегаемся мы пред татарами, потому и разгромил нас сперва Батый, затем Бурундай. Нет в нас горения душевного. И все дела наши – как погоня за ветром!»

Он с сочувствием и даже с одобрением смотрел на насупившегося Тихона.

«А он вот – лучше, чище нас! Его побужденья просты, но искренни и заслуживают уважения».

Тем временем галичане поспешно отступали, ляхи гнали их к темнеющему вдали буковому лесу. Хоругвь Шварна упала на землю и была затоптана конскими копытами в чёрную жирную грязь.

Звуки битвы стихали. Конные ляхи уносились вдаль, вслед бегущим руссам. Когда наконец последний вершник исчез за окоёмом, Мирослав предложил:

– Гляди, сколь павших. Сойдём вниз, может, чем поживимся?

Тихон с презрением отверг его мысль:

– Не тать¹¹¹ я, не лихоимец! Не пойду!

– Ты, друг, поспешай-ка в Перемышль. Князю Льву расскажешь, что мы тут видели, – посоветовал Тихону Варлаам. – А мы поле брани осмотрим – и за тобой вослед. Может, кого из наших подберём.

Тихон не заставил себя долго ждать. Взлетев в седло, он стрелой помчался вниз по склону.

– Сумасшедший! – проворчал, зло сплюнув ему вслед, Мирослав. – Чуть нас не погубил! Дурья башка!

– Как бы нам самим себя не погубить, – оборвал его ругань Варлаам. – Не заметили бы нас ляхи. И поспешим давай, покуда не воротились верховые.

Спустившись по склону холма, они вскоре оказались возле места сражения и торопливо спешили.

Убитые кони и люди лежали вповалку, всюду были лужи крови, грязь и покорёженное железо. Вот отрубленная рука в боевой рукавице, вот втоптаный в землю шолом с пышным султаном из перьев, вот изорванный в клочья алый плащ. Под ноги Варлааму попала отрубленная голова с чёрной бородой и выпученными глазами. Отрок в ужасе отскочил.

– С меня довольно! – Он дёрнул за повод коня и отошёл к опушке.

– Гляди! – Мирослав, измазав руки кровью, вытащил из-под крупа лошади длинную саблю с изузоренным травмами эфесом. – Добрая. А вон и ножны к ней. Верно, воеводы какого. Ты, Варлаам, верно, узрел тож: много рыцарей немецких в войске у Болеслава. Вон валяется один, в чёрных латах. Захватить бы такого. Потом выкуп пускай платит. Нет, чёрт, мёртвый. Стрелюю прямо в глаз. Ну-ка, а ентот. – Он пошевелил ногой лежащего воина в тяжёлых доспехах. – Тоже мертвяк. Копьё из груди торчит, броню проломило. Эх, невезуха!

– Поехали отсюда! – крикнул ему Варлаам. – Довольно! Вот-вот ляхи воротятся, сами мы с тобою добычей станем.

Они выехали к краю поля и здесь натолкнулись на сидящего на земле воина, который, постанывая и морщась от боли, держался за окровавленное плечо. Судя по дощатому панцирю с вызолоченным узором на пластинах и дорогому алому плащу, во многих местах порванному, ратник был не из простых.

– Вот и добыча наша! – подскочил к нему довольный Мирослав. – Ого! Варлаам! Ты глянь, кто енто!

– Что, узнал мя, ворог! – прохрипел раненый, сверля Мирослава ненавидящими серыми глазами.

– Боярин Григорий Василич! Ближник Шварнов! Ворог князя моего! Ну, что, побил ляхов, собачий сын? – Зло рассмеявшись, Мирослав вытащил из ножен свою саблю.

– И побил бы, кабы ты со своим князем их не упредил! Сволочь! – Боярин, изрыгая ругательства, попытался броситься на конного Мирослава, но тот отскочил в сторону и занёс над ним клинок.

– Молись Богу, пададь! Настал смертный твой час!

Варлаам быстрым движением ухватил Мирослава за запястье.

– Не трогай! Не убивай! Грех это – раненого рубить! И невелика честь, пусть он хоть сам сатана! Отвезём его в Перемышль.

– Он у меня село под Коломыей отобрал с солеварнями! – сквозь зубы процедил Мирослав.

– Не время сейчас разбирать, кто чего отнял. Оружье у него отберём, на коня посадим – и домой! – Варлаам сам себе удивлялся. Как это он, простой отрок, повелевает сыном тысяцкого? Но Мирослав послушно исполнил сказанное.

¹¹¹ Тать (др. – рус.) – вор.

Привязав пленника толстой верёвкой к коню, он усадил его впереди себя и боднями поторопил скакуна. Быстрым налётом понеслись всадники вдоль шляха.

Вечером они достигли Перемышля. Улучив мгновение, Варлаам шепнул Григорию:

– Помни, боярин, кто тебя от лютой смерти спас.

Григорий Васильевич ожёг его злым, колючим взглядом.

Глава 13

Князь Шварн рыдал от досады на груди у супруги. Альдона, проводя нежной ладонью по его русым волосам, вымученно улыбалась.

– Это ничего, ладо, – успокаивала она мужа. – На Руси говорят: первый блин комом. Ещё не одну битву ты выиграешь. Не один враг падёт от твоего меча.

Шварн, сдержав слёзы, ласково отстранил её и тяжело рухнул в кресло.

В палату с шумом влетела гневная Юрата.

– Всё слёзы проливаешь! – прикрикнула она на сына. – Ишь, нюни распустил! Да что ты за князь?! В монахи тебе впору идти, а не на столе галицком сиживать! Ляхов, и тех осилить не возмог! Сам, как заяц, с поля ратного сиганул, а боярина Григория, верного друга нашего, бросил! Нынче гонец был, из Перемышля. Люди Льва его полонили, выкуп требуют! Лев, Лев! Всюду он, вражина!

Она стиснула в ярости кулаки.

– Не мочно¹¹² так, матушка, баить. Брат он мне. Крест целовал, – пробормотал Шварн.

Юрата зло расхохоталась.

– Крест целовал?! Да такой, как он, любую роту порушит! Вот что скажу тебе, сын. Лев – самый лютей наш враг. Лютее татарина, гаже угра! Он на стол твой метит, а ты, стойно баран, блеешь тут: брат, брат! Да хуже волка голодного он! Хворым прикидывается, а сам козни строит, крамолы супротив тебя куёт. Думаю, упредил он Болеслава о походе нашем!

– Ну, то домыслы твои, мать. – Шварн устало отмахнулся.

– Домыслы? А что люди Льва возле бранного поля деяли?! Ох, сын, сын!

Альдона, потупив взор, молчала. И неудобно было ей перечить свекрови, и боялась она вечно раздражённой, властной вдовы Даниила.

Юрата, ходя взад-вперёд по половицам, продолжала сыпать упрёки на голову сына:

– Ироем, храбром¹¹³ прослыть порешил! Тьфу! Даж дозоров в поле не выставил, даж лазутчиков наперёд не послал! Охрану стана, и ту не наладил! И аще¹¹⁴ б боярин Григорий не подоспел, дак, верно, и вовсе голову свою глупую сложил бы тамо али в полоне у Болеслава ныне сиживал! Взрослеть пора, не малое дитя!

– Но ведь боярин Григорий сам в плен попал, – осторожно вмешалась Альдона. – Что же корить в неудаче одного Шварна?

– Помолчала бы, невестушка! – злобно огрызнулась Юрата. – Не по твоему уму толковня! Шварн – князь! А князь за всю Землю ответ держит, за всю рать! И коли рать сгнула, то он и виновен в первую голову! Али сам сглупил, али дурных советчиков наслушался! Отец твой, Шварн, вон сколь годов со боярами крамольными ратился и с уграми, и с ляхами, и с татарами бился, а николи с поля бранного не бегал, воинов своих бросив. А ты боярина Григория яко в пасть волчью кинул!

– Да потеряли мы друг дружку в сече, – прорвался сквозь крики матери слабый голос Шварна.

Юрата, с раздражением топнув ногой, выкрикнула:

– Вот сам и поезжай топерича ко Льву в Перемышль, выручай боярина из беды! Униженье-то, униженье какое, Господи!

В отчаянии закрыв руками лицо, она стремглав выскочила из покоя.

– Как её утишить, ума не приложу, – вздохнул Шварн. – Али в самом деле ко Льву ехать?

¹¹² Мочно (др. – рус.) – можно.

¹¹³ Храбр – богатырь, храбрый и сильный воин.

¹¹⁴ Аще (др. – рус.) – если.

– Нет, ладо, так не годится. Ты грамоту пошли, потребуй, чтоб отпустил Лев боярина Григория. А ехать к нему просить – токмо княжье достоинство своё умалять. Выкуп же сам за себя боярин уплатит. Чай, не беден он, – твёрдым, уверенным голосом промолвила Альдона.

Она горделиво вздёрнула голову в повойнике. Шварн с невольной улыбкой посмотрел на жену и заметил:

– Умница ты у меня, Альдона. И умница, и красавица. Тако, как ты баишь, и содею. Довольно в материной воле ходить.

Получив недобрую весть, из Новогрудка прискакал в Холм взволнованный Войшелг, всё в той же чёрной рясе поверх доспехов. Шумно ворвавшись в горницу, он обнял растроганного Шварна и любимую сестру.

– Почто меня о походе не предупредил, брат?! – воскликнул он, тряся зятя за узкие плечи. – Пошли бы мы с тобою вместе, потрясли бы этих ляхов, как яблоню!

Шварн вспомнил, как боярин Григорий Васильевич долго и упрямо уговаривал его ничего не сообщать Войшелгу о готовящемся походе. Мол, ни к чему это, сами управимся. И добытое делить ни с кем не придётся. Что ж, разделили! Шварн сокрушённо вздохнул.

Нет, слабый, ничтожный он куда князь. И самое страшное, это чувствуют и понимают все – и Лев, и Мстислав, и бояре, и Войшелг, и мать, и даже Альдона, в которой он души не чает.

– Ты вдругорядь так не делай, – совестил его Войшелг. – Что ж ты, думал, помешаю я тебе? Да нет у тебя друга более преданного, нежели я! И помни, брат: я для тебя и для Альдоны ничего не пожалею. Голову за вас обоих положу. Не раз тебе об этом говорил. А ты, я вижу, не веришь мне, бояр своих во всё слушаешь, матушку свою. Негоже, брат!

Шварн, краснея от стыда, молчал. Нечего было ответить ему на упрёки шурина. Знал, сознавал, что створил глупость, что не своей, а материной головой думал, когда шёл на ляхов, что, по сути, бессмысленно погубил он лучших своих воинов.

«А может, в самом деле, Лев в моей беде виноват? – вдруг подумал молодой галицкий князь. – И мать права».

На всякий случай он ничего не сказал Войшелгу о своих подозрениях.

Глава 14

Зиму и начало весны Варлаам и Тихон провели в Перемышле. Они заняли две небольшие смежные каморы, расположенные прямо в крепостной стене, наверху рядом с забором. Князь Лев скупно похвалил их за вовремя добытые вести и добавил, что вскоре даст новое, более хитрое и важное, поручение. Если выполнят они его как подобает, то приблизит он их к себе и назначит на хорошие и денежные должности в своих волостях. Пока же приходилось ждать, маясь от безделья.

Тем временем Мирослав за большой выкуп отпустил из плена боярина Григория Васильевича. С требованием освободить последнего приезжали люди от Шварна. Ещё зимой в окрестностях Перемышля учинили ловы, на которые съехалась знать из соседних Польши и Венгрии. На лесных полянах и на берегу извилистого Сана раскинулись золочёные шатры, угорские бароны и польские можновладцы¹¹⁵ буйно веселились, не отставали от них и многие бояре и придворные. Сам князь Лев, правда, в этой бесконечной череде охот и пиров участия почти не принимал. Вечно мрачный, нелюдимый, задумчивый, он будто каждый день и час ждал недобрых вестей. В марте в Перемышль приехала княгиня Констанция, воротившаяся от своего отца, короля Белы. Узнав Варлаама, она со смехом махнула ему рукой и задорно крикнула:

– Добрый у тебя товар, купец!

– Всегда весела, когда от отца приезжает, – тихо сказал бывший тут же Мирослав, глядя ей вслед. – Не в первый раз примечаю. Верно, хорошо ей там. А как посидит тут у нас, в хоромах у князя Льва, так вечно хмурая ходит, недовольная.

Седмицы через две Лев внезапно вызвал Варлаама и Тихона к себе.

Они сидели в широкой, заставленной столами палате. Князь, в коричневого цвета суконном кафтане с узорочьем на вороте и по краям рукавов, маленькими глотками тянул из кружки свой любимый малиновый квас.

– Позвал вас для большого, важного дела. Хочу знать, что творится ныне в Литве, чем там кум мой, князь Войшелг, занят. Воюет ли с князьками и боярами, мстит ли всё за отца своего. Поедете под видом купцов, возьмёте поболее товаров из кладовых моих.

Друзья удивлённо переглянулись, но ничего не ответили князю.

– Ступайте теперь, – велел им Лев. – И держите языки за зубами. Никто ведать о вашей поездке ничего не должен. Заутре на рассвете и отправляйтесь.

Воротившись к себе, отроки стали наскоро собираться в дорогу.

– Не разумею, право слово, почто он нас в Литву гонит, – жаловался Тихон. – Что переменится, коль сведаем мы о делишках Войшелговых?

– Не знаю, друже, – вздыхал в ответ на вопросы товарища Варлаам.

Ему казалось, что Лев чего-то не договаривает.

Поздно вечером в его камору постучался княжеский гридень.

– Князь тя кличет, отроче.

«Хочет наедине, без Тихона, перетолковать. Выходит, мне больше доверяет». – Последняя мысль была и приятна Варлааму, но вместе с тем он огорчился за друга. «Верно, Мирослав наболтал ему про Тихона что нелестное», – думал он, осторожно спускаясь вниз, во двор крепости.

На сей раз князь Лев принял его в другом покое, узком и тесном, расположенном на верху каменной дворцовой башни. Здесь было холодно и сыро, на стенах горели свечи в огромных

¹¹⁵ Можновладцы – в Польше крупные землевладельцы.

семисвечниках, между ними висела страшная медвежья морда с разверстой пастью, на стене напротив – олени рога и чучело рыси в узкой нише.

Князь начал издалека. Он не садился на столец, а ходил по покою, размахивая широкими рукавами кафтана.

– Тяжело теперь стало на земле нашей, Варлаам. Татары рыщут по городкам и сёлам, как волки голодные. Велика сила у них, велики рати татарские. В Залесской Руси вовсе князья на поклон в Орду ездят, выпрашивают ярлыки на княжение. У нас, слава Христу, до такого пока не дошло. Далече мы от Орды, да недалече баскак ханский, недалече и Киев, где татары полно-властно хозяйничают. Отец мой пытался было от них освободиться, да что из этого вышло, сам ведаешь. Не по плечу пока нам с такою силищей сладить. Вот и нужны нам крепкие союзники. На венгерцев и ляхов полагаться – пустое, слабы они паче нас. Иное дело – Литва. Правда, воюет она с рыцарями немецкими, но зато в руках у литвинов – Чёрная Русь, Полоцк, многие другие земли русские. Князь Миндовг, покойничек, великую власть имел. И немцев на озере Дурбе так он посёк, что те до сей поры не опамятуются. Но сын его, Войшелг – не чета отцу. Погряз он в войнах с родичами своими. Такие, как он, на великие дела неспособны. Но, знаю я, есть в Литве люди, которые продолжили бы дела Миндовга, которые помогли бы и мне с татарами. Вот потому и посылаю я вас с Тихоном в Литву под видом купцов. Повстречаешься там, Варлаам, с князем Скирмонтом, предложишь ему от имени моего помощь и дружбу. Думаю, сумею я ему и друзей подыскать среди тех же немцев. Связи там у меня от отца в наследство достались прочные. А он бы, Войшелга свергнув, мне б помог. Вот тогда, объединившись, совокупив силы Галичины и Литвы, сбросим мы татар.

Варлаам слушал, немного ошеломлённый, но в то же время понимающий, какие большие и дальние замыслы, оказывается, у князя Льва. И он невольно зауважал этого извечно мрачного, хитрого человека.

«А верно, и надо таким быть истинному правителю – лукавым, порой коварным даже. Малое надо уметь приносить в жертву великому», – подумалось Низиничу.

– Тихону ничего об истинных целях ваших не сказал, потому как боюсь – болтлив он вельми, – продолжил Лев. – И ещё. Вот скажут иные: что ж ты, княже, супротив брата своего, Шварна, ковы измышляешь? А я отвечу тогда: неразумному юнцу, в воле боярской ходящему, державные дела не по плечу. Не его место – стол галицкий. Это ты тоже понимать должен. И не против брата я иду, а против того порядка, что нынче при холмском дворе установился, против бояр, с которыми отец мой всю жизнь боролся и которые теперь у Шварна на передних местах в думе сидят. Ну, ступай, верно, Варлаам. Удачи вам обоим.

Глава 15

Уже летом добрались Варлаам и Тихон с товарами до литовских пределов. Перед тем был Дрогичин с добрыми дубовыми стенами, была каменная башня в Каменце, были пущи, болота, реки, были опасности, подстерегающие на пути, которые двоих путников покуда счастливо миновали, были узенькие скрипящие мостки, были богатые не разорённые татарами и литовцами деревни, в которых они останавливались на ночлег. На ярмарке в Дрогичине новоявленные «купцы» сбыли несколько тюков сукна и на облегчённом возу достигли вскоре Немана. Вдоль извилистой реки, текущей посреди зеленеющих полей, друзья направились к Гродно. Ещё издали они заметили бревенчатые башни раскинувшегося за рекой на правом берегу города.

– Опять мыто платить, – недовольно обронил Тихон, увидев впереди мост и стражей у въезда на него.

– Ничего, друже. Серебро не наше с тобою – княжеское. А князь велел не скупиться. Даст Бог, сторицей это серебришко окупится.

Варлаам подстегнул белую гривастую кобылу, тащившую воз.

Остановившись возле стражей, он спрыгнул с воза наземь, заплатил положенное и спросил:

– Слышал я, князь Войшелг сейчас в Гродно? Верно ли? Везём для него товар, сукно доброе на сряды.

Страж, высокорослый светловолосый молодой литвин в бобровой прилбице¹¹⁶ и лёгкой кольчуге до колена, осмотрел путников с ног до головы, покосился на могучую кобылу и медленно, как бы роняя слова, ответил:

– Войшелг на озере Гальве. Там собрались многие князья и нобили¹¹⁷.

Варлаам отметил про себя, что стражник не назвал Войшелга князем. Это показалось ему странным. Переглянувшись с Тихоном, он снова обратился к стражу:

– Далеко ли до озера Гальве?

– Сто вёрст. Держите туда. – Литвин указал рукой на северо-восток.

Переехав через мост, путники оказались в Гродно. Город был, в сравнении с Холмом или Краковом, невелик и сплошь застроен бревенчатыми избами. Во многих домах имелись слюдяные окна. Свободные участки и проулки между избами были почти повсюду вымощены диким серым камнем, но каменные здания встречались редко – только две или три церкви с высокими звонницами заметил Варлаам по дороге.

На постоялом дворе друзья немного передохнули, накормили овсом кобылу и в тот же день пополудни двинулись дальше в направлении, указанном стражем.

Теперь деревеньки и сёла им на пути попадались реже и были они беднее и мельче, чем под Дрогичином или в Чёрной Руси. Один раз они наткнулись на спалённое дотла большое село, в котором отыскивали среди развалин двоих перепуганных дрожащих от страха жителей в лохмотьях.

Крестьяне ни слова не понимали по-русски, и Варлаам с трудом, при помощи жестов разобрал, что это село принадлежит некоему нобилю Мажейке, который враждовал с князем Войшелгом и владения которого разгневанный князь велел предать огню.

На второй день пути «купцы» добрались до озера Гальве. Под яркими солнечными лучами озёрная гладь поражала ослепительной синевой. Стоял ясный летний день, на небе не было видно ни единого облачка. Вдоль берега раскинулись многочисленные шатры, возле

¹¹⁶ Прилбица – вид воинского шлема, то же, что мисюрка. Также прилбицей назывался меховой или кожаный подшлемник.

¹¹⁷ Нобиль – в Литве средний или мелкий феодал.

них разрезжали всадники в высоких сафьяновых сёдлах, щедро обитых золотом и увешанных корольковыми кисточками и ременными плетьюми. На левых плечах у многих реяли медвежьи шкуры, за спинами шумели орлиные крылья. Около шатров развевались стяги. Варлаам различил герб Войшелга – литовского зубра, и чёрного жемайтского медведя – герб города Шяуляя.

Всюду видны были шлемы, кольчуги, копыя, увенчанные разноцветными полосками значков. Раздавались взрывы смеха, гудение труб, звон бубнов, громкие голоса, мужские и женские. Русская «мова» причудливо перемежалась с литовскими и немецкими словами, в ушах у Варлаама, быстро уставшего от непривычного шума, стоял гул.

По глади озера скользили плоскодонные лодки; возле самого берега, огороженное толстыми верёвками и жердями, раскинулось ристалище, на котором молодые воины соревновались в стрельбе из луков и метании сулиц¹¹⁸. Обогнув это поле и небольшой поросший великанами – дубами холм, путники оказались неподалёку от великокняжеских шатров. Здесь, после недолгих раздумий, друзья и остановились, разложив товары.

Тотчас к ним подошли люди в богатых одеждах, видимо, нобили, Тихон стал громким голосом выкрикивать цены и показывать привезённые сукна. Зазвенели литовские гроши, немецкие марки, трёхгранные рубли и озеринги. Привлечённые шумом, появились у их воза знатные жёны в малиновых, зелёных, голубых летниках с широкими рукавами. Внезапно около холма Варлаам заметил Войшелга. Облачённый в свою неизменную чёрную рясу, князь-инок во главе пышной свиты ехал с ристалища к своему стану. Равнодушным взглядом обведя собравшуюся толпу, он спрыгнул с коня, бросил поводья челядинцу и скрылся за войлочной стенкой шатра. Почти тут же на пороге показалась женщина в платье из голубой парчи, в которой Варлаам, к изумлению своему, узнал ту самую красавицу из Холмского дворца. Кто она? Должно быть, супруга одного из ближних бояр князя Литвы. Вот она подошла к возу, стала осматривать багряный, расшитый травами убрис, спросила у Тихона цену. Голос у молодежи был тонкий и звонкий, такой, что у Варлаама захолонуло сердце. Ни о чём более не мог он сейчас думать, кроме как о ней.

Меж тем женщина перевела на него свой лучистый взгляд и вдруг застыла от неожиданности.

«Ужели... Она запомнила меня. Да, и глаза те же серые, и так же глядит...»

Варлаам в смущении опустил очи долу.

Но женский голос зазвенел вдруг рядом с ним переливчатым колокольчиком, заставив вздрогнуть от неожиданности.

– Кто ты, добр молодец? Купец? Зрела тебя на дворе в Холме, – обратилась к нему молодлица. Лёгкий акцент выдавал в ней литвинку.

– Да, купец, – растерянно отвечал ей Варлаам, не в силах поднять очей. Он вынужден был лгать, но иначе было нельзя.

«Неприменно покаюсь потом, расскажу ей о себе», – стучала в голове у отрока мысль.

– Как твоё имя? – продолжала допытываться жёнка.

– Варлаам.

– Надолго ты здесь?

– Как расторгнемся.

– Нынче праздник в Литве. Лиго – день солнцеворота. Будут купанья на озере. Приходи.

Сказав это, молодлица круто повернулась и через несколько мгновений скрылась в княжеском шатре.

Варлаам остоленело глядел ей вслед.

¹¹⁸ Сулица – короткое метательное копье

– Слышал, друже, – потряс его за плечо Тихон. – Гулянка сегодня у их. Вовремя мы, право слово. Литовские девки хороши, сладки, до ласк охочи. Вот ента, что подходила, прямь яко цветок!

Варлаам ничего не ответил. В ушах его всё ещё звенели слова прекрасной незнакомки и стояло шуршание её тяжёлой парчи.

Глава 16

Альдона сама не понимала, что с ней творится. Она с нетерпением и волнением ждала заката солнца, когда на берегу озера молодцы и девушки зажгут костры и начнётся буйное веселье. Она взяла у челядинки её платье, примерила, довольно улыбнулась. В темноте её не признают, а если и признают, не беда – многие знатные женщины, жёны могущественных князей и нобилей тоже пойдут на это языческое празднество. Альдона гнала прочь мысли, что она христианка, что в Холме ждёт её муж, нуждающийся в её поддержке, что её брат – монах, что негоже ей, крещёной русской княгине, думать о каком-то чужом неведомом человеке. Сердце женское подсказывало ей иное, совсем иное.

«А ведь непохож он на купца, вовсе непохож, – подумала Альдона, перебирая в памяти свою встречу с Варлаамом. – Нет, что-то здесь не так».

Переоблачившись в домотканое платье холопки, Альдона оглядела себя в круглое серебряное зеркальце, слегка подсурьмила брови, затем уложила на голове золотистые косы. Подумав немного, достала из ушей золотые серьги и сменила их на медные кольцевидные, какие носят литовские девушки-простолюдинки.

Вскоре в шатёр к ней заглянула сестра нобилия Гирставте Айгуста. Стан этой рослой статной девушки облегалось широкое платье зелёного сукна, волосы на голове у неё были сложены в форме венка, на лебединой шее красовалось широкое серебряное ожерелье в три ряда.

– Там у берега собираются уже. Пойдём, может, и мы, Альдона? – предложила Айгуста.

– Подождём ещё. Светло, признают, брату доложат, а он разгневется. Как-никак я мужняя жена.

Альдона вздохнула. Подруга села рядом и положила ей на плечо свою сильную и широкую, как у мужчины, длань.

– Ты, если хочешь, ступай, – сказала молодая княгиня. – А мне рано.

– Нет, пойдём вместе. – Айгуста решительно затрясла головой.

– Приглядела себе кого? – спросила её Альдона, обратив внимание, что подруга уже подвела брови, подкрасила уста и ресницы, а на щёки щедро наложила румяна.

– Есть один молодец, – доверительно шепнула Айгуста.

– И кто он? – продолжала допытываться Альдона.

Айгуста смущённо вздохнула и потупила очи.

– Трайден, ты его знаешь. Но, говорят, он женат.

– Да, по-моему, я видела однажды его жену. Наверное, так. Но что сейчас думать об этом? Ведь нынче день Лиго, а Лиго – бог радости. Надо радоваться жизни, радоваться красоте, радоваться тёплой летней ночи. Порой мне кажется, что я разучилась радоваться по-настоящему. Там, в Холме, меня всё время преследуют страхи, я живу и как будто и не живу вовсе. Всюду какие-то козни, какая-то мышьяная возня. Лев, Юрата, боярин Григорий – я устала, подружка, сильно устала от них. Вспоминаю своё детство, отца покойного – и так тепло, легко на душе. Вот и теперь, в эту ночь... Хочу одного – радоваться, любить, мечтать. Хочу убить все свои страхи.

– Ну, так пойдём же, пойдём скорей! – Айгуста решительно схватила Альдону за руку и потащила к выходу.

Вечерело. Багряные отблески заката кровавили озёрную воду. Лёгкая рябь бежала по тёмной глади, маленькие волны со слабым плеском ударяли о песчаный берег.

Жрецы-нерути ныряли в воду и, произнося долгие заклинания, гадали о погоде и рыбной ловле. Неподдалёку от них другие жрецы – удбуртули, гадали по воде. Вокруг них толпами собирались молодые девушки и жёнки постарше, спрашивали о своей судьбе, всюду слышался звонкий смех.

Айгуста и Альдона, босые, побежали, держась за руки, вдоль берега. Впереди, в отдалении, были хорошо видны разгорающиеся костры.

Заря потухла как-то быстро и неожиданно, и произошло это в тот самый миг, когда подруги достигли первого из костров. Альдона увидела водящих вокруг вздымающегося ввысь пламени хороводы девушек и юношей с венками из цветов на волосах. И словно окружал, дурманил её голову весёлый смех, она сама вдруг рассмеялась, сама не зная чему, словно поддавшись чарам древнего бога Лиго. Или это добрая богиня Лайма спешит отвлечь её от тяжких мыслей и забот и дарует ей часы или мгновения счастья. Альдона была христианкой, но в глубине души верила в старых литовских богов – таких простых, понятных, близких, не то что неведомый Бог руссов и греков, далёкий, загадочный, имеющий три ипостаси.

Варлаам выступил откуда-то с края освещённого костром круга. Облачённый в розового цвета нарядную рубаху и тёмные порты, он приветствовал Альдону лёгким поклоном.

Княгиня внезапно подумала, что руссу, наверное, будет немного не по себе среди шумного сборища язычников-литвинов. Проводив глазами Айгусту, которая закружилась в шумном хороводе, она предложила:

– Там на берегу есть лодки. Сядем, поедем кататься. Здесь много островов.

– Хорошо, красавица. – Варлаам снова поклонился ей.

– Что ты всё кланяешься мне? – весело хихикнула Альдона. – Чай, не перед иконой стоишь. Ну, пойдём же.

Она первой забралась в маленький рыбачий челн. Варлаам сел на вёсла. Лодка отплыла от берега и резво помчалась по озеру, разрезая маленькие волны.

– Тебя как звать? – спросил Варлаам. – Извини, там, на торгу, растерялся немного, позабыл узнать.

– Крестили Марией, а языческое имя имею – Альдона.

– Я тоже тогда ещё, в Холме, на гульбище тебя приметил, Альдона. Верно, муж у тебя есть, чада?

– Муж есть, а чада пока ещё нарожать не успела, – бойко отозвалась молодница, сама удивляясь, как легко и просто сказала она эти слова.

– Темно здесь, не видно ни зги. Не налететь бы на камень какой. Ты плаваешь хорошо, Альдона?

– Как неруть.

Варлаам молча кивнул.

– Вон, кажись, остров, камыши высокие вижу. Пристанем давай.

– Ты приставай, а я – вплавь! Узнаешь, как неруть плавает! – со смехом воскликнула Альдона.

В мгновение ока она сбросила с себя платье и прыгнула в воду.

Варлаам успел увидеть на мгновение вспыхнувшее в ярком серебристом свете месяца перед глазами белое женское тело с округлостями груди и пушком вьющихся волос вокруг гениталий. Затем с визгом и плеском тело это ринулось вниз, челн сильно трянуло, и Варлаам, как был, в нарядной рубахе, полетел в воду. Ещё через мгновение Альдона обвила руками его шею, он неумело обхватил шуйцей¹¹⁹ её тонкий стан, они выбрались на сушу и повалились в громко шуршащие камыши.

Альдона стала сдёргивать с него рубаху, нетерпеливая длань её скользнула ему под порты. Тонкий серебряный смех звенел над ухом Варлаама, он слепо подчинился, поддался женской страсти, сам возбуждённый, обрадованный, немного смущённый оттого, что же они сейчас делают, что творят. А затем наступили минуты блаженства, самые счастливые минуты для них

¹¹⁹ Шуйца – левая рука.

обоих, такие, которые будут они оба вспоминать всю свою жизнь как короткий, призрачный миг счастья на извилистых и многотрудных путях бытия.

Альдона была сверху, Варлаам с восторгом смотрел на распущенный каскад её мокрых волос, на её запрокинутую назад голову с прелестными устами, уже не раз обжёгшими его сладостным поцелуем, он чувствовал, как его плоть, подчинившись чарам этой колдуньи-чаровницы, входит в её плоть и сливается с ней. Альдона была ненасытна, она снова и снова требовала от него ласк, она смеялась, возбуждала, раскручивала его, нежными прикосновениями и щекоткой доводила его до безумия, тогда он стискивал её в своих объятиях, жадно целовал в жаркие уста и снова погружался в состояние неземного блаженства, лишь краешком ума понимая, что творит сейчас грех.

Потом они оба, утишённые, лежали на траве на небольшом пригорке, смотрели на звёзды, на серп месяца и на далёкие огни костров и факелов на берегу. Варлаам вдруг вспомнил литовскую легенду о том, как солнце изменило богу Перкунасу с месяцем и как в отместку за это грозный громовержец разрубил месяц своим мечом. Месяц и в самом деле был словно разрублен.

– Ты должен знать обо мне всё, – оборвала его мысли Альдона. – Я – не боярыня и не жена нобиля. Я – княгиня. Мой муж – галицкий князь Шварн. Мой отец – Миндовг, а брат – Войшелг. Сейчас я гощу у него в Литве.

У Варлаама едва не перехватило дыхание. Неприятный холодок побежал змейкой по спине. Он с трудом скрыл своё потрясение. И всё же, отбросив прочь страхи, он решил быть искренним и ответил:

– Я тоже не буду таиться перед тобой. Я – не купец. Я – отрок. Сейчас я служу в Перемышле князю Льву, брату твоего мужа. А раньше, до прошлого лета, три года учился в Падуе, в университете. Окончил тривиум – первую ступень наук. Когда приехал, узнал, что князь Даниил при смерти. Князь Лев взял нас с товарищем к себе на службу.

– Что же ты скрываешься под личиной купца? – В голосе Альдоны слышались уже нотки не любопытства, а угрозы.

– Князь Лев велел мне узнать, что происходит в Литве.

– Вот как! – Альдона внезапно вскочила, быстро натянула на себя платье, бросила Варлааму его порты и рубаху.

– А ну, одевайся! Живо! – прикрикнула молодлица. – Вот я сейчас пойду и расскажу всё брату! Скажу, что ты вынюхиваешь тут по указке этого противного Льва! Что ты лазутчик и измышляешь недоброе! А уж брат заставит тебя выложить всю правду! О, Господи! Какая же я дура! С кем я связалась! На кого положила глаз!

Она сокрушённо закрыла руками лицо.

– Альдона! Перестань, не гневайся! Княгиня! Это не так, всё не так! Я не знал, ты не знала! Люба ты мне! И ничего, слышишь, ничего николи супротив тебя я не сделаю! Ну, не молчи же, скажи хоть что-нибудь! – в отчаянии воскликнул Варлаам.

Ответом ему была хлёсткая, обжигающая пощёчина, такая сильная, что он от неожиданности не удержался на ногах и рухнул в камышовые заросли.

Альдона зло расхохоталась.

Кусая в волнении уста, Варлаам поднялся и стал торопливо одеваться.

– Если бы я был лазутчиком, измышлял ковы, разве я открылся бы? – решил слукавить он, чувствуя вдруг, как земля словно бы уходит у него из-под ног.

Он не мог лгать этой женщине, подарившей ему любовь, но и сказать всё начистоту тоже не осмеливался. Это погубило бы и его самого, и Тихона, и привело бы бог весть к чему, может, и к войне Льва со Шварном и Войшелгом. Тогда пострадают все: и русины, и литвины, и Альдона тоже. Ради блага иногда приходится быть не до конца искренним.

– Если бы я задумал что-нибудь худое, разве посмел бы... Посмел бы... – не закончил он.

Альдона резко оборвала его:

– Хорошо, я поверю тебе. Но отныне это неважно. Отвези меня на берег и уходи. Больше не хочу тебя видеть. И если узнаю, что таишь ты в душе лихое, что зло князю Войшелгу или князю Шварну хочешь сотворить, берегись! Отыщу я тебя, и тогда не будет тебе пощады!

Слова молодой женщины долго ещё звенели у Варлаама в ушах. Он молча и яростно грёб вёслами, челн быстро скользил по успокоенной, ровной глади Гальве. Было совсем безветренно, исчезли прежние их спутники – маленькие волны, и на душе у Варлаама стало тоскливо, уныло, противно.

Нарушив наконец молчание, он сказал:

– А глупо всё это, Альдона. Вот так, в камышах, тайком. Или как иные – всю жизнь лезут по подворотням, прячутся по углам, целуются в тёмных переулках. Любовь, пусть и телесная, иною должна быть – открытой, прямой, безоглядчивой.

Княгиня ничего не ответила, а только посмотрела на него с грустной задумчивостью в светлых глазах. Варлаам помог ей сойти на берег, сухо попрощался и поспешил к своему обозу. В душе у него царил беспорядочный хаос мыслей и переживаний. Всё представлялось ему теперь тёмным, как летняя ночь, неожиданно нависшая над головой густой грозовой тучей. Он вдруг ощутил, как в лицо ему ударили косые холодные капли дождя.

Ночь языческого праздника заканчивалась. Разразился частый в этих местах ливень, а за озером, на востоке, лениво вставал хмурый рассвет.

Глава 17

Тихона Варлаам отыскал в возке. Обнимая двух молоденьких литвинок, любвеобильный отрок безмятежно подрёмывал, уронив голову на мягкое сено. По всему видно, ночь он провёл бурную. В ногах его валялся опорожнённый жбан из-под ола, здесь же были небрежно брошены сафьяновые сапоги и свита. Велев девушкам уходить, Варлаам с трудом растолкал хмельного товарища.

– Вставай! Кончилось веселье давешнее, – строго изрёк он. – Дела надо спроворить, и домой. Много здесь Шварновых людей отирается, могут признать, тогда не поздоровится нам. Войшелг на расправу скор.

– Чего ж деять будем? – зевая, лениво спросил Тихон. – Вот я, право слово, никак не уразумею, чё мы тут торчим, среди язычников ентих?

– Надо встретить князя Скирмонта, перетолковать с ним. А потом сразу отъедем, – хмурия чело, коротко пояснил Варлаам.

...Красный шатёр князя Скирмонта друзья отыскали без труда. Он был выше большинства других и горделиво раскинулся на краю лагеря, на пригорке по соседству с густой дубовой рощицей. Варлаам представился купцом, привезшим князю сукно из Дрогичина на свиту. Вскоре они с Тихоном уже стояли перед восседающим на кошмах Скирмонтом. Князь, светлицый, с белыми, как лён, волосами и вислыми усами такого же цвета, в лёгкой голубой накидке, надетой поверх белой рубахи с золотистым узорочьем, с удивлением и любопытством рассматривал молодцев, которые, отвесив ему низкие почтительные поклоны, скромно застыли возле входа.

– Кто вы такие? – разведя руками, спросил их на ломаном русском Скирмонт. – Не знаю вас, не помню.

Говоря, он, как многие литвины, сильно растягивал гласные.

Варлаам, заранее уже продумавший о том, что сказать, быстро нашёлся:

– Нас послал к тебе из Перемышля князь Лев, сын Даниила.

– О, князь Даниил! – воскликнул Скирмонт. – Он был мой друг. И мой враг.

Литвин неожиданно рассмеялся.

– Наш князь видит со скорбью, как много лиха творит ныне в литовских землях сын князя Миндовга, Войшелг. Он вверг вашу землю в долгие войны, в гибельный пожар междоусобий. И князь Лев хочет помочь тебе, князь Скирмонт, восстановить в Литве прочную и крепкую власть. Кому, как не тебе, править в литовских землях. Знает князь Лев, что ты храбр, смел и умён. Также ведомо ему, что многие нобили готовы поддержать тебя.

Красноречивым жестом руки Скирмонт остановил речь Варлаама.

– Князь Лев поможет мне, а я помогу ему? Так? Он хочет отнять у своего брата город Галич? – хитровато сощуриив свои светлые рысьи глаза, спросил он.

– Преклоняюсь перед твоей мудростью, княже. – Варлаам наклонил голову. – Князь Лев поможет тебе договориться с немцами, а потом, объединив силы Галича и Литвы, мы вместе разобьём татар.

– Предложение вашего князя очень заманчиво. Но я должен посоветоваться... – Скирмонт задумался. – Приходите ночью, как только стемнеет. Будем говорить.

Снова последовал короткий взмах руки, и отроки поспешили к выходу из шатра.

– А я и не ведал, что к ентому князьку нас Лев послал, – говорил Тихон, когда они, обогнув лагерь, пробирались к своему возку.

– Ты уж, друже, никому о нашем со Скирмонтом разговоре не сказывай, – тихим голосом ответил ему Варлаам. – А то знаю я тебя. Какой девке сболтнёшь, и пойдёт молва.

– Обижает. Что я, право слово, совсем дурак, что ль! – воскликнул в сердцах Тихон.

– Тише ты! – цыкнул на него товарищ. – Убраться б нам отсюда заутре.

Он опасливо огляделся по сторонам.

В лагере вроде было спокойно. Кто-то ещё продолжал отмечать праздник Лиго и шумно веселился, кто-то отсыпался после бурной ночи, у шатров князей и нобилей неторопливо разъезжали немногочисленные охранники с копьями наперевес. Варлаам заметил старинный языческий стяг: грозный бородатый Перкунас, увенчанный пламенем, грозно развевался на ветру. По одну сторону от него изображён был мертвенно-бледный старец Патолс с долгой белой бородой и повязкой на голове – страшный бог привидений и мертвецов, по другую – безбородый юноша Потримпс в венке из колосьев – добрый покровитель рек и источников.

Вспомнив о том, что князь Войшелг был монахом и усердным христианином, Варлаам невольно усмехнулся. Выходит, не столь велика его власть в Литве.

До вечера отроки, стораая от нетерпения, потихоньку собирались в обратный путь. Уже сложены были в воз оставшиеся товары, подсчитаны монеты, упрятаны в калиты и мешки шкурки-куны и серебряные слитки, а день, казалось, всё не убывал, всё тянулся, как кисель, сдобренный унылым тёплым дождём. Наконец, в сумеречный час друзья осторожно пробрались к шатру Скирмонта.

Оказалось, там их уже ждали. Шатёр был полон людьми. Скирмонт сидел возле очага на раскладном стульце, возле него на таких же стульцах и кошмах расположились другие князья и нобили. Некоторых из них Варлаам видел раньше и знал по именам. Вот широкоусый увалень князь Лесий, повадками своими напоминающий средней величины медведя, вот худенький, малорослый Борза, вот худощавый молодой красавец Серпутый, вот нобиль Гирставте с глубоким шрамом на правой щеке. Были и другие известные лица: старый воевода Сударг, нобили Гнете, Сонгайле, Маненвид. За спинами нобилей застыли стражники с копьями и мечами, в шлемах и прилбицах. Меж ними Варлаам заметил ещё одно знакомое лицо, но где он видел этого высокого светловолосого литвина с исполненными спокойного мужества чертами, никак не мог вспомнить.

Друзья попали в самый разгар спора. Плохо разбирая литовские слова, Варлаам лишь отчасти понимал смысл сказанного.

Седой Сударг, хмурая густые брови, говорил Скирмонту:

– Да, Войшелг причинил нам много зла. Но он храбро сражался с немцами и он мстил за убийство своего отца, как подобает по нашим обычаям. Ты же предлагаешь нам союз со Львом, с руссами, нашими врагами. Я уважал покойного князя Даниила за его доблесть и благородство, но его старший сын слеплен совсем из другого теста. Мой совет: остерегайся его, Скирмонт.

– Сейчас не время вспоминать благородство Даниила и храбрость Войшелга, – визгливым голосом перебил воеводу Борза. – Ты посмотри, что вытворяет этот Войшелг и его головорезы в наших сёлах! Деревни Мажейки сожгли дотла, двор Маненвида разорили! В моих угодьях тоже похозяйничали!

Нобили поддержали Борзу одобрительным гулом.

Слово взял Скирмонт:

– Вижу, что всем вам немало зла и горя причинил Войшелг. Так поклянёмся же выступить против него! Поклянёмся стоять друг за друга плечом к плечу! Хватит разорений, хватит бессмысленных усобиц, хватит мести! Ты говорил, Сударг, о князе Льве как о нашем враге. Но у нас, у Литвы, враги иные. Это немцы и татары. С ними придётся нам воевать, а не с русским князем. Отныне да будет так: я – за вас, вы – за меня! Поклянёмся на обнажённых мечах и скрепим нашу клятву кровью!

– Клянёмся Перкунасом! Смерть Войшелгу! Смерть разорителю и губителю! – наперебой закричали князья и нобили.

Варлаам заметил вдруг, что молодой высокий литвин, на которого он обратил внимание, незаметно исчез из шатра.

«Может, какой переметчик? Кто знает...» – Он силился вспомнить, где раньше видел этого человека, но не мог.

– Пойдём, друже, – потянул он Тихона за рукав свиты. – Наше дело на этом кончено. Отъезжаем в Перемышль.

Они быстро выскользнули из шатра и поспешили к своему возу.

Из ночной темноты внезапно вырвался отряд всадников с факелами в руках, раздалось громкое ржание, лязг мечей, крики. Кто-то грубо ухватил Варлаама за плечо. В ярком вспыхнувшем свете он увидел лицо боярина Григория Васильевича.

– А, вот кто тут! Отроки Льва! Хватайте их, живо! – обрадованно заорал боярин. – Лазутчики! Воры!

Двое дюжих литвинов скрутили Варлааму руки за спиной крепкими ремнями. Отчаянно отбиваясь, отрок крикнул:

– А я ведь тебе жизнь спас, боярин Григорий! Али забыл?!

– Молчать! – Григорий матерно выругался. Сильный удар плети ожёг Варлааму щеку. Их с Тихоном потащили в сторону ристалища.

«Всё, пропали! – прошумела в голове Варлаама мысль. – Живыми вряд ли отсюда выберемся».

Вдруг возникло перед ним лицо Альдоны, обрамлённое белым шёлковым убрусом.

– Ворог! Кознодей! – прошелестели возле его уха жестокие, полные нескрываемого презрения слова.

Круто повернувшись, молодая княгиня бросилась во тьму, словно окунулась в тяжёлый топкий омут.

И тут прозвенел над головами отроков грозный бас Войшелга:

– В поруб лазутчиков! Заутре головы обоим с плеч!

Варлааму развязали руки и больно толкнули в спину. Он почувствовал, что летит куда-то вниз, падает в яму, вокруг него сыпется песок, а наверху раздаётся надрывный скрип закрываемой двери и лязг тяжёлого замка.

Варлаам упал в мокрую грязь, но тотчас вскочил на ноги и отряхнулся. Тихон был где-то рядом, он слышал его дыхание. Протянув руку, Варлаам нащупал локоть товарища и крепко сжал его пальцами.

– Пропали мы, друг, – вздохнул Тихон.

Наверху всё стихло. Мало-помалу глаза привыкли к темноте. Варлаам различил рядом тёмную фигуру друга.

Они долго сидели молча, всё прислушиваясь, словно подспудно ожидая чего-то. Своего состояния Варлаам не мог, да и не старался понять. Было какое-то сожаление, но вместе с тем и пустота, вспоминались слова библейского пророка: «Бессмысленно всё, как погоня за ветром».

Унылую тишину оборвал скрип замка. Сверху протянулась крепкая верёвка.

– Хватайтесь, лезьте! – раздался строгий мужской голос.

Упираясь ногами в земляные стенки ямы, истирая в кровь длани, Варлаам с яростно бьющимся в груди сердцем быстро полез ввысь. Тихон спешил за ним следом. Вскоре они уже стояли возле двери перед тем самым молодым рослым литвином, которого Варлаам заметил в шатре у Скирмонта.

– Вот вам хорошие кони. Скачите лесом до Гродно, оттуда – в Дрогичин. Своему князю скажете: заговор Скирмонта провалился. И ещё скажете: выручил вас из ямы князь Трайден. Запомните: Трайден. Пусть и князь ваш знает моё имя.

Дальше всё происходило с лихорадочной быстротой. Беспощадно хлестая коней, двое отроков мчались по лесной дороге. Только сейчас Варлаам почувствовал боль от удара плетью боярина Григория.

«Ничего, ворог, я с тобой ещё поквитаюсь!» – злорадно подумал он, но тотчас эту мысль перебила другая, он вспомнил Альдону и презрение в её прекрасных светлых очах.

«Боже, почему, почему мы стали врагами?! Почему мир наш так гадок и мерзок, почему, кроме тех мгновений греховной радости, ничего в нём нет светлого?! Почему, почему, Боже?! Или это я, я один во всём виноват?!»

Плотно стиснув уста, Варлаам всё гнал и гнал вперёд резвого низкорослого скакуна.

– Слышь, друже! – окликнул его Тихон. – Вспомнил я, где ране Трайдена ентого зрели мы. Тамо, на мосту, возле Гродно!

– А ведь верно! – откликнулся Варлаам, резко осаживая коня. – Кажется, так. То он и был. И в шатре у Скирмонта я его видел. Стоял сзади, рядом со стражей. Может статься, он нас и выдал.

– Почто ж тогда выпустил из ямы?! – Тихон изумлённо передёрнул плечами. – Не уразумею чегой-то.

– Думаю, сам он власти в Литве добиться жаждет. А Скирмонт ему ни к чему, вот он и выдал заговорщиков. Знает, что Войшелг долго на столе не усидит. А может, и не так всё.

– Да ну их всех к чёрту, князьков ентих! Мчим дале. Гляди, светает! – Тихон обернулся и указал на встающее за спинами их над лесом алое зарево. – Торопиться нам надоть!

Кони стремглав вынеслись с лесной опушки на вольный простор. Впереди был долгий и многотрудный путь, но Варлаам с какой-то необыкновенной ясностью чувствовал, знал уже точно, что они благополучно возвратятся в Перемышль.

Глава 18

Поутру на ристалище, обрамлённом тыном из острых кольев, плотники соорудили высокий помост, а кмети¹²⁰ Войшелга установили на нём огромную дубовую плаху. Воины в серебрящихся на солнце кольчугах и шишаках окружили место грядущей казни плотным кольцом. Ристалище быстро заполняла толпа зевак, некоторые лезли едва не под копыта, стражники отгоняли их подальше, грозя особенно строптивым обнажёнными мечами и саблями.

Войшелг, в чёрной рясе с куколем, торжественно восседал на резном деревянном столце неподалёку от помоста. Строгое, истощённое постами лицо его казалось бесстрастным, но время от времени в глазах его вспыхивали и тотчас же гасли искры гнева. Ближние нобили и воеводы в такие минуты боялись оказаться рядом со своим князем – тот бывал необуздан и неудержим в ярости. Только одна Альдона находилась возле брата. Лицо её поражало мертвенной бледностью, уста были плотно сжаты, во взгляде скользило презрение.

Запахавшийся от быстрого бега молодой воин из стражи повалился перед Войшелгом на колени.

– Князь, руссы сбежали ночью. Кто-то отпер замки, бросил им вервь.

– Что?! – багровея от злости, вскричал Войшелг. – Да как смели вы, раззявы?!

Резко вскочив, он ударил сапогом по лицу воина. На устах последнего проступила кровь. Облизнувшись, как собака, воин поспешил скрыться от грозного княжеского ока.

Мгновенно успокоившись, Войшелг осенил себя крестом и порывисто сел обратно на стolec.

– Приступайте! – приказал он, махнув десницей, одному из воевод.

– Брат! – решила окликнуть его Альдона. – Подожди. Выслушай меня. Довольно крови! Довольно казней! Что может породить твоя жестокость, брат? Вот ты убиваешь, вешаешь, отрубашешь головы, но врагов у тебя становится всё больше и больше. За Скирмонта и остальных появятся мстители, и снова будут войны, снова немцы нападут на наши земли. Молю, брате возлюбленный! Подумай! Пощади заговорщиков! Пусть посидят покуда в порубе, пусть покаются, пусть дадут клятву, что не будут боле строить ковы!

– Нет, сестрица! Нет, голубка моя ясная, – ласковым, но твёрдым голосом возразил ей Войшелг. – Я и так пощадил многих. Я простил Гирставте, Маненвида, других жемайтских нобилей. Пусть убирается, пусть расползается по своим владениям вся эта противная мелюзга! Ибо я знаю, что, как только нападут на них немцы, они приползут к великому князю Литвы на коленях, моля о защите. Наконец, я уважил седины воеводы Сударга, я помню, как храбро сражался он под знамёнами моего отца! Но своих родичей, злоумышляющих против меня, я не прощу! Пусть обрушится на головы их топор возмездия! Приступай! – снова крикнул он воеводе.

На краю ристалища появились окружённые стражниками Скирмонт, Борза, Лесий и Серпутий. Первые трое, хоть были бледны, но держались с достоинством и шли на казнь твёрдым шагом. Серпутий же, внезапно вырвавшись из кольца воинов, бросился на колени перед Войшелгом и со слезами истошно завопил:

– Прости, прости меня, великий князь! Я буду верно служить тебе!

Дикая крики его прерывались рыданиями.

Войшелг пришёл в ярость. Вскочив со столца, он затопал ногами и, багровый от гнева, заорал на всю площадь:

¹²⁰ Кмет – здесь: витязь, дружинник.

– Вон! Вон отсюда! Переветник¹²¹ проклятый! Стража! Хватайте его! Да быстрее же! Голову! Голову ему с плеч! Прежде прочих! Да живо же!

Альдона, не в силах более наблюдать происходящее, круто повернулась и быстрым шагом засемила в шатёр. На душе у неё было противно и страшно. Боялась она и за брата, и за Шварна, и за всю Литву. И вместе с тем испытала она некое облегчение, когда узнала о бегстве Варлаама. Нет, она не хотела его гибели, наоборот, она, когда упрашивала брата сохранить жизни заговорщикам, думала почему-то только о нём одном. Она верила, что этот человек просто волею случая оказался втянут в бурный водоворот лихих дел и грозных событий, а по сути, он не желал совершить никакого зла. Пусть, думала молодлица, бежит он в свой Перемышль, а потом, когда-нибудь после, они непременно объяснятся и поймут друг друга.

Сев на кошмы, Альдона грустно вздохнула и прислушалась к доносящемуся с ристалища гулу толпы. Вот крики на мгновение стихли, чутким своим слухом она уловила глухой удар, затем толпа снова взорвалась звероподобным воплем, заглушающим мерный стук бубнов и гудение медных труб. Зажав пальцами уши, Альдона не выдержала и разрыдалась. Тревожно, страшно и пусто было у неё на душе.

Когда казнь свершилась, в покои сестры, отодвинув войлочную занавесь, вступил Войшелг. Остановившись перед Альдоной, он тихо сказал:

– Сестра, я прошу тебя зайти ко мне. У меня в шатре собрались князья и нобили. Я должен кое-что сказать.

– Но зачем я пойду туда, брате? Ведь я всего лишь слабая и глупая женщина. Я ничего не понимаю в ваших делах и спорах.

– Но это важно, сестричка. Это очень важно.

Удивлённо пожав плечами, молодая княгиня проследовала за братом.

На скамьях в шатре Войшелга восседали литовские князья, нобили и воеводы. Многие из них живо обсуждали подробности казни. Одни, разрезая ладонями воздух, хвалили точные и сильные удары палачей, другие со вздохами сожаления отмечали мужество троих приговорённых, третьи угрюмо молчали, в душе осуждая жестокосердие Войшелга.

Альдона села в мягкое обитое бархатом кресло по правую руку от престола. Войшелг, не садясь, встал перед подданными. Подняв десницу, он призвал всех собравшихся к тишине. Громким голосом великий князь торжественно изрёк:

– Когда в Кернове убили моего отца, я вышел из врат монастыря и дал клятву, что за три года отомщу его убийцам и установлю в Литве порядок и тишину. Сегодня, предав казни последних из своих врагов, я исполнил то, в чём клялся. Теперь я возвращаюсь в монастырь в Новогрудке. Отныне я – не князь, я – инок. А великим князем Литвы с сего дня объявляю... – Он вдруг умолк, напряжённо вглядываясь в лица князей и нобилей. – Зятя, брата и друга своего, князя Галицкого Шварна!

Альдона, испуганно вскрикнув, вскочила с кресла. Изумлёнными, полными страха глазами, ещё не осознав до конца, что же сотворил её взбалмошный и жестокий брат-схимник, смотрела она на медленно отходящего от престола облачённого в чёрную рясу с куколом на голове Войшелга.

За спиной её злорадно улыбался боярин Григорий Васильевич. В этот час в Холм, к Шварну и Юрате, уже скакали добрые вестники с грамотами, увенчанными свинцовыми печатями. В Кернове – родовом гнезде литовских великих князей, ждала Шварна золотая корона.

¹²¹ Переветник – изменник, предатель.

Глава 19

Сумрачная тишина царила за каменными стенами Перемышля. Изредка до чуткого слуха князя Льва доносились оклики стражей и удары медного била¹²², отсчитывающие часы. Тонкая свеча горела на столе, озаряя покой неярким мерцающим светом. Лев то отходил к забранному зелёным богемским стеклом окну и барабанил перстами по дощатой раме, то хмуро озирался и вглядывался в выступающие из темноты очертания стены с висящей на ней бурой медвежьей мордой. Он различил белый оскал развёрстой звериной пасти, неяркий свет выхватил из темноты тупые стеклянные глаза, страшные своей пустотой и неподвижностью. Чем-то этот когда-то поверженный отцом в карпатских пущах медведь напоминал ему Войшелга.

«Вражина! – зло скрипнул зубами Лев. – Вот до чего дошёл, инок! Ничего, доберусь до тебя, скотина!»

Он пытался успокоиться, отринуть, отодвинуть в сторону мысли о мщении, о своём безвластии, но никак не мог.

«Что же мне делать? Как же ему отомстить?! Всё бы припомнить: и попрание чести моей там, в Холме, когда батюшка помер, и лютые расправы со князьями в Литве, и казнь Скирмонта, друга моего!»

Лев сжимал в отчаянии крепкие кулаки.

«Людей моих в поруб кинул, сволоочь! И еже б не Трайден... Трайден. Сын Ровмунда. Что он за птица? Кажется, родич князя Выкинта, того, что крижаков-меченосцев под Шяуляем иссёк. Давние дела, я ещё мальцом тогда был».

Заставив себя сесть за стол, князь придвинул кружку с любимым малиновым квасом и медленно, маленькими глотками стал пить.

«Инок, а мёд крепкий любит, – подумалось внезапно. – На пирах этот Войшелг далеко не из последних. Кум, бес бы его!»

– Эй, Ваня! – открыв дубовую дверь, крикнул он гридню. – Покличь сюда литвина сего, Маненвида!

В палату вступил рослый светловолосый литвин и земно поклонился Льву.

– Сядь! – указал взглядом на скамью напротив князь. – Стало быть, говоришь, двор твой пожёт Войшелг, и ты от него сбежал.

– Да, светлый князь. Я поспешил унести ноги, когда узнал, что схватили Скирмонта, Борзу и других.

– Теперь тебе нечего бояться, Маненвид. Войшелг уехал в монастырь, а мой брат Шварн – человек с мягким сердцем. Покайся в прежних грехах, дай клятву верности, выдай с головой пару заговорщиков – тем ты приблизишься к особе нового великого князя Литвы. Но сперва перетолкуй с князем Трайденем. Поблагодари его от меня за спасение верных моих людей. Слушай его советы, но потихоньку присматривай за ним. Я хочу знать, что Трайден за человек, каковы его чаяния и мысли.

Маненвид, смешно хлопая глазами, быстро кивал.

«Мразь, конечно! Подобострастная мразь!» – с отвращением подумал про него Лев, но ничем не выдал своих чувств. Наоборот, озирая нобиля, он одобрительно улыбнулся.

– Будешь передавать мне вести о ваших литовских делах. Через купцов, или сам шли гонца, – добавил Лев. – Нынче же ночью отъезжай в Кернов. И постарайся, чтоб ни одна живая душа тебя ни здесь, ни в Холме не видела. Ну, ступай.

По взмаху княжеской руки литвин мгновенно вскочил со скамьи и поспешил удалиться.

¹²² Било – доска из «звонких» пород древесины с теми же функциями, что и колокол. По ней били молоточком (иногда двумя молоточками) или палкой. Также бывает из меди.

«Трусливая овца! – Лев скривил уста в злобной усмешке. – Зато такой не будет строить козни за спиной. Вот я его обласкал, дал денег на восстановление двора, теперь он будет мне лизать руку, как приبلудная шелудивая собака. Но... такая собака легко может сменить хозяина».

Князь отпил из оловянной кружки глоток кваса. Смакуя его во рту, он вновь уставился в окно. Запутанная его игра продолжалась, всё новые и новые люди вольно и невольно втягивались в тугие узлы тайных противоборств. Одно ясно чувствовал Лев: наступала пора более решительных действий.

На востоке в темнеющем небе зажглась видимая уже не первую ночь хвостатая звезда. Мудрецы-монахи толковали, что звезда эта предвещает на земле великий мятеж, но Льву почему-то не было страшно. Наоборот, он верил, что эта грозная испускающая яркие тонкие лучи небесная пришелица – его звезда, она пророчит ему удачу и успех. Но до успеха было ещё очень далеко.

Лев вздохнул и решительно оторвал взор от окна.

Глава 20

Вокруг Кернова на многие вёрсты простирались густые дубовые леса и рощи. Замок был невелик; обведённый толстой стеной из морёного дуба, занимал он пологую вершину насыпной песчаной горы.

Княгине Юрате в Кернове сразу не понравилось. Привычная к многолюдью южнорусских городов, к обширным торжищам и широким рекам, она с сожалением и презрением отмечала, что родная её Литва – край малолюдный и дикий. Никого не было в Кернове, кроме стражей на стенах да семей воинов. Изредка показывались в городе жители из недалёких, запятанных в глухих чащобах и на болотах деревень, жаловались на набеги ливонских рыцарей, рассказывали о своих сожжённых и разорённых домах, об угнанной скотине, об убитых или пленённых родичах. Выслушав их сетования, Шварн спешно собирал рать и бросался в лес, прокладывая себе пути сквозь густые заросли и болотистые низины, которые, по сути, были невидимыми бродами, известными немногим проводникам. Мосты через свои маленькие, узкие речки литвины прокладывали из камня прямо под водой, так что незнающие люди проезжали мимо, не замечая их. Когда же близко к Кернову подходили немецкие отряды, лесные лазутчики – кольгринды зажигали сигнальные огни, и тогда исчезали, пропадали и без того едва приметные дороги и вехи.

Шварн, одержав над рыцарями несколько побед в коротких стычках, воспарил соколом, ходил гордый и важный. Поведение сына сильно раздражало Юрату. Ещё более возмутила её сноха: Альдона откровенно радовалась тому, что оказалась в родном отцовском замке.

Молодая княгиня любила подолгу бывать на заборе. Поднявшись на самый верх круглой деревянной башни, откуда открывался дивный вид на рощи и леса, она подставляла лицо влажному ветру и с наслаждением вдыхала близкие душе запахи родной земли.

Она уже знала, что тяжела, что носит под сердцем ребёнка, но ни мужу, ни свекрови пока не говорила ничего. Только лучшей подружке Айгусте тихонько шепнула она на ушко эту новость. Первое время Альдона хмурилась, не ведая, радоваться ей или нет. Она не могла понять, от кого же забеременела. Неужели от того переветника, Варлаама, который строил козни против её брата?! Эта мысль повергала молодую княгиню в ужас. Долгие часы она молилась, простаивая на коленях перед иконой Спасителя, обливалась слезами, молила Господа о прощении за свой грех.

Нет, она не держала на Варлаама великого зла, он казался ей не столь уж и виноватым, но иметь от него сына или дочь она ни за что не хотела. Она упрямо старалась убедить сама себя, что зачала от мужа, что её будущий ребёнок – Шварнов. Но уверенности и спокойствия в душе у молодой княгини не прибавлялось.

Раздумчиво расхаживая по переходам княжеского замка, Альдона вспоминала прошлое, покойного отца, Миндовга, и мать, княгиню Марфу, которая едва не в открытую жила с одним немецким рыцарем, Сильвестром. Отец знал, но терпел, до поры до времени не обращая внимания на поведение супруги. Он даже принял латинскую веру, а потом, решив, что его час пробил, выгнал из Кернова католических попов, напал на немцев и искрошил их войско на озере Дурбе. Сильвестр тогда успел унести ноги в Ригу, а мать внезапно умерла. Незадолго перед этими событиями Альдону выдали замуж, потом в Литве был заговор, отца убили, и тогда Войшелг вышел из стен монастыря и начал свою месть.

Альдона помнила, как единожды случайно увидела свою мать в объятиях Сильвестра, как свет свечи в обширном покое, украшенном шпалерами, выхватил из темноты белую, бесстыдно обнажённую грудь матери, как раздавался в вечерней тишине её сладостный весёлый смех, как грубые большие руки наглого развратника Сильвестра ласкали упругое тело княгини. Тогда Альдона возненавидела мать, и даже к гробу её не подошла, не простилась с ней, а теперь

вот внезапно подумала: а чем она-то, собственно, лучше покойной княгини Марфы – тоже изменила мужу, причём самым постыдным способом. Но никак не могла Альдона поставить в один ряд Сильвестра и Варлаама – настолько разные были они люди.

Холопка передала, что муж и свекровь ждут её в горнице. Спихватившись, Альдона затопилась вниз по лестнице. Она решила, что как раз сейчас и скажет Шварну о будущем чаде.

В горнице царил полумрак. Кое-где на стенах горели зажжённые смоляные факелы. Перед грубо сколоченным деревянным столом, за которым сидел Шварн, стояли его ближние советники – молодой князь Трайден и нобиль Маненвид. Юрата, сложив руки на коленях, надменно поджав губы, с непроницаемым лицом восседала по левую руку от сына. За её креслом, покусывая широкие усы, застыл боярин Григорий Васильевич.

– Дак что ж, мать? Мыслишь, в Холм мне воротить? – спрашивал Шварн, ёрзая на скамье.

– Надобно тебе тамо быть, сын, – спокойным, твёрдым голосом ответила ему Юрата.

– Ты что скажешь, боярин? – повернулся Шварн к Григорию.

– Твоя мудрая мать, княже, боится новых козней князя Льва. Как бы не стал он стовариваться за нашими спинами...

Шварн гневно оборвал боярина:

– Рази не помнишь ты, как клялся Лев на кресте святом у гроба батюшки, что не пойдёт на меня войною, союз имея с ляхами и уграми?!

– Не о ляхах, не о уграх толковню веду, светлый княже. Есть у нас враги пострашнее.

Шварн нахмурился.

Юрата, не выдержав, крикнула ему:

– Да о татарах, о них, нехристях окаянных, говорим! Нешто не разумеешь?!

– Лев... с татарами... – Шварн изумлённо, широко раскрытыми глазами уставился на мать. – Да нет, не посмеет он.

Юрата криво усмехнулась.

– Добр ты, сын, – сказала она. – Излиха добр. Вот добротую-то твоей и пользуются недруги твои.

– Вы что думаете? – спросил Шварн Трайдена с Маненвидом.

– Мы думаем так. Поезжай, князь, в Холм. Без тебя тут управимся. Немцам покуда не до нас. С Новгородом, с Псковом у них розмирье, – ответил ему Трайден, а лукавый Маненвид с ласковой улыбкой на круглом лице добавил:

– Да и ты, князь, напугал рыцарей немало. Боятся они твоего крепкого меча. Не посмеют больше нападать.

Юрата недовольно поморщилась. Нет, не по нраву был ей этот льстивый нобиль, чуяла она: хитрит Маненвид, держит он за спиной острый нож.

– Стало быть, воистину, надо мне ехать, – заключил со вздохом Шварн, ударяя ладонями по столу.

В горнице воцарилась тишина.

Альдона, до того молчавшая, поднялась со скамьи, вытянулась в струнку и с недоумением спросила:

– Вижу, всё вы решили. А меня, княгиню великую, вы спросили? Моё слово выслушали? Что, за куклу, за холопку безмолвную держите меня?!

– Ты ещё тут перечить старшим будешь, девчонка! – сквозь зубы злобно процедила Юрата.

– Да что ты, лапушка?! – вскочив, бросился успокаивать Альдону Шварн. – Почто гневашь?! Али не ради блага твоего на совет мы здесь собрались?!

– Тяжела я, Шварн, – потупив очи, тихо вымолвила Альдона. – Ребёнок у нас с тобой будет.

– Слава Господу! – Юрата перекрестилась и радостно заулыбалась. – Я-то уж думала, не дождусь внучат.

Не выдержав, Альдона разрыдалась. Шварн порывисто заключил её в объятия.

– Мне всё одно – в Холм, дак в Холм, – всхлипывая, сквозь слёзы шептала молодая княгиня. – Как порешил ты, так и будет. Я... Я всюду с тобою, ладо.

– Ну вот и славно, – сказала, усмехаясь, Юрата. – Боярин Григорий! Распорядись, чтоб возки приготовили. И кмети чтоб собирались, мечи, сабли точили. Дальняя у нас дорога.

Глава 21

Осенью Тихон, соскучившийся по купечкой вдове Матрёне, вырвался-таки из Перемышля в Холм. Варлаам, пользуясь, случаем, тоже отпросился у князя и отъехал во Владимир навестить отца и мать. Друзья простились возле ворот Холма, после чего Варлаам, подгоня боднями коня, поспешил к берегу Буга.

Стоял октябрь, листва на деревьях, густо покрывавших волынские холмы, желтела и краснела, воздух был свеж и прозрачен, время от времени начинал накрапывать мелкий дождик, но тотчас же и прекращался. Солнце, борясь с хмурыми тучами, прорывалось сквозь серую пелену и согревало путника своим угасающим теплом. Путь был недолог, но Варлаам хотел успеть к Владимиру до заката солнца и потому, достигнув берега реки, погнался скакуна галопом.

После поездки в Литву он запрещал себе даже думать об Альдоне, но нет-нет да и жалили его сердце мысли об этой женщине, он вспоминал её полные презрения глаза в ночь, когда раскрыли заговор Скимонта. Неужели она желала ему смерти?!

Невесёлые думы Варлаама прервал отчаянный крик, доносящийся с реки. Натянув поводья, отрок заставил коня круто остановиться.

Какой-то человек в мохнатой бараньей шапке барахтался в воде саженях в пятнадцати от берега.

«Здесь глубоко, омуты, – сообразил Варлаам. – Да и пловец, верно, не из лучших».

Спрыгнув наземь, отрок сорвал с плеч плащ, кафтан, стянул сапоги и стремглав бросился на помощь утопающему.

– Держись! – крикнул он и, пятная воду пенным крошевом, вразмашку поплыл к отчаянно вопящему, судорожно вскидывающему вверх лицо человеку.

«Татарин, кажись», – определил Варлаам, хватая незнакомца за край кожаной одежды.

– Ну, не дёргай, не рви рубаху! И не вопи! Дай обниму тебя за стан! Да не цепляй меня за шею! Не дави так, а то оба к Водяному в гости пожуем!

Татарин, дрожа от холода и испуга, хрипел. Варлаам, стиснув зубы, тащил его к берегу. Вроде мелок, худ был татарин, а оказался нелёгок, отрок тяжело дышал и сквозь холодные брызги вглядывался вперёд. Далеко ли спасительная песчаная отмель, скоро ли кончится эта проклятая холодная вода?! Боялся Варлаам одного: как бы судорогой не свело ему члены!

Сильным течением их снесло вниз. Дул ветер, река волновалась, бросала в лицо водяные валы с пенящимися гребнями. Варлаам вздохнул с облегчением, когда нащупал ногами дно.

Встав, он медленно пошёл к берегу.

Татарин, шатаясь, плёлся за ним следом.

Взобравшись на песчаный взлобок, Варлаам подозвал свистом коня. Затем он собрал побольше хвороста и разжёг костёр.

Грелись, сушили одежду, татарин говорил на ломаном русском языке:

– Твоя моя жизнь спас! Твоя моя выручать. Я – теперь твой брат, твой – мой брат! Мой – сильный, богатый, мой – нойон!

– Как твоё имя? – спросил Варлаам, с некоторой настороженностью поглядывая на плоское, скуластое лицо татарина с редкой, короткой бородкой и узкими, вислыми усами. Глазки у нойона были маленькими, такими, что казалось, будто он всё время лукаво щурится.

– Маучи, – ответ заставил Варлаама вздрогнуть.

Маучи, или Могучей, как звали его на Руси, был наместником хана Золотой Орды в Киеве.

– Как же ты оказался тут один, без охраны? – изумлённо разведя руками, пробормотал отрок.

– Ходил на охоту. Нукеры остались. – Маучи указал грязным перстом за реку, в сторону густого букового леса. – Моя видит река, хотел переплыть. Конь упал, утонул. Моя тонуть. Твоя спасать.

– Ищут тебя, верно. Надо разжечь костёр повыше, по сильнее, чтоб заметили твои люди. Соберём побольше хвороста, веток, листвы, – предложил Варлаам.

Маучи послушно последовал за ним на невысокий пологий холмик, нависающий над песчаным берегом Буга.

Варлаам с досадой подумал, что ему теперь не удастся добраться до Владимира до завтрашнего утра.

Вскоре над рекой запылал большой костёр. Высоко в темнеющее вечернее небо вознеслись языки пламени, посыпались искры, жёлтые отблески упали на рябющую под холмом воду.

Маучи стал рассказывать о себе, Варлаам слушал, время от времени бросая беспокойные взгляды за реку. Но там как будто было пока тихо.

– Моя ходил в поход с хан Бату, воевал кипчаков, мадьяр¹²³, брал Киев, Варадин. Много был я в походах. Копыта мой конь ходили... Полуночное море... – Он пощёлкал пальцами, вспоминая название.

– Верно, Ядранское море¹²⁴, в Далмации¹²⁵. Доводилось и мне там бывать, – промолвил Варлаам.

«Господи, зачем, кого это я спас?! Мало того, что мунгал, дак ещё и вражина лютый, темник какой-нибудь или тысячник у Батгья был. Сколько он людей русских, да и не только русских, сгубил, а я! – думал с отчаянием отрок. – Ну дак и что же с того?! Ведь я оказал помощь страждущему, поступил, как всякий добрый христианин. Разве мог я по-иному содейть?! Что, проехал бы мимо: пропадай, мол, поганый татарин, в омуте бужском?! Нет, прав Тихон. Одно дело – честный бой, там мы – враги, иное дело – такая вот беда. В ней все равны, все должны друг дружке помогать».

Он назвал своё имя, немного сказал о себе, помянул об учёбе в Падуе, о князе Льве. Маучи понимающе кивал и добродушно улыбался.

– Твоя молод, моя старше, немного, но – старше. Много видел, много воевал, – сказал он.

– У тебя, достопочтимый Маучи, сабля, вижу, есть, кинжал на боку. Ты их на ночь не снимай, вдруг какие лихие люди нападут. Дадим им отпор. А завтра, если твоих нукеров не дождёмся, во Владимир поедем. Отец, мать у меня там.

– Твоя правильно говорит, – согласился татарин.

– А покуда сторожу вокруг костра будем нести по очереди. Сперва я, ты, верно, больше моего устал. Охота, да потом купание это в воде. Ложись, спи покуда.

Маучи не успел ответить. Снизу раздался шум, плеск воды, гортанные крики, ржание коней.

– Нукеры! – обрадовался нойон.

Приложив ладони ко рту, он крикнул что-то на своём, непонятном Варлааму языке. Через несколько мгновений к костру подлетел отряд вооружённых копьями и саблями татар в кожаных и булатных доспехах и лубяных обрских шлемах. Все они были на конях.

Маучи торопливо объяснил им, что произошло. Затем он обратился к Варлааму:

– Твоя – мой брат, моя – твой брат. У нас – одна кровь.

Он надрезал на руке кожу и подал Варлааму нож. Отрок, усмехнувшись, сделал то же. Потом они соединили надрезанные места, на которых выступили капли крови. Нукеры шумно и радостно приветствовали их братание. Затем Маучи сказал так:

¹²³ Мадьяры – самоназвание венгров.

¹²⁴ Ядранское море – Адриатическое море.

¹²⁵ Далмация – приморская область в Хорватии.

– Моя конь – твоя конь. Я дарю тебе, брат, свой лучший конь, а ты дашь мне свой.

По его знаку один из нукеров подвёл к Варлааму стройного солового иноходца. Отрок с улыбкой залюбовался красивым долгогривым жеребцом.

Взамен он отдал Маучи своего саврасого коня.

– Моя едет в Холм, твоя – в Ульдемир, – со вздохом промолвил Маучи. – Даю тебе двух моих нукеров. Проводят тебя до Ульдемир. Простимся сейчас, брат. Будешь Киев – приходи.

– Да, брат, – ответил ему ошеломлённый Варлаам. – А ты, если будешь в Перемышле, тоже мимо не проезжай.

Они обнялись, маленький Маучи крепко стиснул Варлаама в своих объятиях. Варлаам с изумлением заметил, как по грязной щеке нойона покатила слеза.

На том побратимы расстались. Маучи и его спутники исчезли в ночной тьме. Варлаам постелил войлочную попону и лёг возле костра. Нукеры с копьями наперевес, стараясь не потревожить его, молча и неслышно обходили холм.

«Это надо же! Стать братом врага, татарина!» – Варлаам изумлённо покачал головой и вдруг подумал: что почувствует и что скажет Альдона, если когда узнает о сегодняшнем событии. Он представил себе её полное презрения лицо, её твёрдый наморщенный носик и тихо рассмеялся, сам не зная чему.

Глава 22

В Перемышле, когда спустя несколько дней Варлаам воротился из Владимира, всё было по-прежнему. По крепости и вокруг неё разъезжали татарские всадники во главе с баскаком Милеем, собирали дань, беззастенчиво обирали крестьян, и без того бедствовавших. Многие людины¹²⁶ бросали свои дома и бежали в горы, сбиваясь там в разбойничьи шайки и чиня пакости на дорогах. Лев, скрипя зубами, терпел. Во всех бедах своих, в том числе и в бесчинстве татар, винил он одного человека – Войшелга.

Когда Тихон и Варлаам вернулись из Литвы, то молодого Мирослава в Перемышле они не застали. На вопросы отроков, куда подевался сын тысяцкого, одни пожимали плечами, другие бросали уклончиво:

– Князь куда-то послал.

Третьи строили догадки:

– Верно, в вотчины свои отъехал.

Мирослав примчался в Перемышль внезапно, на следующее утро после возвращения Варлаама из Владимира. Весь в пыли, в забрызганном грязью дорожном вотоле из валяного сукна, он, ни с кем не перемолвившись ни словом, поспешил к князю. О чём они говорили вдвоём, запершись в покое в башне замка, Варлаам не знал, но почему-то неожиданное появление сына тысяцкого его взволновало. Чужало сердце молодца – грядёт большая беда.

Спустя несколько дней Мирослав вновь исчез, так же внезапно. И опять приходилось ломать голову, что же творится, какое несчастье стучится в двери. А что именно несчастье и беда, в этом Варлаам почти не сомневался. Спрашивать Льва он не решился – князь словно не замечал их с Тихоном после того, как приехали они из Литвы с пустыми руками. Как обычно, Лев был нелюдим и хмур, Варлаам видел, что перемышльские, галицкие и холмские бояре его если и не боялись, то уж опасались точно. Дружбу со Львом никто из них не водил, да и самому Льву, кажется, ничья дружба не была нужна.

Размышляя об Альдоне, о Льве, о своей службе, Варлаам долгие часы, когда не надо было ехать с каким-нибудь поручением или нести охрану на стене, проводил в своей камере. Ночью он не один раз наблюдал на восходной стороне неба большую хвостатую звезду. Зрелище было величественное и страшное. Казалось, несёт эта звезда Земле те самые беды и горести, о которых он смутно догадывался.

Вскоре приехал Тихон. Сразу с дороги он поспешил к товарищу с новостями.

– Был у Матрёны, Варлаам, – объявил он. – Шлёт те привет Матрёнушка, желает всех благ, здоровья, удач. Всё вспоминает, как вы с нею на княж двор хаживали.

– Что же, спаси её Бог. Ну, а у тебя с ней как? Двигается дело?

– Да какое там дело, право слово?! – Тихон огорчённо вздохнул. – Всё, как и ране. Вот гляжу: люб я ей, люб! Но ведь... Сам разумеешь, да и сказывал я те не раз – на что я ей такой, бессребреник. Она баба сурьёзная. Подол ей не задерёшь, яко девке посадской.

– Так ты предложи ей, раз она тебе любя: выходи, мол, за меня замуж.

– Да ты что, смеёшься надо мной, право слово, Варлаам?! – вскричал, сокрушённо махая руками, Тихон. – Рази могу я?! Да она на смех меня подымет! Баил ведь уже!

– Не узнаю я тебя, друг. С другими жёнками всегда ты смел был, а тут... – Варлаам пожал плечами.

– Запала мне Матрёна сия в сердце, Варлаам, чего ещё скажешь. – Тихон снова вздохнул. – Потерять её боюсь. Вот возьмёт она да и выскочит замуж за какого купчину, аль даже и за боярина. Она такая, она может. И тогда что? Другую такую жёнку где я сыщу? Вот ране

¹²⁶ Людины – основная часть населения Киевской Руси в IX–XII веках, свободные общинники.

думал: просто с ими, с бабами. Одна тамо, вторая. Ну, с которой не получится, дак и бог с ею. А Матрёну вот встретил, и все иные – так, побоку. Да и вроде как и не нать мне топерича никого боле.

– И мне тоже такая вот жёнка повстречалась. Только замужем она, да и не ровня я ей.

– Енто тамо, на озере-то? – спросил Тихон.

Низинич хмуρο кивнул и не стал продолжать разговор. Они вышли из каморы и поднялись по лестнице на смотровую площадку заборолы.

Вдали, у окоёма синели буйно поросшие лесом холмы, меж ними серебрился, извиваясь, как змея, быстрый Сан, в излуках лепились хутора и деревеньки, кое-где над крытыми соломой жилищами курился дымок. Липовая роща, уходящая вниз от земляного вала, блистала золотом листвы. В утреннем чисто вымытом небе над крепостью кружил орёл.

– Гляди, скачет кто-то! – указал Тихон.

За деревянным зубцом заборолы был хорошо виден всадник в сером вотоле. Бесперывно хлеща вороного коня нагайкой, он галопом нёсся по шляху. За спиной его вздымалась клубами пыль.

– Кажись, Мирослав. – Тихон смотрел из-под ладони, как всадник круто осадил коня перед рвом и что-то закричал страже у ворот. – Да, тако и есь.

Ветер относил в сторону слова Мирослава, и отроки не смогли их разобрать.

– Верно, стряслось что, – встревожился Варлаам. – Сойдём-ка во двор.

Он повернулся и заспешил вниз по винтовой лестнице.

– Да, позабыл те сказать, – говорил Тихон, спускаясь за ним следом. – Тамо, в Холме, князь Шварн объявился. С матерью, с женою своею, и боярин Григорий Васильич с ими. Воротился из Литвы.

– Вот как. – По челу Варлаама пробежали волной морщины. – Значит, здесь он теперь.

«И она», – едва не добавил Низинич, но вовремя спохватился и смолчал.

Во дворе его ждал гридень.

– Князь тебя кличет, – сухо передал он.

Лев ожидал Варлаама в том же узком покое на верху замковой башни. Напротив князя на скамье сидел бледный от усталости Мирослав.

– Сказал, не приедет. Монах, мол, не князь, – говорил он, зло кусая усы.

– Бойтся, скотина, что прежние его делишки вспомнят, вот и отказывается, – процедил Лев. – Что ж, по-иному сделаем. А, Варлаам! Звал тебя. Садись. Разговор наш долгий. Вижу, истосковался ты без дела настоящего. Это ничего. Князь про тебя не забыл. – Лев неприятно засмеялся.

Варлаам впервые услышал, как Лев смеётся, и подивился, насколько смех его был едок и противен.

– Вот что, отроче, – продолжил князь. – По важному позвал я тебя поводу. Сперва вот ведай: хан татарский, Берке, давнишний наш ворог, который Куремсу и Бурундая на нас посылал, ныне в Орде помер. Трахомой страдал, а кроме того, тёмная его била. Вот так упадёт посреди своего шатра ни с того ни с сего и бьётся в судорогах. Пятьдесят семь лет прожил на белом свете, нехристь, бесермен проклятый! В общем, новый хан теперь у татар – Менгу-Тимур. Берке и Батью он молодой брат. И, говорят, за бесерменскую веру он так не стоит, как Берке. Веротерпим, иными словами. Это весть добрая. Зато следующая худая: объявился в степях приморских, на Днестре и Дунае новый хан ордынский – Ногай. Доселе ходил он под рукою у Берке, воевал за Кавказскими горами с персидским ханом, Хулагу¹²⁷, а теперь вот в наших краях рыщет. Много у Ногайа воинов, и, доносят мне из Орды купцы наши, розмирье у них с Менгу-Тимуром. Вот посылал я к Ногаю Мирослава с дарами великими. Как-никак

¹²⁷ Хулагу (1217–1265) – монгольский хан, завоеватель Ирана. Основатель династии Хулагуидов, правившей в Иране.

Менгу-Тимур далеко, на Волге сидит, а Ногай близко, у устья Днестровского шатры раскинул. Вроде задобрив Мирослав его, но что далее будет – один Бог ведает. Это ж татарин. Вот захочется ему нас пограбить, он и придёт, и опять всю Галичину опустошит, живого места не оставит. При отце два раза татарское нахождение было, помнишь, верно. В общем так: решил я созвать братьев на снем¹²⁸ во Владимире. Чтобы, если татары нападут, всем нам силы совокупить. Там, у дядьки Василька, лучше всего бы нам собраться. Послал гонцов. Вроде бы и Шварн, и Мстислав не против, а вот Войшелг заупрямился: не хочу, мол, монах я. Бойтся, что мстить я ему стану за прежние обиды. А его бы тоже послушать не мешало. Может, что доброе присоветует. Мирослав к нему в монастырь в Новогрудок ездил, да без толку. Поэтому решаю так: поезжай ты, Варлаам, во Владимир к дядьке моему, князю Васильку. Дядька мой – муж прямой, честный. Пусть он убедит Войшелга, что не хочу я ему никакого зла сотворить. Не до этого нынче. Так всё князю Васильку и скажи. Понял, Варлаам?

– Понял, княже. – Варлаам встал со скамьи и поклонился Льву в пояс.

– Ступай, отроче, – приказал ему князь. – Готовь коня, оружие, заутре отъедешь. У канцлера моего грамоту возьмёшь, с восковой печатью.

Как только Низинич скрылся за дверью, Мирослав спросил:

– Думаешь, княже, клонет рыба на приманку?

– Кто ведает, боярин, – мрачно сверкнул на него глазами Лев. – Но по-другому этого зверя в рясе из Новогрудка не выгнать. И посланника лучшего, чем Низинич, у меня нет.

– Главное, сам он верит, что ничего Войшелгу во Владимире не грозит, – раздумчиво промолвил сын тысяцкого.

– Ты во Владимир заезжал по пути? – строго спросил его Лев. – С привратником монастыря Михаила Архангела говорил?

– Да. За три гривны¹²⁹ он нам врата откроет.

– Сребролюбив монах. – Лев криво усмехнулся. – Ну да на такое дело и пяти гривен не жаль.

Он посмотрел на морду медведя на стене. Во взгляде князя пылал огонь злобы. Мирослав, посмотрев на него с испугом, незаметно перекрестился.

¹²⁸ Снем – княжеский съезд.

¹²⁹ Гривна – денежная и весовая единица Киевской Руси. Название происходит от золотого или серебряного обруча, который носили на шее (на «загривке»). Первоначально (до XII века) 1 гривна серебра равнялась примерно 410 граммам серебра. Денежная единица 1 гривна кун = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам = 150 виверицам.

Глава 23

Листья с низко свисающих над Лугой плакучих ив кружились в воздухе и падали на речную гладь. Подхваченные быстрым течением, они уносились прочь, а на смену им летели всё новые и новые, и было в этой нескончаемой череде что-то печальное и трепетное. Альдоне подумалось, что людская жизнь напоминает это движение листвы. Как один лист сменяет другой, так и всякий человек приходит в мир в назначенный ему срок, совершает добрые и худые поступки, а затем исчезает в волнах времени. Вослед ему приходят дети, внуки и тоже проходят по жизни своей чередой. А жизнь коротка, как короток грустный, безнадёжный полёт листа под порывом ветра.

– Альдона! Сестрица! – раздался сверху голос юной Ольги, снохи князя Василька. – Чего стоишь тамо, у берега?!

Спohватившись, Альдона поспешила навстречу подруге.

...Седьмицу назад Альдона вырвалась из Холма во Владимир, упросив Шварна и Юрату позволить ей навестить старого Василька и его семью. Здесь, окружённая вниманием добро-сердечной Добравы и весёлой, жизнерадостной Ольги, молодая галицкая княгиня отдыхала душой, ей было намного спокойней, чем в Холме, рядом с властной свекровью и норовистыми боярами. Беременность её стала заметной, чрево округлилось, Альдона уже не мучила себя вопросами, чей же это ребёнок. Почему-то ей хотелось, чтобы была дочь. Вот вырастет она, и отдаст её Альдона замуж, куда-нибудь, где поспокойнее, куда не дойдут полчища мунгалов, не доберутся с огнём и мечом ливонские рыцари-крижаки. Одно тревожило княгиню – как там без неё Шварн. Не занемог бы опять, не простудился б где. Шварна ей почему-то, особенно в последнее время, становилось жалко.

– Чего грустная ходишь? – спрашивала Ольга, когда они поднимались по лестнице на крыльцо терема. – Давеча купцы приезжали, от бесерменов, столько всякого товару навезли – ахнешь! Ткани серские¹³⁰, бархат, зендянь пёстрая. Сапожки сафьяновые. Матушка платов себе накупила, ещё шубу лисью, князь Василько тож, мой Владимир у купчины одного на торгу саблю присмотрел. Говорит, харалуг¹³¹ персидский, самый что ни на есть лучший. А ещё давеча посол приходил, от Ногая какого-то, из Орды. Кониной от него несёт и ещё гадостью какой-то. Да так мерзостно. Фу!

Ольга смешно наморщила курносенький носик. Альдона, посмотрев на неё, не выдержала и хихикнула.

– Забавный такой, маленький, кривоногий. И шепелявит.

– Он по-русски говорил, без толмача? – спросила Альдона.

– По-русски, токмо слова коверкает безбожно.

– А нынче, чей вон то конь у крыльца стоит? Гляди, у коновязи. Али опять какой татарин?

– Опостылели они, татары сии. – Ольга вздохнула. – Ладно, хоть дозволили князю Васильку стены во Владимире возводить.

Альдона посмотрела в сторону, где кипело строительство. Там жужжали пилы, стучали топоры, мужики в посконных рубахах тащили баграми огромные дубовые и буковые брёвна. Неподалёку на уже возведённой стене возле башен воины в кольчугах и остроконечных шлемах крепили на кожаных ремнях пороки, устанавливали в бойницах самострелы.

– Эй, Олекса! – окликнула Ольга дворского. – Ну-ка, ответь. Чей то скакун на дворе?!

Дворский Олекса, добродушный старик, седой, с ласковой улыбкой на лице, ответил ей:

– От князя Льва, из Перемышля, гонец.

¹³⁰ Серский – китайский.

¹³¹ Харалуг – булатная сталь или изделие из неё.

– Зачастили гонцы! Стало быть, али пир грядёт, али рать! Примета верная! – Ольга неожиданно расхохоталась.

«Смехом страхи и тревоги свои глушит, – подумала Альдона. – Лёгкая она. Николи не тоскует, не печалуется».

В сенях вышел к ним сын Василька, Владимир. Это был писанный красавец, с иконописным лицом, голубоглазый, светловолосый. Говорили, что в княжеского сына были тайно влюблены во Владимире все посадские девки. Но ни на кого, кроме своей Ольги, Владимир не обращал внимания.

«Добрая у них семья. Душа в душу живут. И не помыкает никто Владимиром, как Юрата Шварном. Добрава Юрьевна – она сына своего, а не власть любит», – с грустью подумала Альдона.

Она по-хорошему позавидовала Ольге.

– Ты бы, Олюшка, не шумела тут излиха, – улыбаясь, промолвил Владимир. – Гонец ото Льва у отца в горнице.

– А мы пойдём тогда, подглядим сверху чрез оконце, что за гонец тамо. И послушаем, о чём толковня. – Бойкая Ольга ухватила Альдону за рукав платья из тяжёлой голубой царьградской¹³² парчи и потянула её за собой.

– Неугомонная, – с наигранной укоризной вздохнул Владимир. Он с обожанием смотрел на свою юную супругу, а на Альдону почти не обращал внимания.

После, когда молодые женщины подымались по лестнице на верхнее жило, шурша платьями, Альдона заметила:

– Любит тебя Владимир. Вижу, души не чаёт. На иных жёнок и не глядит. Счастливая ты. Ольга в ответ только довольно рассмеялась.

Княгини остановились возле прорубленного в бревенчатой стене узкого оконца. Из него было хорошо видно всё, что происходило в огромной, залитой светом из забранных слюдой высоких окон горнице. В то же время снизу оконце можно было разглядеть, лишь внимательно присмотревшись.

Князь Василько Романович, в голубом долгополом кафтане, в шапке с зелёным бархатным верхом и меховой опушкой, в мягких сафьяновых сапогах без каблуков, восседал в резном кресле. Перед ним стоял высокий темноволосый человек в тёмно-сером, подбитом мехом суконном плаще с фибулой¹³³, надетом поверх белой сорочки. В руках он мял войлочную шапку. По обе стороны от кресла вдоль горницы на скамьях сидели бояре в ярких разноцветных опашнях¹³⁴, зипунах, ферязях¹³⁵.

Когда гонец поднял голову, Альдона едва не вскрикнула – она узнала Варлаама.

Василько говорил громким голосом, и княгиням было хорошо слышно каждое сказанное им слово.

– Прочёл я грамоту сыновца¹³⁶. Всё в ней складно. Но не разумею, почто хочет Лев звать во Владимир Войшелга? Эй, Олекса! Пусть кликнут княгиню Альдону. Надобно и ей ведать о Львовой грамоте.

Альдона заметила, как длань Варлаама чуть дрогнула, он поджал тонкие уста, но волнения своего ничем не выдал.

«Вот и свидимся опять. Смешно и глупо. Он правильно сказал. Противно се – по углам тёмным прятаться. Любовь – она чистою, светлою быть должна».

¹³² Царьград – русское название г. Константинополя, столицы Византийской империи. Ныне – город Стамбул в Турции.

¹³³ Фибула – пряжка-застёжка.

¹³⁴ Опашень – верхняя одежда с короткими рукавами, обычно летняя.

¹³⁵ Ферязь – кафтан без воротника.

¹³⁶ Сыновец – племянник со стороны брата.

– Чегой-то лицо сего гонца знакомо мне. Где-то видала, – прервала мысли Альдоны Ольга.

Ничего ей не ответив, Альдона пожала плечами и поспешила вниз.

– Искать меня будут. Худо, ежели здесь застанут, – коротко бросила она подружке через плечо.

Сев по правую руку от князя Василька, она с непроницаемым, надменным лицом изготовилась слушать.

– Князь Войшелг исхитрён в державных делах, долгое время правил он в Литве. Вот и хочет сынонец твой испросить у него совета. Потом, кум князь Войшелг князю Льву, – говорил Варлаам. – Потому...

– О том мы ведаем! – супясь, резко оборвал Варлаама Василько. – Токмо нет твоему Льву никакой веры! Лукав он, козни супротив братии своей строит. А со князем Войшелгом старые у его счёты.

– До малых ли ссор наших сейчас, княже?! – Варлаам удивлённо развёл руками. – Ногай у луки Днестровской шатры раскинул. С миром али с войной он там объявился, бог весть. Вот и хочет князь Лев, чтоб стояли все князья заедино и, если что, дали бы мунгалам отпор.

– Вы что скажете, бояре? – спросил, всё так же супясь, Василько. – Говори ты, Олекса.

– Я думаю, прав князь Лев, – поднялся дворский. – Хоть Войшелг ныне и в монастыре, да вся Литва всё одно его слушает. А ежели Литва и Галич воедино стоять будут, не решится Ногай Батыево нахождение повторить.

– Посылай к Войшелгу, княже, – поддержал его тысяцкий Лука. – И пускай не тревожится Войшелг. Мы здесь во Владимире никого лиха створить никому не позволим.

– Да Лев и не осмелится, – промолвил другой боярин, низкорослый, в огромной округлой шапке.

– Плохо знаешь ты князя Льва, – заспорил с ним сосед, рослый боярин в зелёном зипуне. – Енто лисица хитрая. Коварен он, мыслю, худое замыслил.

– Может, клятву пусть даст князь Лев, что не створит лихо? – Спросил с сомнением Лука, искоса посмотрев на тучного владимирского епископа, который упрямо отмалчивался и вытирал платом сильно потевшее чело.

– Нет, не годится тако, – закачал головой князь Василько. – Лев обидится, что ему не верят, и тогда, воистину, всякое створить может. Альдона, княгиня великая! Тебя позвал сюда, ибо брат тебе Войшелг. Хочу твой совет услышать. Стоит ли нам Войшелга звать?

Альдона встала с кресла и, смотря прямо в глаза Варлааму, изрекла:

– Поверю я тебе, гонец. И постараюсь, чтоб Войшелг во Владимире был. Сама ему грамоту пошлю.

Глава 24

Варлаам думал остановиться во Владимире у родителей, но сперва сразу после совета направил стопы в гридницу, где для него, по княжескому повелению, уже был приготовлен обед – глиняная миска каши сорочинского пшена¹³⁷, тарелка мясных щей и жбан с олом. Однако едва приступил изголодавшийся отрок к трапезе, как двери гридницы распахнулись. Терпкий аромат аравитских духов наполнил просторное помещение. Альдона, в лёгком платье тонкого шёлка, перетянута кожаным пояском, поверх которого наброшена была на плечи длинная, отороченная мехом свита с долгими рукавами, в шапочке красной парчи, украшенной жемчужинами, стремглав влетела в гридницу.

– Должна с тобой потолковать, – объявила она Варлааму, обедая недовольным взором челядинца, подавшего Низиничу еду, и двоих гридней, которые сидели за соседним столом.

Круто повернувшись, княгиня так же быстро вышла. Варлаам поспешил за ней следом в темноту увенчанного столпами перехода.

– Отобедаешь, жду тебя в саду у реки, за воротами, – раздался возле его уха шёпот.

Тёмная фигура Альдоны скрылась за углом. Постояв немного возле восьмигранного изуродованного резьбой столпа, Варлаам воротился в гридницу.

Быстро покончив с едой, он спустился с крыльца княжеского терема во двор, вышел за ограду и прошёл мимо бретьяниц, амбаров, лавок менял и рядов торговцев щепетинным товаром к крепостным вратам, возле которых трудились строители. Пройдя по подъёмному деревянному мосту через ров, Низинич оказался возле населённого ремесленным людом околородья. Отсюда дорога круто шла вниз к реке. По правую руку от неё и находился тот самый сад с плакучими ивами, про который говорила Альдона. Опасливо оглядевшись по сторонам (не заметит ли кто его, не узнает ли ненароком), Варлаам перемахнул через невысокий тын и углубился в заросли терновника. Продравшись сквозь кусты, он выбрал на узкую тропку, которая вывела его к болотистому низменному берегу Луги.

Альдона появилась из-за деревьев столь неожиданно, что Варлаам вздрогнул. Была она в той же шапочке, но свиту сменила на тёплый коротель¹³⁸ на бобровом меху, обшитый снаружи голубой парчой.

– Хочу спросить тебя, – сходу начала она, вздёрнув с надменностью голову. – Почто ковы измышлял ты против брата моего в Литве? Правда, что уговаривал ты Скирмонта восстать против князя Войшелга? Сперва там, на совете, поверила я тебе, а теперь вот засомневалась.

– То правда, – досадливо обронил Варлаам, отведя очи в сторону. Не мог, да и не хотел он ей лгать.

«Опять эти объяснения, почему да что, да как! – подумал он со вздохом. – Нет, ей я скажу всё, что думаю. Иначе никак нельзя».

Пока Альдона молчала, он быстро заговорил, стараясь как можно скорее окончить эту неприятную скользкую толковню:

– Да, уговаривал я Скирмонта. Ибо что твой брат за князь, что натворил он на Руси и в Литве?! Сколько крови пролил он! Я понимаю: мстил за смерть отца. Но сколько невинных при том пострадало. Потом, тогда, в Холме, когда князь Даниил умер. Если бы не Войшелг...

– Князь Войшелг! – гневно перебила его Альдона.

– Да, князь, – поправился Варлаам. – Если бы не он, не было бы той несправедливости, какая случилась, не было бы злобы, не было бы ненужной рати с ляхами, в которой много людей ни за что головы сложили, не было бы и козней князя Льва.

¹³⁷ Сорочинское (то есть сарацинское) пшено – рис.

¹³⁸ Коротель – женская свитка.

– О какой несправедливости речёшь?! – Красавица-княгиня с удивлением приподняла тонкие, тщательно подведённые сурьмой брови.

– О том говорю, что издревле закон такой есть на Руси: стол первый княжеский – старшему в роду. А старший после князя Даниила – Лев. Князя Василька не считаю, у него свой удел. Почему же право старшего попрано тогда в Холме было?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.